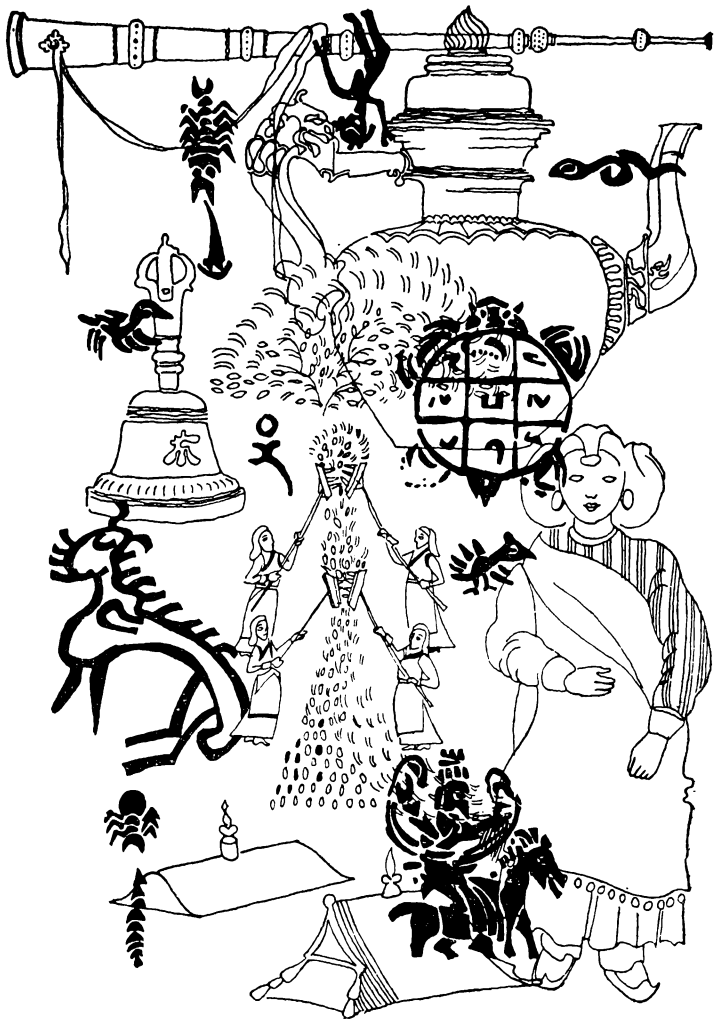

Е. ПАРНОВ

Бронзовая улыбка

Е. ПАРНОВ

Бронзовая улыбка

(ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ“
1971

P2
П18

Художник Б. ЖУТОВСКИЙ

7—3—2
229—71

ПРЕДИСЛОВИЕ

На протяжении веков в Тибете каждый четвертый житель становился монахом. Ни Древний Египет, ни могущественные империи ацтеков и инков не знали ничего подобного. Но все эти теократические государства давным-давно исчезли. А Тибет просуществовал вплоть до атомной эры, и даже первый искусственный спутник успел пролететь над этой удивительной страной.

И тем не менее широкая общественность знает о Тибете меньше, чем об империи майя или Древнем Египте. Книга Е. Парнова, по сути, является единственной работой о Тибете, доступной широкому читателю. Одно это уже делает ее исключительной. Но, кроме того, она еще интересна и увлекательна.

Ведь очень долгое время все в Тибете было тайной для внешнего мира: причудливый пантеон многоруких и многоголовых богов, удивительное смешение философских откровений буддизма с варварскими шаманскими мистериями, сокровенные обряды тантрических лам и секреты тибетской медицины, летописи, которые велись с древнейших времен, и чудесная власть, которую якобы обретали аскеты-отшельники над телом и духом.

На протяжении столетий Тибет оставался закрытой страной. «Небожители» существовали как бы вне мирового времени. Тысячи ламаистских монастырей, в которых проживала четвертая часть всего населения, оставались форпостами изоляции и консерватизма. Страх перед сильными мира сего — китайским амбанем, князьями — и мистический ужас перед мучениями на том свете или же перед перерождением в облик животных заставляли многие поколения тибетцев кормить и обслуживать тех, кто избрал путь «постижения высоких истин».

Даже после военной экспедиции англичан Тибет долгое время оставался в состоянии вековой дремы. Так, в 1913 году богатый феодал послал четырех своих сыновей учиться в Лондон. Один из них стал геологом. Вернувшись на родину, он занялся составлением карты полезных ископаемых. Но при первой же попытке вести триангуляционную съемку его чуть не забросали камнями. Ламы близлежащего монастыря заявили, что он беспокоит спящих в земле духов и это может пагубно отразиться на урожае. Столь же упорное сопротивление встретил он и в других местах. Молодой

геолог отступился от своих начинаний и стал ламой. Другого пути не было.

И вот эта-то атмосфера застоя, всеобщего страха и недоверия прекрасно передана в повести «Бронзовая улыбка».

Начало XX века оказалось переломным моментом тибетской истории. Англичане упорно стремились приподнять покров удивительных тибетских таинств и, конечно, произвести тригонометрическую съемку, нанести на карты реки и перевалы этой самой высокогорной в мире страны. Закрытый для мира, Тибет, однако, был доступен для паломников-ламаитов. Это отлично использовала английская секретная служба в Индии. Специальная буддийская школа и тригонометрическое бюро засылали в Лхасу и Ташилхуньпо отлично обученных индийцев-пандитов. Проявляла интерес к Тибету и Япония, которая вынашивала планы создания «панбуддистской Азии».

Все это хорошо показано автором. Особенно удалась сцена встречи двух секретных агентов: индийского пандита и японского монаха.

Русские путешественники на протяжении четырех десятков лет упорно штурмовали твердыню Центральной Азии, но так и не смогли преодолеть противодействия тибетской и китайской администраций. Пржевальский, Козлов, Роборовский, Потанин, Певцов и другие выдающиеся исследователи вынуждены были возвращаться назад, так и не дойдя до легендарной Лхасы.

Только Г. Цыбиков — бурят по национальности, тибетолог, окончивший Петербургский университет, смог добраться до Лхасы и побывать в ее тайных святынях. Он удостоился даже аудиенции самого далай-ламы. Страницы, посвященные этому удивительному человеку, принявшему впоследствии участие в революции, нельзя читать без волнения.

Читательской общественности нашей страны будет очень интересно ознакомиться с его смелым, полным опасностей путешествием. Повесть «Бронзовая улыбка» удачно соединяет увлекательный, можно сказать, детективный сюжет с научной строгостью.

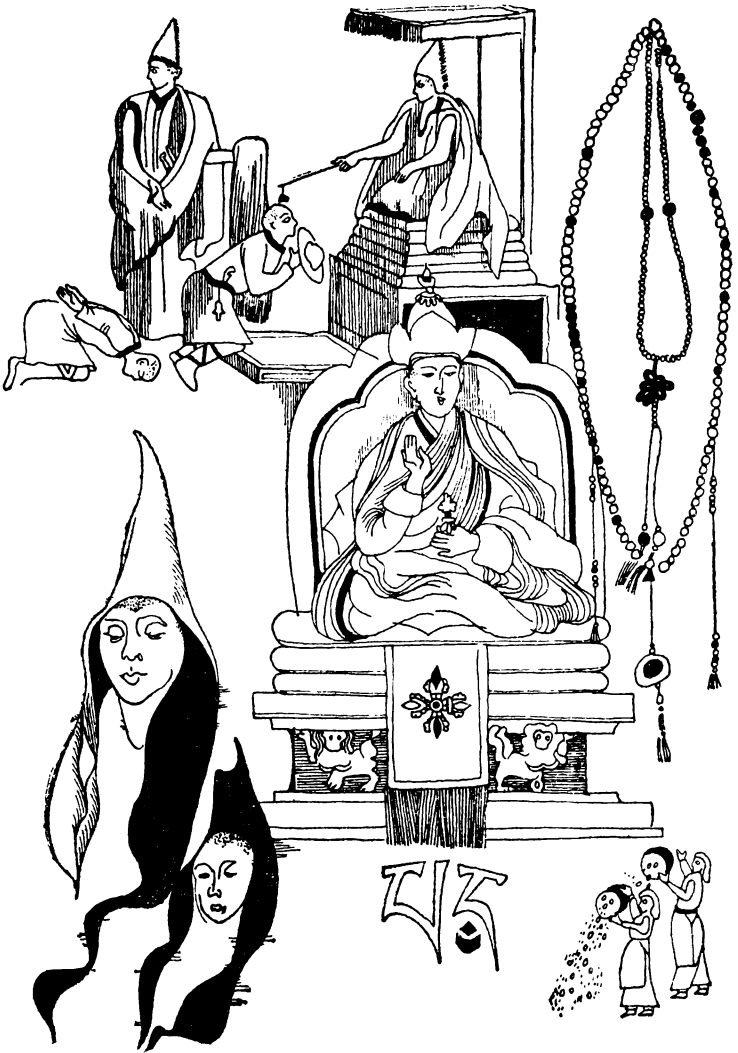
Академик Б. Г. Гафуров

*Уходят мудрые от дома,
Как лебеди, покинув пруд.
Им наша жажда незнакома —
Увидеть завершённым труд.
Им ничего не жаль на свете —
Ни босых ног своих, ни лет.
Их путь непостижим и светел,
Как в небе лебединый след.*

Дхаммапада, VII, 91 и 92
(Здесь и далее тексты даются в стихотворном переложении автора.)

*Немногим видеть тот дано
Далекий и туманный берег.
И снова, как давным-давно,
Мы падаем у черной двери.
Толпимся шумно у реки,
Как будто бы достигли цели...
Но незаметны и редки,
Кто сумрак вод преодолели,
Сквозь частую проплыли сеть,
Спокойны к злу и милосердью.
Они не победили смерть —
Они возвысились над смертью.*

Дхаммапада, XI, 85 и 86

ЖИВОЙ БОГ

Тибете его называют Тугчжэ Чэньпо Шэньрэзиг — «всемиловитнейший Авалокитешвара». Он никогда не умирает, хотя порой, огорченный беззакониями мира, удаляется в рай Сукавати, далекий Западный рай. Древние летописи этой страны говорят, что на земле он появлялся всего лишь четырнадцать раз в течение восемнадцати столетий, прошедших от смерти Будды до начала XV века.

В 1474 году родился Гэдунь-чжяцо, «перерожденец» Гэдунь-дуба, в котором воплотился сам Авалокитешва-

ра. Это был первый из далай-лам. Ему наследовал Сонам-чжяцо, приглашенный в Монголию победоносным Алтан-ханом. Когда Сонам-чжяцо прибыл в лагерь хана, могущественный завоеватель назвал его монгольским именем «далай-лама». По-монгольски «далай» — то же, что по-тибетски «чжяцо», и слово это означает «океан». Просто хан принял слово «чжяцо», которое случайно входило и в имя предшественника Сонам-чжяцо, за родовое, фамильное. С тех пор «перерожденцев» великого ламы стали называть далай-ламами...

Цыбиков и Цэрен пришли сюда, чтобы лицедреть того, кто никогда не умирает...

В одеждах бурятов-паломников стоят они в преддверии бога, прислонившись к колоннам, которые обвивает дракон. Приемная полна ламаитов, пришедших издалека, чтобы взглянуть на того, кому небо дало «вязать и разрешать» людские судьбы. Ни один европеец не видел его лица. Лишь понаслышке знает мир о святилищах поднебесной столицы и ее удивительных мистериях.

Четырехтрубные броненосцы бороздят океаны, государственные деятели обретают бессмертие на экране синемаатографа, биржи манипулируют стальными заводами и рудниками, и только здесь, в Лхасе, застыло неудержимое время. Ротационные машины, фотографические аппараты, лампочка Эдисона и граммофон — все это осталось у подножия великих гор. Да и была ли она, эта жизнь, наполненная удивительными достижениями цивилизации, ясная, свободная от загадок, которые блистательно разрешила наука? Здесь, где все дышит тайной, где вещи имеют двоякий, расплывчатый смысл, вся прежняя жизнь представляется полузабытым удивительным сном.

Три дня назад через монгольского переводчика, состоящего в штате далай-ламы в звании цээдуна, они внесли по восемь ланов местных монет, что на русские

деньги составляет 10 рублей 66 копеек. Но здесь это огромная сумма. Простому человеку требуется полгода, чтобы заработать ее. Из этих денег пять ланов поступают в казну, остальные идут на угощение.

Переводчик, приставленный к паломникам-монголам, велел им прийти во дворец немного позже полудня. Вместе с тремя ламами, пожелавшими отправиться на поклонение, они подошли к воротам Поталы, когда солнце только начало склоняться к синим и аметистовым горным хребтам. Небо выглядело невероятно зеленым и страшным. Красные крыши Поталы тихо таяли в этом всевидящем небе, от которого нельзя укрыться даже в исполненных древней колдовской мощи пещерах.

Они поднялись по каменным лестницам, мимо святых ступ и портиков, украшенных символами святости и счастья: слонами, колесами, двойными рыбами и красными конями. В приемной собрались и другие паломники из верхних цайдамских монголов, во главе которых был дряхлый старик, принявший под старость обеты гэлона и приехавший с сыном на последнее, вероятно, в этой своей жизни поклонение далай-ламе. Как потом выяснилось, он тоже внес восемь ланов серебра, и права на поклонение были у него равные со всеми.

Приемная была совершенно голой. Только раскрашенные стены, колонны да пол, глинобитный, но с впресованными камешками и отполированный, как мрамор.

Паломники стояли, прислонившись к колоннам, или бродили бесцельно и сонно, как священные карпы в храмовых бассейнах. Среди них внимание Цэрена привлек один. Был он видом индеец и одет, как положено ученому пандиту. Это удивило Цэрена, — насколько он знал, далай-лама не принимал смешанных депутатий. Последнее время и он и Цыбиков часто встречали этого пандита во время своих занятий и прогулок. Они видели его в храмах, монастырях, на рынке и даже

в частных домах сановников. Цыбиков посчитал его за шпиона, хотя и удивился, что к ним приставили такого заметного человека, а не туземца, которого нельзя различить в толпе. Но потом произошло одно событие, которое прояснило и запутало вместе с тем многое. Все оказалось значительно сложнее, чем они предполагали. И вот сегодня, когда взойдет Луна, они, возможно, узнают... Впрочем, сейчас лучше не думать об этом...

Цыбиков подошел к стоящему у окна цуайдамскому монголу. Он пришел на аудиенцию вместе с женой. Цэрен и Цыбиков познакомились с ним у оракула, где, так же вот ожидая приема, он поведал им свою историю. Эта супружеская чета, осмелившаяся, вернее вынужденная, отправиться в дорогу только вдвоем, подверглась возле перевала Данла нападению разбойников-еграев, которые отняли у несчастных всю кладь и лошадей, избили и бросили на произвол судьбы. Они погибли бы, если бы не караван камских купцов, которые помогли им добраться до Накчу. Там они оправались немного и пешком добрались до Лхасы, где их взяли на попечение сородичи. Интересно, что столь смелая поездка их была вызвана не столько религиозным рвением, сколько романтическими обстоятельствами. Цайдамец просто-напросто украл жену у соседа и, чтобы избежать преследования закона, совершил паломничество. Любовники решили, что им покровительствует сам Сакья-Муни, Багаван — Победоносный Будда.

Что ж, у каждого свои победы. И победа над человеческим сердцем, может быть, лучшая из побед.

Во время скучного и долгого ожидания изредка выходил переводчик и забирал принесенные для подношений шелковые шарфы — хадаки. Лишь перед самым закатом, подобным густеющей бычьей крови, появился первый советник далай-ламы — чжишаб-хамбо.

Тотчас же всех пригласили подняться еще на один

этаж. Паломники прошли под загнутой кверху крышей Красного дворца по решетчатой галерее мимо сотен ярко раскрашенных дверей. Куда вели они? В Потале 999 комнат, но только в одной из них пребывал бог. Сквозь зарешеченные окна можно было видеть то кусок белой стены, то золотую верхушку ступы, хранящей прах одного из предшествующих далай-лам.

С закатом солнца депутацию провели еще на этаж вверх. Одолев деревянную и очень крутую лестницу, они очутились вдруг под открытым небом. Тускло-желтое и беспощадное, смотрело оно белесыми точками проявляющихся звезд. Все лестницы кончились. Потала лежала внизу, массивная и расходящаяся, как исполинская пирамида.

Они стояли на широкой площадке перед тяжелыми резными дверьми. Пронзительно раскрашенные драконы и водяные кони равнодушно смотрели на них. Сколько людей видели эти чудовища на своем веку? Люди приходили, уходили, возвращались иногда, но потом опять уходили, когда-нибудь обязательно уходили, чтобы уже не возвратиться. А они, сказочные дивы, продолжали жить, найдя смысл существования в покое и созерцании, а не в мирской суете... Они охраняли приемный зал далай-ламы, мудрые чудовища.

По обе стороны дверей на высоких скамьях сидели самые знатные ламы. Желтый и красный атлас горел под закатным небом жестоким и грустным огнем. На ламах висели белые ожерелья с черепами и священными колесами. На синих парчовых поясах извивались драконы, на красных, атласных — бежал золотой узор из право- и левосторонних эмблем благополучия.

Под прямым углом к этим огненным и золотым скамьям на длинных коврах сидели, скрестив ноги, простые ламы из придворного штата. Халаты их были засалены, шапки потерты.

А паломники стояли, уставившись в затылок друг другу, и молча ожидали аудиенции. Впереди Цыбикова был пандит и старый уйгурский лама, сзади — Цэрен и все остальные.

Переводчик в который раз уж повторил правила предстоящей церемонии. Нетерпение ожидающих только разгоралось. Ламы перебирали длинные четки с причудливыми хвостами. Ветер скрипел в флюгерах, приводя во вращение молитвенные цилиндры.

Наконец двери распахнулись, и всех провели в зал. На высоком троне неподвижно, как Будда на лотосе, сидел юноша, почти мальчик, в желтой, богато расшитой мантии. Остроконечная желтая шапочка с длинными завязками делала его удивительно похожим на легендарного реформатора буддизма Цзонхаву. Трон далай-ламы, без спинки и ножек, скорее напоминал сундук из черного дерева. Цыбиков плохо различал подробности, потому что все время смотрел на мальчика, олицетворяющего собой власть над душами миллионов людей. Ему запомнились почему-то только стоящие на задних лапах резные львы, которые как бы поддерживали сидящего на троне, узоры из цветов и листьев, сложная вязь магических символов.

Как и во всех тибетских помещениях, в зале было довольно сумрачно. Тускло поблескивала золотая материя тог, и скупым холодным блеском горели кумиры по стенам. Так вот что окружено такой тайной, так вот к чему стремятся люди за тысячу верст! Цыбиков испытывал досаду и разочарование.

По обе стороны престола стояли два красавца телохранителя из высшего духовенства. Чуть поодаль застыли еще какие-то важные сановники. Но было их немного.

Лишь только паломники вошли в зал, началась какая-то нервная, суетливая спешка. Приставленные

к ним ламы все время торопили, почти толкали их, то и дело понукая:

«Скорее, скорее! Вперед, идите скорее вперед...»

Вместе со всеми Цыбиков и Цэрэн подошли к трону и трижды поклонились, держа на вытянутых руках самые красивые хадаки. Мальчик чуть повернул окаменевшее в улыбке лицо. Принял хадаки и благословил каждого наложением правой руки на голову. Такой же милости удостоились старый цайдамец и пандит, который, как успел заметить Цэрэн, передал далай-ламе вместе с хадаком кусочек золота. Остальные дары принял стоящий справа от трона свитский прислужник.

Далай-ламе подали несколько шелковых шнурков. Он ловко связал на каждом из них сложный узел, дунул на него и положил по шнуру на склоненные перед ним шеи.

Бессмертный, он мог вязать таинственную нить причин и следствий, разрешать запутанные клубки людских судеб.

Шнурок с узлом называется по-монгольски «узангя», а по-тибетски «срун-дуд», что значит «охранительный узел». Освященный дуновением бога, после прочтения известного заклинания он превращается в талисман, предохраняющий от несчастий.

Два служителя расстелили перед престолом тоненький коврик, на который паломникам разрешили сесть правым боком к далай-ламе и спиной к его приближенным. Потом в огромном серебряном кувшине принесли чай. Каждый встал и подошел с заранее припасенной чашкой к престолу.

Слуга плеснул в чашки. Паломники тут же выпили и трижды поклонились. После этого налили самому далай-ламе. Он обвел всех своей равнодушной улыбкой, но лишь пригубил чашку. Пятясь в поклоне, все возвратились на свои места.

И вдруг живой бог заговорил. Обыкновенным человеческим голосом, приятным и довольно громким:

— Хорошо ли вы совершили путь и благополучно ли на вашей родине?

Смятение пронеслось по лицам сидящих паломников. По церемониалу они не должны были ничего отвечать, а лишь слегка приподняться и отдать легкий поклон переводчику. Он трижды предупредил об этом. Но старый цайдамец все же издал какой-то благоговейный храп.

Переводчик молча передал от пришельцев поклон далай-ламе. После этой церемонии принесли чашки с припущенным рисом. Далай-лама отведал из поданной ему чашки и сполоснул рот из особого кувшинчика. А паломники даже не успели поднести щепотку риса ко рту. Аудиенция была окончена. Два громадных телохранителя выхватили из-за поясов бичи и набросились на них, рассыпая удары.

— Убирайтесь скорее! — кричали они, а бог провожал всех своей отрешенной, отлитой в бронзе улыбкой. Толкаясь и застревая в дверях, паломники выбежали под жестокое и равнодушное небо. Так вот она, священная тайна Тибета!

Цэрен распрощался со стариком и другим своим приятелем, умыкнувшим жену, и отстал от паломников, чтобы как следует осмотреть Красный дворец и, если удастся, другие здания Поталы. С Цыбиковым они расстались как малознакомые люди. Какой-то безотчетный инстинкт заставил Цэрена вспомнить об ученом пандите. Он стал отыскивать его в толпе, но тот, видимо, ушел раньше всех.

Цыбикову стало вдруг смешно это его неожиданное разочарование. И в самом деле! Выпускник Петербургского университета — и вдруг вообразил себе неведомо что! Конечно, во многом виновата тайна, окутывающая Тибет, и всевозможные домыслы, распространя-

емые в Европе по поводу этой тайны. И, конечно, религиозный экстаз паломников. Как ни странно, всевозможные трудности и опасности, с которыми сопряжено путешествие в Лхасу, только подогревают этот экстаз. Но таков человек. Запретный плод всегда ему сладок.

«Нечего гневить бога, — сказал он себе. — Твое паломничество протекает как нельзя более успешно. Ты достиг недосягаемого и увидел невидимое. Осталось совсем немного. Поэтому воспользуйся случаем и осмотри Поталу — местопребывание живой святыни, чтимой столь же высоко, как статуи основателей буддизма», — и он пошел в сторону, противоположную той, куда направился Цэрен...

Дворец далай-ламы находится в одной версте на запад от города. Он, вне всякого сомнения, является самым замечательным зданием не только Лхасы, но и всего Тибета. Полное название его Ду-цзин-пийбий-побран Потала, или «Потала, дворец второго кормчего».

Построил дворец легендарный царь Сронцангамбо. Так это или нет, кто знает. Несомненно одно, что на этой скале, именуемой «Красной горой» (Марбори) когда-то находился замок, испытавший все невзгоды вековых феодальных войн.

В середине XVII столетия Потала сделалась резиденцией пятого далай-ламы, знаменитого Лобсан-чжяцо, который сумел завоевать верховную власть в Тибете. Это в его время были возведены главные части дворца, а прежние, обветшавшие здания отделаны заново. В народе до сих пор помнят это страшное время, когда людей тысячами сгоняли на рабский труд. Постройка продолжалась десятилетия, подобно скорбной эпопее Древнего Египта, жестокой мистерии пирамид. Чтобы воодушевить изнемогавших рабочих, далай-лама сочинил песню, которую и поныне поют чернорабочие.

Розовый камень и камень седой
Меж небом и нами поднялся стеной.
В Красные горы спустился дворец.
Скоро, ах скоро, скоро конец,
Богу живому небесный венец —
Майтрея, великий Майтрея!
Камни сплавляются жаром сердца.

Рассказывают также, что смерть застала пятого далай-ламу, когда дворец еще не был достроен. Управитель Санчжяй-чжяцо шестнадцать лет скрывал от народа, что душа далай-ламы воплотилась в иное тело, и выставлял на празднества заgrimированную статую. От имени мертвеца принуждал он тибетцев продолжать изнурительную и бессмысленную работу.

Так и вырос на Южной горе целый квартал длиной в добрых 200 саженьей. Потом его окружили высокой каменной стеной.

Главный дворец построили на самой вершине; он заполнил своим основанием все углубления и спуски.

Он не похож ни на одно сооружение в мире. Жмущиеся друг к другу низко усеченные пирамиды во много этажей и типично тибетские плоские крыши создают неповторимый резко асимметричный ансамбль.

Фасад дворца производит впечатление грозное и величественное, но оно сразу же сменяется разочарованием при виде задних глухих стен с черными дырами, из которых непрерывно стекают нечистоты.

Но лестницы Поталы — это окаменевшая поэма. Они пересекаются под острыми ступенчатыми углами. Медленно и вместе с тем стремительно уводят они к небу.

Во дворец ведут три широкие лестницы с лицевой стороны и две боковые дороги, которые тоже потом переходят в каменные лестницы. По этим дорогам приходят во дворец различные должностные лица, которых далай-лама рассылает по всему Тибету. Лестницы для

пеших, дороги для конных. На круглом дворе всадники спешиваются, слуги отводят животных в конюшни, а перед путником все та же лестница, ведущая в небо.

Главные святыни и апартаменты далай-ламы находятся в центральной части дворца, выкрашенной в красно-коричневый цвет. Поэтому и называется эта часть Поталы «Побран-марпо», что означает «Красный дворец». А может, красен он от крови строителей, коричнево-красен от свернувшейся крови, давным-давно пролитой крови? Об этом умалчивает песня, сложенная пятым «перерожденцем» бессмертного далай-ламы. Но стоит прижаться ухом к стене, и...

За каплей капля ляжет в скальный грунт,
И за душою в вечность отлетит душа.
На вечные скитания, на новый круг
Она уйдет, стенанья заглуша.
Как быстро мы уходим в скальный грунт.
Ведь это мы с тобой становимся скалой.
Как скалы счастливы, когда они умрут,
Но души вновь объединятся над стеной.
На красные они вернутся стены,
На стены те над Красною скалой.

В среднем этаже «Красного дворца» находится зал для духовенства дворцового факультета, именуемого дацан Нам-чжял. Дацан состоит из 500 лам, постоянно живущих здесь и совершающих богослужения во здравие далай-ламы. А над залом дацана другие залы, в которых тускло поблескивает в шатком свете лампад и курительных свечей золото и бронза пирамид-ступ, или субурганов по-монгольски, в которых хранится прах всех далай-лам, начиная от пятого «перерожденца». Предшественники этого «фараона-строителя» мирно спят в бройбунском Галдан-побране, а самый первый далай-лама похоронен в монастыре Ташилхуньпо.

Конечно, строитель Поталы, шестнадцать лет числившийся в живых после смерти, удостоился самого богато-

го субургана. Говорят, что на него ушло все золото и все драгоценные камни тибетской казны. Это настоящая золотая пагода в два человеческих роста.

Во дворце находятся апартаменты первого советника далай-ламы — чжишаб-хамбо и четырех высших сановников — лам, именуемых придворными писцами (дун-йигши). Вместе они образуют Совет — йигцан, который заведует всей духовной жизнью Тибета.

В других частях здания, зовущихся Белым дворцом (Побран-карбо), помещаются квартиры придворного штаба, приемные залы, службы, кладовые. Слева от дворца, также на скале, стоит главная тюрьма верховного правления Тибета. В случае надобности Потала быстро может превратиться в крепость. Поэтому все ее ворота окружены стенами, образующими запутанный лабиринт. А если верить слухам, то вся скала под Поталой источена, как старый пень древоточцами, потайными ходами. По другую сторону к стенам лепятся частные дома. Впрочем, на южной стороне, уже за стенами, Цэрен видел два желтеньких домика с китайскими чешуйчатыми крышами. Каждый из них был окружен высокой стеной. Ворота были закрыты неплотно. Он мельком заглянул в щель и увидел каменные плиты и огромную гранитную черепашу, которую закрыла вдруг желтая тога. Какой-то лама шел к воротам. Цэрен быстро отскочил в сторону и поспешил назад к Потале.

Он прошел мимо дорина — большой гранитной колонны, стоящей на гранитном же пьедестале. Отсюда, если, как положено ламантам, обходить Поталу по-солонь, то есть всегда оставляя святыню по правую руку, можно рядами хаотично разбросанных домиков выйти к большому субургану Бар-чед-дэн, что в переводе с тибетского звучит как «Промежуточная пирамида».

Субурган этот соединяет вершину Мрбо-ри с другой вершиной, называемой Чагбо-ри. Говорят, что эта цепь

скалистых холмов — окаменевший дракон, который, как известно, не только является владыкой вод, но и служит гербом соседнего Китая. Как и вероломная корыстолюбивая китайская власть, так и вода, угрожающая наводнением, породили в тибетцах опасения, что дракон может ожить и принести неисчислимые беды. Поэтому гору рассекли на две части и воздвигли на этом месте субурган. Пока дракон не подает признаков жизни...

Кроме того, здесь проходит главная, самая удобная дорога из Лхасы, так что лучшее место для прохода в скале найти было бы трудно. Безымянный строитель поставил на выступах скальных стен небольшие субурганы, которые соединил проволокой, увешанной кольцами. Когда подымается ветер, проволочная арка начинает тихо и мелодично звенеть.

Цэрен прошел под звенящими кольцами и, присев на камень, стал разглядывать Поталу сбоку.

Богомолец, совершающий лин-хор, то есть круговой обход святынь Лхасы, не проходит под этой аркой, а, минуя ее, идет по подошве горы Чагбо-ри, вдоль берега речки. На этом отрезке пути вплоть до скалистого выступа у реки Уй-чу нет ничего особо замечательного. Разве что масса высеченных прямо в скале статуй буддийских божеств, пестро и аляповато раскрашенных. Здесь же, в неглубоких пещерах-нишах, сидят каменотесы со всевозможными инструментами и красками. Они изготовляют из каменных плит изображения богов и раскрашивают потом каждого бога в подходящие ему цвета. Вокруг мастеров всегда топчется небольшая толпа. Торговля идет бойко. Купив святыню, богомолец выбирает на скале укромное местечко (краски акварельные и могут пострадать от дождя) для своего кумира. От множества таких приношений скалы превратились в многоцветный, невиданной величины иконостас. Поистине нужно быть богом, чтобы равнодушно взирать

на это воплощение человеческих несчастий и мольб.

Мелодично звенели кольца под легким ветром. Прозрачный синий сумрак тихо сочился с черно-фиолетовых, резко очерченных на остывающем небе хребтов. Цэрен был один. Все это время его не оставляло чувство, что за ним и Цыбиковым внимательно и настороженно следят чьи-то глаза. В прозрачном, чуть дрожащем воздухе белели дома Поталы. Неподвижная каменная улыбка и устремленные в непонятную даль незрячие глаза на каменном субургане. Он был один.

Захотелось есть. С утра он съел только лепешку из ячменной муки — цзамбы да кусок вареной баранины. Все это запил холодным чаем, чуть-чуть приправленным коровьим маслом. Вспомнилась чашка с рисом, которого так и не довелось отведать в гостях у тринадцатого «перерожденца».

Как удивительно бедно живет здесь простой народ. Чернорабочий получает в день одну треть дамаха, что составляет около семи копеек, хороший ткач зарабатывает в два раза больше. Да и рядовому ламе живется не лучше. Монах-чтец за целый день непрерывного чтения едва выручает один дамах. Общая беспросветная бедность. Одна треть, две трети дамаха — это не пустой звук. Монеты-«отрубки» постоянно кочуют от бедняка к бедняку.

В ходу здесь и непальские монеты, и британо-индийские рупии, которые тибетцы называют пилин гормо. За один такой серебряный пилин дают три или три с третью дамаха.

Потому таким видимым уважением пользуются богатые люди. Их встречают всеми знаками почета. Снимают обеими руками шапку, приветственно высовывают язык, называют «высокородным» (гюшю), внимательно слушают, то и дело вставляя «лха, ляг-со», что означает

«хорошо! хорошо!». Все, что делает и говорит богатый, — всегда хорошо.

Впрочем, разве в других странах дело обстоит по-иному?

Цэрэн пересек дорогу и направился к задней стороне Поталы. Его не интересовали обширные конюшни далай-ламы, в которых, кстати сказать, содержатся и слоны, привезенные из Индии специальным посланцем. Но вот знаменитый Лу-хан («драконов храм») давно уже манит к себе тревожной своей тайной. Здесь совершаются постоянные богослужения о «своевременности и соразмерности осадков». Такова официальная версия. Действительно, иногда ламы своевременно предупреждают о снегопадах и довольно точно предсказывают засуху. Однако в простом народе ходят слухи, что в храме есть глубокий бассейн, где живет настоящий водяной дракон, пойманный в одном из горных озер. Но все окна храма выходят во внутренний двор, а дверь всегда закрыта. Потребовалось много усилий даже для того, чтобы незаметно подобраться к храму с фотографическим аппаратом и сделать несколько снимков.

Они сумели пробраться в недоступную Лхасу, посетили самые знаменитые ее святыни, даже удостоились благословения живого бога, но беспокойное чувство, что все это лишь внешняя, обманчивая сторона вещей, не оставляло их. Они видели в монастырях деревья, на коре которых явственно проступают весной буквы тибетского алфавита, и даже сфотографировали это «чудо». Безусловно, оно дело рук человеческих. Весь вопрос в том, как это сделано. Таких вопросов тысячи, но ни на один из них нет ответа. Цыбиков и Цэрэн составили подробные планы Поталы и наиболее почитаемых храмов, но сокровенные тайны неуловимой тенью ускользнули от них. Быть может, это мнимые тайны, живущие в шепоте забитых и темных людей. Но Цэрэн воочию видел и

рождение букв на коре деревьев, и человеческий череп с третьей глазницей над переносицей! Где же истина? Какое мучительное чувство сомнения, противоречивое чувство ожидания и беспокойства!

К Потале примыкают особые сооружения, которые называются «линами», что скорее всего означает «мир» или «местопребывание». Цэрен так точно и не узнал, что представляют собой лины. Это дворцы и в то же время особые домовые храмы знатных «перерожденцев» — хутухту, которые в давние времена занимали «ханский» престол, то есть должность верховного правителя Тибета. В каждом дворце свой штат духовенства, пользующегося значительной независимостью и большими привилегиями. Линов всего пять: Тан-чжяй-лин («местопребывание распространения учения», или, может быть, «распространяющий учение мир») находится на западном краю города и принадлежит «перерожденцам» легендарного Гара; Шидэ-лин («местопребывание четырех отделов», «четырёхотдельный мир») расположен на северо-западе и принадлежит радэнскому хутухту — хозяину одного из древнейших монастырей; вблизи него находится самый большой Цэме-лин («местопребывание желанного долголетия», «желающий долголетия мир»), принадлежащий чжонэйским номун-ханам; далее, на северо-восточном краю города стоит древний Мэру-лин, основанный еще при тибетском царе Адагти-Ралпа-чане, но пришедший затем в упадок. Чжово-Адиша возобновил его. Во время третьего далай-ламы он присоединен к последователям Цзонхавы; Гун-дэ-лин («всепокойный мир») находится к юго-западу от Поталы, по южную сторону большой дороги, ведущей на запад. Он принадлежит хутухтам Дацаг.

Они не смогли осмотреть ни один лин. Паломников туда не пускают. Да никто особенно и не стремится в эти древние дворцы-храмы. Они не окутаны облаком

слухов, но в каждом идет какая-то скрытая от мира работа. Еще вчера Цыбиков сказал: «Если мне удастся благополучно вернуться на любимую родину, я смогу сказать только одно: в Цэме-лине знают, как усыпить человека на много веков, но я далеко не уверен, что это умеют делать». Примерно то же могут они сказать и об остальных линах. Ведь о чудесах, которые якобы могут творить ламы, говорят много, но кто может похвастаться, что видел эти чудеса своими глазами?

Зато Цэрэну удалось проникнуть в медицинский Манба-дацан — небольшое здание на скале Чагбо-ри. Там он видел прекрасные статуи богов, сделанные из коралла, бирюзы, малахита, ароматного белого сандала, и инструменты, принадлежащие основателю индо-тибетской медицины Сочжэд-шон-ну, что по-тибетски значит — «молодой исцелитель». Штат духовенства состоит из шестидесяти лам, специально присланных из разных монастырей. Они получают содержание из казны далай-ламы и живут в домах, построенных вокруг дацана. Заведует ими хамбо, состоящий также лейб-медиком далай-ламы.

Хамбо показал Цэрэну бронзовую статую, которой больше тысячи лет. Она облита воском, на котором нарисованы санскритские буквы. Стоит ткнуть серебряной иглой в определенную точку, как выступает капелька красной жидкости. На этой статуе студентов обучают чудесному искусству целебных игл. Хамбо сказал, что на теле человека есть 695 активных точек, укалывая которые можно излечить многие болезни. Цэрэн тут же пожаловался, что застудил позвоночник и часто мучается жесточайшими болями. Его раздели и посадили на каменное сиденье, напоминающее большой котел. Хамбо внимательно ощупал поясницу и разрисовал ее черной тушью, а два студента вонзили в указанные места длинные серебряные иглы. Цэрэн вздрогнул, но не от

боли, а от неожиданности или, может быть, от ожидания боли. Но никаких неприятных ощущений не испытал. Ему только казалось, что уколотые места постепенно разогревались. Это было очень приятное, успокаивающее тепло. С тех пор прошло три месяца, и ни разу его не беспокоили боли в пояснице.

Ничего подобного европейская медицина не знает! Тибетские врачи легко излечивают самые трудные болезни, но они совершенно бессильны против чахотки или эпидемии холеры...

Цэрен обошел Поталу кругом, мысленно делая некоторые поправки к составленному ранее Цыбиковым чертежу. Стало уже совсем темно, и в кумирнях затеплились лампадки с топленным коровьим маслом. Крохотными красными точками зажглись курительные свечи. Цэрен вышел на дорогу и бодро зашагал к Лхасе. В городе спать ложатся довольно рано, а прогулка по пустынным улицам далеко не безопасна. Им тоже пришлось привыкнуть к такому образу жизни. Тем более что в городе нет никаких увеселительных заведений. Есть, правда, один театр, точнее, принадлежащая китайцам открытая сцена и несколько китайских же ресторанов. В них подают чай, свинину и китайские лепешки. Горячительных напитков нет, но допускается игра в китайские карты. Сладковатой и дурманящей рисовой водкой — ханджой торгуют в одном кабачке, запрятанном на окраине Лхасы. Местную водку — ара можно получить на любом постоялом дворе.

Город буквально изрезан множеством канав; по некоторым из них течет вода, другие давно высохли, но большая часть предназначена для нечистот. Там, где канава пересекается улицей или дорогой, устроены каменные и деревянные мостики. Один из них, называемый Ютогсамба («бирюзовый мост») поставлен на главной дороге — от ворот храма Чжу к Потале. Он представляет

собой широкую галерею, покрытую зеленой глазурованной черепицей. Тибетцы очень гордятся этим мостом и причисляют его к чудесам своей столицы. Сразу же за мостом и дворец Шадда, куда Цэрен должен прийти с восходом луны.

Осталось совсем немного. Цэрен прибавил шагу. И тут взошла луна. Пепельный свет ее выбелил улицы и проявил густые тени. Но едва Цэрен вошел в темноту мостовой галереи, как кто-то набросил ему на голову мешок...

***Мираж цветной — земная ширь,
Непрочный радужный пузырь.
Когда на мир так смотрит глаз,
Не видит ангел смерти нас.***

Дхаммапада, XIII, 170

***Грусть мудрых мыслей о добре
Освободит нас от оков.
Так тает в лунном серебре
Холодный пепел облаков.***

Т а м ж е, XIII, 172 и 173

ПУТЬ С ЮГА

пришедшего с юга нет имени. Вернее, еще не настал тот день, когда он сможет открыть свое настоящее имя. Р. Н. — вот и все, что он пока может сказать о себе. Он родился в 1849 году на северо-западе Индии, в Порбандаре, белом городе, на берегу Оманского залива. Его соплеменники — люди горячей крови, нетерпеливые и предприимчивые. Они ведут торговлю от Адена до Занзибара, и беспокойство путешественников передается здесь от отца к сыну. Порбандарцы привыкли уважать чужие законы и готовы

в каждом чужеземце приветствовать друга. Но они знают, что нет в мире лучшего места, чем белый их город, и потому всегда стремятся вернуться домой. Так и живут они в постоянном стремлении и беспокойстве. Влажный муссон напоминает им о далеких цветущих странах, а тихий пассат зовет вернуться назад. Поэтому они быстры в делах и решениях, экспансивны и немного вспыльчивы.

Он родился брахманом. Из его семьи вышло много знаменитых людей. Его родители были ревностными приверженцами индуизма, великим принципом которого является ахимса. Этот древнейший принцип индусской религии лег в основу многих религий: джайнизма, буддизма и древнего культа бога Вишну. Смысл его предельно ясен: «Не делай зла. Не вреди никакой жизни. Воздержись от насилия». Любовь к ближнему гораздо более короткий путь к богу, чем мудрость и разум. Вот почему его родители не придавали никакой цены деньгам. Все их состояние было растрчено на благотворительность. Жили они очень скромно. Сколько он помнит свою мать, она либо раздавала милостыню, либо ухаживала за больными. В промежутках между этими занятиями она постилась.

Когда после дневных трудов все собирались вместе, отец усаживался под лампой и вслух читал стихи из «Рамаяны». Он часто жаловался, что недостаточно силен в санскрите. В этом он видел основной недостаток полученного им английского воспитания, лишившего его сокровищ родного языка. Но он хорошо знал индусские священные книги веды и упанишады, хотя читал их лишь в переводе.

Р. Н. не испытывал благоговейного трепета перед заветами старины. Более того, иногда позволял себе кощунственные высказывания, которые родители выслушивали с тихим и молчаливым укором. Они следовали

принципу, что веру нельзя постичь разумом, а можно лишь обрести внутри себя.

Уже учась в школе, он считал себя атеистом и бравировал этим. Однажды вместе с товарищами дошел в своем нечестии до самого страшного для индуса кощунства. Собравшись тайком в загородном доме одного из соучеников, мальчишки отведали говядины... Р. Н. тогда чужь не умер от ужаса и отвращения.

С тех пор он перестал бравировать атеизмом, но и древние боги не стали ему ближе. Потом он научился отличать этическое начало от культа, сокровища духовной культуры от слепого суеверия. Но главное, он научился уважать чужую веру.

В восемь лет он был помолвлен, а в тринадцать уже женат. Махатма Ганди, которого родители женили в еще более раннем возрасте, впоследствии боролся против ранних браков, считая их губительными для нации. Лишь в очень редких случаях подобный союз на всю жизнь, начало которому положила еще детская дружба, может дать чудесное душевное единство.

По примеру многих своих товарищей Р. Н. захотел продолжать свое образование в Англии. Мать согласилась на его отъезд лишь при условии, что он даст три великих обета, обязывающих воздерживаться от вина, мяса и физической любви.

Но Лондон разочаровал его. Все здесь мешало работе и сосредоточенности. Шум, обилие людей и экипажей, жестокий лондонский туман и суетные развлечения сверстников. Знакомство с библией не принесло ничего, кроме скуки. Он оставил ее, едва дойдя до «Исхода». Индустская мистика выглядела куда изощренней и тоньше, гораздо более достойной внимания мыслящего человека. Зато именно здесь, на чужбине, ему открылась дикая красота «Бхагавад Гиты». Он был очарован этой гроз-

ной поэмой, дышащей звездным светом и ароматом молний. Она возвратила ему удивительное чувство родины. Он не стал верить в Брамму или Шиву, но какая-то неуловимая связь с душой Индии, ее древней этикой была установлена. И с каждым днем эта властительная связь крепла.

Ты скорбишь о тех, о которых не следует скорбеть,
Хотя и говоришь слова мудрости.
Мудрые не оплакивают ни живых, ни мертвых.
Ибо поистине не было времени,
Когда бы я или ты, или эти владыки земли не были;
Воистину не перестанем мы быть и в грядущем.
Как живущий в теле переживает детство, юность и старость,
Так же переходит он в другое тело.
Сильный об этом не скорбит.
Соприкосновения с материей, о сын Кунти,
Бросают в холод и жар,
Доставляют наслаждение и страдание;
Эти ощущения преходящи,
Они налетают и исчезают;
Выноси их мужественно, о Бхарата.
Тот, кого они мучают, о лучший из людей,
Тот уравновешен в радости и в горе тверд,
Тот способен к бессмертию.
У нереального нет бытия; реальное не перестанет быть;
Эту конечную истину постигли прозревшие в суть вещей.
Знай, что То, Которым проникнуто все живое, неразруσιμο.
Никто не может привести к уничтожению То Нерушимое.
Преходящи лишь тела этого Вечного,
Который неразрушаем и неизмерим.
Поэтому сражайся, о Бхарата.
Думающий, что он может убить,
И думающий, что он может быть убитым,
Оба одинаково заблуждаются.
Человек не может ни убить, ни быть убитым.
Он не рождается и не умирает;
Раз получив бытие, он не перестает существовать.
Нерожденный, постоянный, вечный и древний,
Он не убит, когда тело его убивают.
Кто знает, что он неразрушим, постоянен, неизменен,
Как может тот убить, о Партха, или быть убитым?

Подобно тому как человек, сбросив верхнюю одежду,
надевает новую,
Так бросает он изношенные тела и облекается в новые.

Б х а г а в а д Г и т а, Беседа вторая, 11—22

Это квинтэссенция индуизма и буддизма.

Он бросил занятия юриспруденцией, поскольку профессия адвоката показалась ему безнравственной и постыдной. С удвоенным усилием принялся он за изучение древних культур Востока. Пытаясь постигнуть темный смысл седых сказаний, он чувствовал, как крепла живительная связь с родиной. Знакомство с древне-египетскими папирусами и клинописными табличками Двуречья вывело его на какой-то удивительный круг постижения человеческого духа. Законы вавилонского царя Хамурапи и хеттская песнь об Уилликумми заставили вновь обратиться к библии, и он почувствовал поэтическую прелесть Песни песней. Иранская «Авеста» помогла по-иному взглянуть на великий индийский эпос — Законы Ману и Джатаки. Надписи индийского царя-миротворца Ашоки он воспринимал уже в связи с моралью Ассирии, Ниневии, Урарту и хеттов.

Иными словами, он ощутил вклад своей страны в великую культуру Востока. Точнее, испытал предчувствие этого удивительного ощущения, которое должно было прийти с сознанием и пониманием.

В Лондоне он познакомился с тогдашним губернатором Бенгалии сэром Джорджем Кемпбеллом, который пригласил его на работу в недавно открытую Бутийскую школу. Поэтому по окончании учения он лишь немного погостил дома и уехал вместе с женой в Дарджилинг.

Там по предложению Кемпбелла он ревностно начал изучать тибетский язык. Вскоре у него установились наилучшие отношения с раджей Сиккима — маленького независимого государства на границе Индии и Тибета. По-

знакомился он и с влиятельнейшими сиккимскими ламами, вместе с которыми совершил несколько интересных поездок по тамошним монастырям.

Однажды лама Лобсан-чжяцо, состоявший преподавателем тибетского языка в Бутийской школе, был командирован в Лхасу и Ташилхуньпо с дарами от своего монастыря. Этим случаем и воспользовались для того, чтобы узнать, нельзя ли, наконец, получить от тибетского правительства разрешения посетить Лхасу.

Одновременно Р. Н. получил от английской администрации приглашение как можно скорее прибыть в Калькутту для важного разговора. Видимо, ему было сделано несколько предложений, одно из которых означало путешествие в недоступный Тибет. Он принял большинство из этих предложений и тут же получил доступ к секретным документам.

Отныне Тибет становился для него смыслом жизни. Он должен был знать об этой стране все, что только было можно, еще до начала экспедиции.

Р. Н. читал отчеты путешественников, донесения шпионов, заметки паломников и купцов. Любая мелочь была для него исключительно важна, от случайной детали могла зависеть жизнь. Материалов было много, но как мало говорилось в них об этой удивительной стране. Ему посоветовали не делать выписок, а положиться на свою память. Со всех точек зрения это было удобнее, да и надежнее тоже. И он буквально вгрызался в английские, непальские, сиккимские, китайские, индийские и русские тексты. Он уже жил Тибетом. Итак, Тибет...

Тибет — это «страна снегов», священный центр ламаизма, куда с глубоким благоговением обращены сердца и взоры миллионов людей. Он зовется таинственным и недоступным, цивилизованный мир почти ничего не

знает о нем, поскольку Тибет не хочет, чтобы о нем знали. Весь XIX век прошел под знаком все учащающихся попыток вырвать тайну великих снеговых гор. Многие пускались в это опасное предприятие, но немногие возвращались обратно. Сотни путешественников, то явно, то переодевшись паломниками, отважно отправлялись в далекий и трудный путь. Создавались прекрасно оснащенные и хорошо вооруженные научные экспедиции, которые пускались в дорогу под надежной европейской и туземной охраной. Но Тибет не хотел открыть свои тайны, и экспедиции возвращались, а смельчаки-одиночки навсегда оставались под ярким изменчивым небом.

Такие «запретные» страны, как Китай, Япония и Корея, давно уже вынуждены были открыть свои ворота для ловких миссионеров и хищных купцов, но горы Тибета, его ледники и заснеженные перевалы, пропасти и теснины — надежный союзник людей, которые хотят сберечь своеобразие своей жизни, какая бы она ни была: хорошая или плохая.

Тибет... Последняя твердыня Азии, самой природой хранимая от любопытных взоров и алчных замыслов чужеземцев. Страна пустынь и величайших гор, где живут грозные и могущественные боги, чьи высеченные в скалах лики сурово глядят в глаза незваных гостей.

Это высочайшее в мире плоскогорье занимает пространство почти в 2 миллиона квадратных километров. Средняя высота его над уровнем моря — 4 тысячи метров. С севера и юга его оберегают горные цепи Куэнь-Луня и Гималаев, на востоке и западе альпийские долины надежно защищены глубочайшими пропастями. Извилистые дороги очень редки, и мало кто знает, как можно пройти по этим дорогам. Это пути горного лабиринта, теряющиеся у отвесных стен, скользящие над бездной.

Это земля озер и родина рек.

Озера лежат меж синих холмов Хачи на северо-западе. Холодные горько-соленые воды, спрятавшиеся на дне котловин. Путешественник рискует здесь погибнуть от жажды. Рек почти нет, колодцы засекречены, а небо всегда сурово и ясно. Холодно и сухо в этом краю туманно-синих холмов и стального беспощадного блеска мертвой воды.

Глина, глина и песок, покрытые черной галькой и редкими сухими кустиками солеросов. Пустыня, бесплодная и недоступная. Путь через нее губителен. Можно месяцами бродить здесь и не встретить ни человеческого жилья, ни колодца.

Тибет — мать великих рек Азии. Здесь, в скалистых горах его, формируются Хуанхэ и Янцзыцзян, Меконг (Лунцаньцзян) и Брахмапутра (Цангпо). Священный Инд тоже рождается в этих горах. Но Тибет — это не только горы, это луга, поросшие гигантскими цветами, колдовская сила пещер, в которых живут высохшие, как мощи, старцы, непроходимые леса, где стволы кедров обвивает сорокаметровая крапива. И лесные поляны, где люди не смеют охотиться и куда олени приходят лизать соль, а барсы наточить о священные деревья беспощадные когти. Там медведь не уступит пути человеку, а леопард тихо уходит прочь, увидев на скале тень Учителя. Майтрея — победитель встает там во весь свой рост, связывая и разрешая судьбы. Майтрея — грядущий, еще не явившийся в мир Будда, который принесет счастье всем живым существам.

Люди живут там в основном по берегам священной для всякого индуса Брахмапутры. Она дает воду и жизнь Лхасе, Шигацзе, Джангдзе и Чэтану. На всем плоскогорье живут люди, говорящие на одном языке, составленном из многих наречий. Но ни индийцы, ни китайцы не понимают его. Жители называют себя народом бод (произносится «бё»), но обитатели Чантана между

озерами Пан-Гон и Тенгри-Нор называют себя чан-па, люди страны между Тенгри-Нор, Куку-Нор и Дацзянь-лу — хорпа, а кочевые племена — дог-па.

В давние времена тибетские кланы составляли единое и самостоятельное государство. Теперь большая часть их земель входит в состав империи, подвластной Дайцинской династии китайских императоров, а окраинные территории принадлежат Непалу, Сиккиму и Бирме.

Никто даже не знает, сколько живет в недоступном Тибете людей. Одни считают, что три миллиона, другие — не меньше восьми. А ведь мир вступил в XX век, и географы уверяют, что на земле не осталось больше «белых пятен».

На северо-востоке Тибетского плоскогорья люди бод смешались с монголами (дам-сок). Небольшая колония монголов поселилась и на севере Лхасы. Великое смешение народов, неодолимая диффузия, которая медленно, но верно подтачивает любую изоляцию.

Только с начала XVII века Небесная империя Дайцинов распространила свой суверенитет на Тибет. До той поры это был автономный край, состоявший из четырех провинций: У (Уй), Цан (Цзан), Кам и Нгари (Къор-сум), находящихся под верховным управлением далай-ламы. Но медленно и постепенно, верные своей традиционной политике, китайские императоры стали прибирать Тибет к рукам. Ненавязчиво, вкрадчиво, почти незаметно для самих тибетцев власть стала переходить в руки правителей пограничных провинций Китая. Многомиллионное государство неторопливо всасывало в себя страну снегов. Для того чтобы наблюдать за землями, примыкающими к индийской границе, китайцы направили постоянного представителя — амбаня.

Потом началось наступление на власть далай-ламы. Амбань и не думал посягать на его религиозный авторитет. Напротив, святость и непогрешимость далай-ламы

всячески подчеркивались. Но вот реальная власть, действительное участие в управлении страной — это далай-лама постепенно терял. Тем более что и другие высшие религиозные князья Тибета стали требовать для себя верховного владычества над провинциями и областями. Китайцы отнеслись к таким претензиям весьма благо-склонно, и суверенитет далай-ламы становился все более номинальным.

В XIX веке все входящие в состав Китая тибетские земли были раздроблены на почти не зависимые друг от друга феодальные владения, так или иначе подчиненные Пекину.

Северо-восточная провинция, населенная кочевниками догпа и монголами, подчинена китайскому амбаню, который проживает в Синине (китайская провинция Ганьсу).

Юго-восточный край с городами Батан, Литан и Дарчэндо включен в состав китайской провинции Сычуань и подчинен непосредственно ее генерал-губернатору.

Третья часть, значительно превосходящая по площади обе другие, составляющая собственно Тибет, закрыта для иностранцев и находится под надзором лхасского амбана.

Так что изоляция Тибета вызвана не столько религиозными тайнами лам и желанием тибетцев сохранить свою самобытность, сколько чисто политическими соображениями центрального правительства в Пекине.

Жители Тибета все еще помнят те времена, когда далай-лама единовластно управлял всеми четырьмя провинциями. Однако деление страны на У, Цан, Кам и Нгари лишь дань исторической традиции. Три китайских амбана управляют страной, раздробленной на множество автономных владений, точных границ которых не знает никто.

Таков Тибет на грани нового, XX века.

Французский путешественник Дютрейль де Ренс считает, что непосредственная власть далай-ламы распространяется на полтора миллиона человек, среди которых не менее 300 тысяч монахов. Центром этих владений далай-ламы является провинция У.

Затем следует область, подчиненная второму тибетскому властителю паньчэнь-риньпочэ, или паньчэнь-ламе, обитающему в монастыре Ташилхуньпо близ города Шигацзе. Он властвует над сотней тысяч подданных, населяющих провинцию Цан, но авторитет этого второго по значению ламаитского иерарха распространяется далеко за пределы этой провинции. Именно паньчэнь-риньпочэ, а не далай-лама, назначает настоятелей монастырей племени голог в Амдо.

В том же городе находится и резиденция главы секты сакья, которая, как и приверженцы старой религии (бонбо), не признает верховной власти буддийских лам. По сути, каждая секта обладает своими автономными владениями. Но над всеми распростер свои перепончатые крылья дракон Небесной империи.

Тибет — изолированная страна, и сношения его с внешним миром крайне затруднены. То, что тибетцы именуют словом «лэм» — «дорога» или даже «чжя-лэм» — «большая дорога», представляет собой узкую тропу, петляющую по дну глубоких лощин, прерываемую бурными потоками, которые редко удается перейти вброд. Мостов почти нет. Лишь изредка можно встретить два-три бамбуковых ствола, переброшенных над ревушей белой водой. Часто лэм змеится по крутым отрогам, которые вздымаются на пять и более тысяч метров. Там сияют облака и воют колючие метели, а снежные лавины как спички ломают исполинские стволы гималайских кедров. Порой лэм сужается в узкую, не шире одного фута, ленту, заброшенную на скальный карниз, заледенелый, скользкий, повисший над страшным обрывом. Там мож-

но только стоять, приклеившись спиной к холодной скале. Стоять и ждать, пока ветер не сорвет человека, как жалкую былинку. А бывает и так, что там, где еще вчера был удобный путь, вы встретите лишь груды скальных обломков, ямы и рытвины, искореженные обвалом, с корнем выданные стволы.

Только черный як может пройти по таким дорогам. Тяжелое животное продавливает ледяную корку и потому не скользит, а короткие ноги позволяют ему идти вперед даже при сильном боковом ветре. Як спокойно тащится над пропастью, лениво жуя, карабкается почти по отвесному склону. Ему не нужен запас пищи в дорогу, он всегда отыщет пук высушенной жесткой травы, оставшейся в скалах еще с незапамятных времен. Этого хватит ему на день пути.

Но яки ленивы и упрямы. Устав идти, они ложатся на снег и скорее дадут убить себя, чем тронутся дальше. Они не могут идти караваном, как лошади или верблюды, а тащатся беспорядочным стадом, калеча друг о друга привязанный груз.

В горах они вряд ли пройдут больше 10 километров за сутки, по равнине, может быть, сделают вдвое больше.

Вот почему многие все же рискуют идти на лошадях, которые намного дороже, которых трудно прокормить и которые в довершение всего срываются в пропасть вместе с кладью.

Главные дороги соединяют Лхасу с Синином. Самая западная из них проходит через Нагчу, переправу Чумар Рабдун на реке Мур-Усу и цайдамское княжество Цзун-Цзасака. Это самый длинный и самый оживленный путь. Монголы предпочитают его. Лучше дать лишку, чем встретиться с разбойниками. Длина этого пути 1860 километров. Яки преодолевают его в 108 дней (20 дней от Лхасы до Нагчу, 88 — от Нагчу до Синина). Людские поселения встречаются лишь вблизи Лхасы и на

участке Синин — монастырь Танкар, 800 километров проходят по совершенно безлюдной земле, на остальном маршруте — только два небольших поселения: Нагчу и ставка Цзун-Цзасака. Но путь зато ровный и спокойный. Высокий путь по черной гальке и солончакам.

Старики рассказывают о другой, еще более прямой и удобной дороге, проходившей южнее переправы Чумар-Рабдун, между горькими озерами Чжарин-Нор и Орин-Нор к Танкару. Но лихие разбойники из племени голог живо отбили упаломников охоту идти этой дорогой. И время сгладило ее.

Третий путь, открытый французом Гренаром, начинается у истоков Меконга и через монастырь Таши-гомба и Чжекуньдо выходит к Танкару. Длина его 1780 километров, но по пустыне приходится идти только 580 километров.

У монастыря Лабуг от этой дороги отходит ветка в торговый город Ланьчжоу. Она идет по населенным местам мимо монастыря Лабран и города Хочжоу. Здесь торговый человек может не опасаться разбоя.

Весь путь длиной в 2045 километров идет по стране все тех же лихих гологов, которые пропускают только караваны из Лабрана да разрешают великому ламе проехать населенной веткой, когда тот раз в три года ездит из Ташилхуньпо в Пекин. Да и по гренаровой дороге могут проходить лишь монастырские караваны из Чжекуньдо.

Другая группа из трех дорог идет из Лхасы в Дацзяньлу (Дарченьдо) на границе провинции Сычуань. Самая южная, наиболее короткая и трудная, идет через Чжямдо (Гямда), Лхари и Чамдо. 1650 километров этой дороги яки проходят в 105 дней. Дорогой через Согцзон и Чамдо мало кто пользуется, зато северным путем, от истоков Меконга к городу Чжекуньдо, несмотря на крюк

в 200 километров, следуют чаще всего. Это сравнительно хороший путь. Только лхасский амбань ездит всегда по первой дороге, которая проходит по богатым местам. Он никогда не упускает случая пополнить свою казну.

Есть, правда, еще одна дорога — из Сунпаньтина в Чамдо через монастырь Цзогчэнь с веткой в Чжекуньдо. Короткая — всего 860 километров. Но только сунпаньские контрабандисты, находящиеся в доле с местными разбойниками, могут спокойно проехать этим путем.

Приходится подробно говорить о дорогах в Тибет, поскольку от них зависит добрая половина успеха. Можно обмануть бдительность китайских властей, подкупить местную полицию, успешно пройти допрос лам. Но если вы не попадете в Лхасу, вам даже не придется подвергнуться всем этим испытаниям. А в Лхасу очень легко не прийти. Вы можете замерзнуть на перевале, обрушиться в пропасть, стать добычей леопарда-людоеда, умереть от голода и жажды в пустыне, вас могут ограбить и даже убить разбойники. И все зависит от правильного выбора дороги. Остальное — дело судьбы. Но выбор дороги во многом предопределяет вашу карму.

Третья группа дорог соединяет Лхасу с Лицзяном в китайской провинции Юньнань. Расстояние между этими городами 1500 километров, но никто точно не знает, где и как проложены там дороги. Неизвестно даже, сколько таких дорог. Весь путь проходит по совершенно не исследованной долине священной Брахмапутры. Жители Сиккима, Бутана и Непала уверяют, что там живут страшные мохнатые люди с двумя боковыми резцами, выступающими над нижней губой, и красными глазами, которые светятся в темноте, как у зверей.

Несколько дорог соединяют Лхасу с Индией. Наиболее удобная из них по взаимной договоренности между далай-ламой и лхасским амбанем закрыта для движения. От столицы Сиккима Дарджилинга до Лхасы всего

520 километров. Их можно было бы проскакать за девять дней. Это тем более удобно и выгодно, что Дарджилинг связан с Индией английской железной дорогой. Но этот путь в Лхасу закрыт. Можно пользоваться только дорогами, проходящими через Бутан и Непал. От Лхасы до столицы Бутана Тассисудона (Ташичоцзон) только 400 километров, а до столицы Непала Катманду 850 километров. Непальская дорога проходит через Чжяньцэ, Ташилхуньпо, Сакья и Тинри. Есть еще одна, почти заброшенная, дорога из Лхасы в Ассам через Чэтан.

Две дороги ведут из Лхасы в Ладак. Одна из них (2140 км) проходит через Ташилхуньпо, Гарток и Рудок, другая (1880 км) — через Сэньчацзон, Омбо и Рудок. Почти все торговые караваны идут по более длинной дороге, проходящей по сравнительно богатым и густонаселенным районам. По этой же дороге обычно направляются к далай-ламе посольства из Ладака. На яках весь путь можно пройти за четыре месяца, на лошади — за два с половиной. Правительственный курьер, которого ожидают подставы на каждой станции, тратит на весь путь 18 дней.

Есть еще несколько трудных и почти заброшенных путей в Лхасу и Ташилхуньпо из Китайского Туркестана. Вот и все. Больше дорог в Тибет нет.

За последнее тысячелетие буквально считанные путешественники смогли проникнуть в столицу Тибета, хотя вплоть до начала XIX века они не встречали никакого противодействия со стороны местных властей.

Р. Н. внимательно изучил все документы, в которых только упоминается слово «Тибет». В течение полутора лет он не разгибаясь сидел над книгами, письмами, фотокопиями, картами и манускриптами на разных языках. Среди всех этих документов было несколько особо секретных и важных. Специальный курьер из Лондона сле-

дил за тем, чтобы они были прочитаны в изолированном помещении и не попали в чужие руки.

874 год. Первое упоминание о Тибете. Арабский купец-мореход Ибн-Вахаб покинул в 871 году родную Бассору, которую разграбили восставшие зинджи, и через Индию направился в Китай. Сохранился древний пергамент с его записями: «...За страной Китай находится страна тагазгазов, которые относятся к тюркам. Земли Китая, граничащие с землями тюрков, называются Тибетом... Однако люди из наших стран еще не бывали там, а потому никто не может рассказать о них. В этой стране встречаются белые соколы...»

1150 год. Появляется самый значительный в научном отношении географический труд средневековья, единственный, который хоть в какой-то степени можно сопоставить с великолепным творением Птолемея. Это созданная в Палермо «Книга Роджера», к которой приложена большая карта мира арабского ученого Идриси. Под покровительством короля Роджера II Идриси выгравировал на серебре эту знаменитую карту, над которой трудился 15 лет. Оригинал этой карты утерян, но копии сохранились.

Первым из европейских географов Идриси помещает в Центральной Азии Тибет (под названием Тоббат).

1166—1173 годы. Знаменитый еврейский путешественник рабби Вениамин предпринимает путешествие по Передней Азии и Северной Африке. Сохранившийся лишь в отрывках путевой дневник рабби Вениамина содержит фразу: «Оттуда (от Самарканда) четыре дня до области Тобота, в лесах которой добывается мускус».

Это первый европейский источник, в котором упоминается нынешнее название Тибета (в форме «Тобот»).

Но лишь через полтора столетия европейцы смогли проникнуть в Тибет. Первым, кому это удалось, был монах Одорик из Порденоне.

С тех пор как в начале XIII века были основаны два нищенствующих ордена — доминиканцев и францисканцев, миссионерская деятельность братьев в рясах стала неуклонно расширяться. Благодаря совету, данному папой в 1267 году магистру Доминиканского ордена Жану де Версею, послать христианских проповедников к монголам, индусам, эфиопам, нубийцам, сарацинам, а потом и благодаря личным стараниям папы Николая IV, пославшего письма «К царям Армении, Грузии, Иберии, Эфиопии и Татарии», начался подъем миссионерской деятельности в языческих странах.

Правда, конечный результат далеко не оправдал надежды великого понтифика, несмотря на самоотверженность и мужество братьев-путешественников.

Одним из наиболее выдающихся христианских проповедников был францисканец Одорико Маттиусси ди Порденоне, называемый также Одерихом Парденонским. В апреле 1318 года фра Одорико отправился в длительное путешествие по Азии. Вместе с другим знаменитым миссионером-путешественником, Монтекорвино, Одорико провел несколько лет в Китае, на обратном пути посетил Тибет и даже долго прожил в священной Лхасе. Возвратившись в Италию в 1330 году изнуренным, больным человеком, он по требованию великого магистра ордена Гуйлельмо Соланья продиктовал отчет о своих путевых приключениях. Впрочем, смерть, последовавшая 14 января 1331 года, прервала этот труд, который стал известен в Европе под латинским названием «De mirabilibus mundi» («О чудесах мира»).

«Я направился в другую очень обширную провинцию, — рассказывал Одорико, — носящую название Тибот и лежащую на пути в Индию. Это царство подвластно великому хану. Здесь можно найти хлеб и воду в таком величайшем изобилии, как нигде на свете. Жители этой страны живут в шатрах из черного войлока. Их главный город очень красив и построен весь из белого камня, а его улицы хорошо вымощены. Он называется Хоса. Никто в этом городе не осмеливается пролить кровь человека или даже животного из благоговения к идолу, которому здесь поклоняются. В этом городе живет Обасси (далай-лама) — так называют они на своем языке местного папу. Он глава всех идолопоклонников и по своему усмотрению распределяет доходы страны... У них считается красивым иметь длинные ногти, и они отпускают их столь длинными, что те покрывают им все руки. Красота женщин определяется маленькими ножками. Когда у матерей рождаются дочери, они стягивают им ноги так, что те совсем не могут вырасти...»

Сведения Одорика о Лхасе не утратили своей ценности со временем.

Р. Н. поразило чрезвычайно точное сравнение лхасского далай-ламы с римским папой. Действительно, и во времена Одорика, и по сей день далай-лама был и остается папой ламаитов. Он властитель душ 200, а может быть, 400 миллионов людей! А мир ничего не знает о нем, как не знает он о ламаитском Риме — Лхасе и ее тайных святынях.

Изучая документы о путешествии Одорика, Р. Н. установил, что тот попал в Лхасу через провинции Шаньси, Шэньси и Сычуань. Было это в 1325—1326 годах.

Прошло три столетия, прежде чем кто-либо из европейцев решился отправиться в Тибет.

В 1624 году иезуит Антонио Андрада проник туда из Агры (Индия), перевалив через Гималаи к верховьям Ганга (озеру Манасаровар), откуда через Рудок направился в Кукунор и далее в Китай. Описание этого трудного путешествия появилось на португальском языке в Лиссабоне.

Другой иезуит — австриец Грюбер — совершил такое же путешествие, но в обратном направлении: из Китая в Индию. Вместе с французом Дорвилем он в 1661 году выехал из Пекина через Синин и Нагчу в Лхасу, откуда, пробыв два месяца, направился в Агару через Непал.

Через 50 лет неутомимый иезуитский орден вновь посылает ловких своих офицеров разведать тайны далекой высокогорной страны. Тосканцу Дезидери и португальцу Фрейре удается в 1716 году проникнуть в Лхасу из Сиккима. Дезидери пробыл в Лхасе до 1729 года. Его чрезвычайно ценные записки о Тибете донныне остаются в рукописи, которая хранится в секретном сейфе одной из иезуитских школ.

Р. Н. получил возможность прочесть копию этой рукописи в английском переводе.

В 1719 году, когда Дезидери еще пребывал в Лхасе, туда пробрались 18 капуцинов во главе с отцом Франциско Орацио делла Пенна. Они основали в столице Тибета первую католическую миссию, которая просуществовала вплоть до 1760 года. Орацио делла Пенна прекрасно изучил город, страну и несколько местных языков. Все материалы миссии хранятся в Ватикане в Congregatio de propaganda fide.

С выписками из некоторых донесений патера Орацио Р. Н. ознакомился.

Почти не осталось сведений об интересной экспедиции голландца Самуэла ван де Путте, который около 1730 года добрался до Лхасы из Индии. Ван де Путте изучил тибетский язык и даже ездил в составе тибетского посольства в Пекин.

В 1774 году английский генерал-губернатор Уоррен Гастингс отправил в Шигазе своего доверенного агента Джорджа Богля, которому удалось снискать доверие самого паньчэнь-ламы. Это вызвало беспокойство в Пекине. Тогдашний китайский император резко ограничил самостоятельность Тибета во внешних сношениях, и миссия Богля потерпела провал.

Тогда Гастингс послал еще одного агента — капитана Самуэла Тернера, который также не смог преодолеть сопротивления китайской администрации и повернул назад.

В 1792 году на Тибет напали завладевшие Непалом гурки. Китай усмотрел в этом тайные интриги англичан. Возможно, не без оснований. Во всяком случае, это событие послужило Пекину поводом для окончательного закрытия индо-китайской границы. Потом эта мера была распространена и на границы Тибета с другими странами. Таким образом, политика замкнутости была делом рук китайского правительства. Но потом ее усвоили и правители Тибета. С тех пор она проводится в жизнь со всей строгостью.

И все же англичане не оставили своих попыток проникнуть в Тибет. Сразу же после закрытия границы с Индией в Лхасу сумел пробраться Томас Мэннинг, который своими медицинскими познаниями буквально очаровал китайского генерала, имевшего резиденцию в пограничном с Бутаном городе Пэрицзоне. В 1811 году генерал взял Мэннинга с собой в Лхасу. Мэннинг был первым европейцем, который удостоился чести повидать далай-ламу. Китайская агентура донесла об этом Пекину. Мэннинга отослали в Индию, а его покровитель генерал попал в опалу.

Но цель была достигнута. Англичане получили достоверную информацию о Тибете. Оставалось лишь взвесить, насколько игра стоит свеч. Но это был уже вопрос высокой политики. Сбор стратегической информации не зависел от его решения. Эту информацию все равно нужно было собирать на всякий случай. Особенно важна была проблема путей сообщения.

Но после Мэннинга лишь лазаристы Гюк и Габэ смогли пробраться в Тибет. В 1846 году, переодевшись паломниками, они пересекли границу китайской провинции Синин и по одной из западных дорог направились в Лхасу. Но недалеко от цели были разоблачены и по приказу амбана с конвоем препровождены в Дазяньлу по южной дороге, ведущей на Джямдо, Лхари и Чамдо.

Попытки проникнуть внутрь Тибета, которые делались в течение всего XIX столетия, неизменно терпели неудачи. Граница с Индией была на замке. Путешественникам пришлось изучать Тибет по рассказам побывавших там людей. Кемпбелл, Хукер, Кэннингхэм, Вилсон, Иден, Уилкоккс, Гриффитс, Крик, Купер, Нидхэм, Фрешфильд, Уэдделл, Доналдсон и много-много других — все они обогатили этнографию и английскую секретную службу важными сведениями о Тибете, добытыми в пограничных районах с Индией.

Западные границы Тибета прощупали братья Шлагинтвейны и венгр Александр Чома, всецело посвятивший себя изучению тибетской литературы. Долгие годы провел он в преддверии желанной страны, но так и умер, не сумев пересечь границу.

Неглубокие рейды к озерам Манасаровар (Цо-Мапъам) и Ра-

кас-тал (Цо-Ланак) совершил на юго-западе сначала Муркрофт, а затем Стрэчи и Винтерботтом.

На востоке довольно подробно удалось изучить территорию, населенную тибетцами и подвластную сычуаньскому генерал-губернатору. Эти земли считались входящими в состав собственно Китая, и запрет на посещение их иностранцами соблюдался не так строго. Путешественники попадали сюда обычно из Дацзяньлу, расположенного в собственно Китае. В 1868 году таким путем достиг Батана Купер, в 1877 году — капитан Джилл, Пратт, миссис Бишоп и другие. Большой успех в изучении страны выпал на долю французских миссионеров, учредивших католическую миссию в Бонга. На первых порах им удалось проникнуть даже в Чамдо и Гарток, но китайцы быстро ограничили их деятельность. Теперь они могут действовать лишь вблизи Батана. Благодаря их стараниям был составлен столь важный для исследователя Тибета тибетско-латинско-французский словарь.

Большое значение для изучения Восточного Тибета имела экспедиция, снаряженная в 1877 году графом Сэчени, в состав которой входили топограф Крейтнер и геолог и ботаник Лоччи.

Но совершенно новая эпоха в исследовании Тибета началась с тех пор, как русские путешественники вновь обратили внимание мира на возможность проникновения в Тибет с севера по пути первых католических миссионеров.

Поскольку из-за характерной индусской внешности и других не менее важных обстоятельств для Р. Н. этот путь был неудобен, он лишь бегло ознакомился с русскими документами, да и то лишь с теми, где говорилось об обычаях местного населения. Тем более что Лхасы русские так и не достигли.

Получит он разрешение на «паломничество» в Лхасу или нет, все равно его путь будет лежать только через южную границу. С юга, только с юга сможет он пробиться в страну лам.

Смелый прорыв южной границы совсем недавно осуществил Генри Сэвидж Лендор. Из северо-западных провинций Индии он через перевал Лумпия-ле, обогнув с юга озера Ракас-тал и Манасаровар, пошел на восток, в долину Брахмапутры. Таким путем никто еще не ре-

шался идти. И все же у села Дуксам Лендора арестовали, избили и той же дорогой выпроводили восвояси.

Год спустя, в 1898 году, канадский миссионер Рэйнхарт направился в Тибет вместе с женой и малолетним сыном. В августе они выехали из Танкара и по западной дороге прибыли в Нагчу, потеряв в пути ребенка. Здесь их задержали и велели им возвратиться назад. Но они направились на восток. Вскоре вблизи монастыря Ташигомба они сбились с дороги, и миссионер отправился поискать какого-нибудь жилья. Жена прождала его три дня, но он так и не вернулся. Она была вынуждена продолжить путь и вышла в конце концов к Дацзяньлу.

Наконец, уже в этом году уроженцы Бадена Футтер и Гольдерер обследовали область, лежащую между озером Кукунор и рекой Хуанхэ.

Такова история в большей части безуспешных попыток достигнуть Лхасы. Дело было бы безнадежным, почти безнадежным, если бы не одна лазейка, долгое время оставшаяся неиспользованной.

Дело в том, что правительства Пекина и Лхасы, закрыв Тибет для иностранцев, сделали исключение для азиатов, исповедующих буддизм. Этим воспользовались англичане. В 1865 году по инициативе полковника Монтомери индийское геодезическое бюро Trigonometrical Survey начало готовить индийских подданных британской короны для «самостоятельных географических исследований», или, говоря иными словами, для разведки Тибета и других закрытых для европейцев областей Гималаев.

В целях конспирации эти ученые-пандиты именовались лишь условными буквами. Переодетые паломниками и снабженные необходимыми материалами и инструментами, они свободно пересекали границу и довольно легко пробирались в Лхасу.

С разных сторон, кроме северной, углублялись панди-

ты в Тибет, и если теперь есть какие-то карты этой страны, в том заслуга пандитов. Собранные ими материалы считаются секретными и не подлежат опубликованию в течение 30 лет. Р. Н. эти материалы были, конечно, предоставлены.

С большим интересом прочел он превосходные путевые журналы пандитов А-, А-к, ламы Учжень-чжяцо.

А- в течение десяти лет (1865—1875) совершил три путешествия. Он подробно исследовал западную провинцию Нгари и дважды прошел по центральным районам с запада на восток. Дважды он побывал в Лхасе и был принят далай-ламой.

А-к побывал в Тибете в 1878—1882 годах. Его маршрут представляет собой гигантский четырехугольник с вершинами: Лхаса, Сачжоу (к северу от Цайдама), Дазяньлу, граница с Ассамом. Осенью 1878 года он посетил Лхасу и составил первый подробный план этого загадочного города.

К концу работы Р. Н. мысленно мог представить себе каждый перевал, каждый поток и мост на дорогах Тибета. Он говорил по-тибетски столь же легко, как на языках Индии или на английском языке. Китайским языком он тоже владел довольно свободно. План Лхасы врезался в его память так прочно, что ему не надо было бы спрашивать там дорогу у посторонних.

К этому времени английское правительство собралось снарядить посольство в Пекин. Чтобы испросить разрешение на такое посольство, к китайскому императору был направлен неофициальный посланник, сопровождать которого было поручено Р. Н.

В Пекине он жил в кумирне, находящейся за воротами Аньдин и называемой Си-хуан-сы, где обычно останавливаются все тибетские торговцы. Он носил одежду китайского ламы, и его действительно принимали здесь за ламу из Качэ (Кашмира). Это была первая попытка

жить под чужим именем в чужой стране. Английский друг Р. Н. называл это «легализацией».

Знание тибетского языка и буддийских источников помогло Р. Н. сблизиться с видными китайскими ламами. Особенно он дорожил расположением главы ламаитов Китая Чжан-цзя-хутухту.

Между тем переговоры о посольстве протекали не так, как хотелось англичанам. «Английский друг» вынужден был возвратиться в Индию, так и не достигнув поставленной цели.

Тем не менее заслуги его были высоко отмечены. Р. Н. тоже был пожалован индийским правительством титул Rai Bahadur, а англичане наградили его орденом индийской империи.

Разрешение на поездку в Тибет все еще не было получено. Оставалось готовиться к путешествию под видом паломника. К этому времени у Р. Н. состоялся важный разговор с одним английским полковником, на которого была возложена ответственность за будущую тайную миссию. Беседа протекала приблизительно так:

Полковник. Надеюсь, гуру*, вы готовы?

Р. Н. Да, сэръ. Вполне. Хоть завтра.

Полковник. В таком случае я бы хотел сделать некоторые дополнения к вашему заданию. Вы не возражаете?

Р. Н. Буду рад выслушать вас.

Полковник. Нам бы хотелось, чтобы вы обратили внимание на расположение местных и особенно китайских гарнизонов.

Р. Н. Я уже ранее отказался выполнять любые поручения, связанные с военным шпионажем. Для меня «гайны Тибета» — это этнографические, культурные, религиозные тайны, но не более.

* Гуру — учитель (инд.), почтительное обращение.

Полковник. Относится ли это и к путям сообщения?

Р. Н. В известной мере. Все, что касается передвижения по тибетским дорогам небольшой группы людей, я буду внимательнейшим образом отмечать и изложу потом в отчете. Одним словом, я постараюсь облегчить путь всем, кто пойдет по моим стопам. Но я не намерен пролагать дорогу военной экспедиции.

Полковник. Считаете ли вы возможным посредничество между нами и местной или китайской администрацией? Я имею в виду тех представителей духовенства и светской власти, которые готовы или будут готовы сотрудничать с нами?

Р. Н. Речь идет о подкупе?

Полковник. Как об одной из возможных мер.

Р. Н. Я не считаю порочным для себя покупать людей, которые продаются. Весь вопрос в характере необходимых сведений. Сведения, интересующие меня, а вы знаете, что меня интересует, я готов купить. Но не военные секреты. Думаю, что нет нужды повторяться.

Полковник. Безусловно. Мы слишком хорошо знаем и уважаем вас, сэр, чтобы питать сомнения по поводу ваших слов. Позвольте мне задать вам еще один, совсем неофициальный вопрос?

Р. Н. Прошу вас, сэр.

Полковник. Вы верующий человек, гуру?

Р. Н. В известном смысле да. Но эта вера вне исповедания, и смысл ее вряд ли будет понятен постороннему.

Полковник. Если я правильно понял, речь идет скорее о комплексе этических норм?

Р. Н. Это и так и не так. Но считайте, что вы поняли правильно.

Полковник. Тогда еще один и самый последний вопрос. Отдаете ли вы себе отчет в том, что сведения об

этнографии, морали и религиях Тибета, равно как и подробности топографического и климатического характера, являются сведениями разведывательного характера и могут быть использованы... Вы меня понимаете, гуру?

Р. Н. «На этом свете есть двойкий путь, как мною было сказано и ранее, о безгрешный: единение санкиев* через познание и единение йогов через действие. Человек не достигнет свободы отречением от действия и одним отречением не поднимется до совершенства. Никто даже на один миг не может остаться истинно бездействующим, ибо все беспомощно влекутся к действию свойствами, от природы исходящими». Так говорит бог Кришна в «Бхагавад Гите», полковник. Что может сказать человек?

Полковник. Эти строки о достижении совершенства напоминают учение Будды.

Р. Н. Буддизм не возник на пустом месте. Он такой же цветок Индии, как брахманизм.

Полковник. И он цветет теперь под небом Тибета.

Р. Н. Тибетский буддизм — это лишь отраженный, стократ преломленный свет Индии.

Так мирным богословским разговором закончилась эта беседа, которая столь угрожающе началась. Полковник хорошо знал Индию и ее культуру, чтобы настаивать там, где настаивать бесполезно.

Впрочем, при этом разговоре никто не присутствовал. Данная версия рисует в выгодном свете и самого Р. Н., и даже полковника. Это вызывает известное сомнение. Тем более что Р. Н., как и предполагалось, отправился в Тибет как гайный агент.

* Санкии — последователи религиозной философии санкия; в общем смысле — рационалисты.

***Нельзя забыть про зло.
Вся суть:
Следить, как зреет черный знак.
Тем светел восьмеричный путь,
Ведущий к прекращенью зла.***

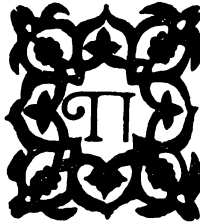
Дхаммапада, XIV, 191

***Ты можешь яд в руках нести,
Пока шипом не ранишь кожи.
Избегнуть злобы тот лишь может,
В ком зло не смеет прорасти.***

Там же, IX, 124

КОЛЕСНИЦА МАХАЯНЫ

ри рождении он был наречен именем Гаутама. Однако впоследствии ревностные почитатели дали ему новое имя. —

Сиддхартха. Он принадлежал к небольшому племени шакьев, состоявшему, по преданию, из одних кшатриев — воинов. Среди шакьев не было ни брахманов, ни представителей других каст. Поэтому прирожденные воины должны были сами заниматься земледелием, торговлей и другими неподобающими их касте делами. Все шакьи, в том числе и их вождь — отец Гаутамы, сами ходили за плугом. Шакьи выбирали своих предводителей по принципу очередности. Отец Гаутамы не был царем, хотя и звался «раджанья» — повели-

тель. Но так могли звать и любого кшатрия, имеющего право стать вождем. Это потом легенда превратила Гаутаму в сына царя — принца Сиддхартху, родившегося в роскошном дворце и выросшего среди развлечений и утонченных удовольствий.

Простой народ назвал его Сакья-Муни — «отшельник из племени шакьев», а он нарек сам себя Буддой, что означает на санскрите «осененный истиной».

Буддийская легенда рассказывает, что после бесконечного множества перерождений грядущий Будда явился в мир со спасительной миссией указать человечеству выход из страданий. Последнее это перерождение и свершилось в образе Сиддхартхи — отпрыска знатного рода Гаутамы.

Шакьи жили на небольшой территории, расположенной по обе стороны теперешней индо-непальской границы, в районе нынешних округов Басти и Горакхпур. Земли их были покрыты девственным лесом, с которым приходилось вести упорную борьбу.

Жена вождя шакьев Майя однажды увидела во сне, что ей в бок вошел белый слон. Она не придавала сну значения и вскоре забыла его. Но как-то она искупалась в священной пушкаре шакьев — искусственном водоеме с лотосами, после чего родила в роще деревьев сал, посвященной богине-матери, мальчика, который вышел из ее бока. Новорожденный сразу же встал на ножки и издал ликующий львиноголосый клич. А через семь дней Майя умерла.

Юный Гаутама получил обычное для всех кшатриев воспитание. Он прекрасно научился управлять боевой колесницей, владеть оружием, усвоил племенные обычаи. Он женился на девушке своего племени, Каччане, принадлежавшей к знатному роду, и она родила ему сына Рахулу.

Отец Гаутамы Шуддходана как мог ограждал сына от теневых сторон жизни. Он помнил пророческие слова мудреца Аситы: «Я смеюсь от радости, что спаситель явился на землю, и плачу оттого, что мне не выпадет счастья дожить до свершения его подвига».

Потерявший любимую жену Шуддходана не хотел утратить и сына, даже если тому и надлежит совершить подвиг. Поэтому жизнь Гаутамы (ему еще предстояло оправдать имя Сиддхартхи, которое значит «выполнивший назначение») протекала легко и счастливо. Но однажды, проезжая на колеснице, окруженный друзьями и поющими девушками, Гаутама увидел кровоточащие язвы на теле калеки, скорбную процессию, которая следовала за лежащим в гробу покойником, согбенного годами старца и погруженного в размышления аскета-саниаши.

Это были четыре встречи Будды. Острой молнией ранила его

сердце мысль о предназначенных человеку страданиях. Кто мы? Откуда мы? Куда идем? В чем конечный смысл наших страданий? И безнадежная тоска затмила его. Он задумался о муках тела и души, о всех утратах, которые ожидают человека на земле, задумался о том безжалостном и бессмысленном уничтожении, которое люди называют смертью.

В ту же ночь он решил стать саниаси, чтобы в размышлениях обрести путь, ведущий к избавлению от мук. Он покинул тайком свой дом и ушел в леса и пещеры.

Шесть лет он метался в поисках этого неведомого пути. Он искал истину в священных тайнах брахманов, искал ее в себе, умерщвляя свою плоть голодом и бичеванием. Подолгу жил он в джунглях, где одни только звери могли слышать его. И вдруг на него снизошло откровение. Случилось это, когда он сидел, погруженный в себя, под деревом пипалой на берегу реки Неранджары.

Гаутама сделался Буддой. Он познал «четыре благородные истины»: 1) существование страдания — существовать значит страдать; 2) причина страдания — желание, которое только возрастает при удовлетворении; 3) прекращение страдания — уничтожение желаний; 4) путь, ведущий к такому уничтожению, — три стадии или последовательных состояния совершенства, которые заключаются в знании и соблюдении «благого закона», исполнении дисциплины буддизма и его морали и в нирване, где уже нет существования.

Демон зла, бог смерти Мара, наслал на «просветленного» страшные бури. Но страха не было в сердце Будды. Мара послал ему своих дочерей, которые стали соблазнять отшельника всеми радостями жизни. Но желание было убито в сердце Будды. Только сомнение могло еще отвратить его от избранного пути. Четыре недели, днем и ночью, ходил Будда вокруг дерева, пытаясь победить сомнение. И победил.

В «оленьем парке», близ Бенареса, Будда произнес свою первую проповедь перед пятью учениками и двумя оленями. Высокая истина была высказана. Отныне путь к спасению от страданий открывался перед людьми. Будда привел в движение колесо дхармы. Сорок пять лет бродил он по городам и деревням, проповедуя свое учение. Со всех концов Индии к нему стекались ученики. Одних он оставлял при себе, других посылая проповедовать в самые отдаленные концы страны. И они несли людям дхарму, что следует понимать как закон жизни.

Умер Будда в восьмидесятилетнем возрасте в Кушинагаре. Он лег под деревом пипалой в позе льва и обратился к монахам и мирянам: «Теперь, монахи, мне нечего сказать вам больше, кроме

того, что все созданное обречено на разрушение! Стремитесь всеми силами к спасению».

К спасению ради чего? К какому спасению? Если со смертью кончается все, то значит ли это, что можно победить смерть? Как понимать слова учителя? Назарянин на кресте тоже спросит потом в смертной тоске: «Зачем ты покинул меня, Элоим?» Разве он не почувствовал, что это смерть приходит к нему, а за смертью кончается все? Как же понять тогда слово «спасение»? Но разве религия когда-нибудь учила пониманию? Она призывала только верить...

Уход Будды из жизни буддисты называют «mahaparinirvana» — обретение великой нирваны. Учитель умер в месяце вайшакха (май) в момент полнолуния.

Будда умер. Буддизм становился мировой религией. Ему не нужен был Будда-человек. Ему необходим был Будда-бог. И легенда стала творить бога.

Ты мне дорогу укажи!
В моих глазах один туман.
Скажи, что есть за смертью жизнь,
Что погребение — обман,
И я последую туда,
Как Ганг уходит в океан.

Т х е р а г а т х а

Вот что нужно было бедному, подавленному нуждой и болезнями человеку. Будда не дал ясного ответа на вопрос о загробной жизни, но мировая религия, чтобы стать мировой религией, чтобы быть мировой религией, должна сказать «да». Иначе не будет у нее власти над слепыми, мятущимися душами людей. Вот почему та смерть под полной громадной майской луной, поднявшейся над черным лесом, стала потом праздником, «трижды святым» днем, равно как рождение и просветление Будды.

Не столь уж важно теперь, был ли на самом деле принц Сиддхартха, которого молва потом сделала Буддой. Важно другое. Даже если жил такой человек, который стал проповедником и умер, как все смертные, он бы никогда не сказал слов, приписанных ему потом: «Подобно тому как воды океана имеют лишь один вкус — вкус соленый, так и учение мое имеет лишь один вкус — вкус спасения». Отсюда оставался лишь шаг к другим словам: «Чтобы основать царство истины, я иду в город Бенарес бить в барабан бессмертия во тьме этого мира». Эти слова сказала за него потом древняя махавагга. Вера в бессмертие — основа религий. С тех пор

и по сей день ученые монахи воздают народу за долготерпение и послушание его обещаниями бессмертия и лучшей иной жизни. Но сами они знают, что даже приведенные в их древних священных книгах слова Будды говорят не о бессмертии, а об избавлении от жизни как величайшем благе, которое она может дать: 339-й стих «Тхерагатхи» говорит:

Конец страданиям, приди!
Я жизнь последнюю влачу.
Мои рожденья позади.
В последний раз уснуть хочу,
И я рождение и смерть
Уже не встречу впереди.

Если не хочешь страдать — умри... Вот беспощадный смысл этих строк.

Сквозь цветной туман мистических легенд едва-едва проглядывает изначальная суть буддийского мировоззрения. Когда-то это была не столько религиозная, сколько философско-этическая система. Основная суть ее в учении о подавлении желаний — в «четвертой и возвышенной истине». Она говорит о «восьмеричном пути», ведущем к прекращению страданий. Вот его ступени: «Праведная вера, праведная решимость, праведные слова, праведные дела, праведный образ жизни, праведные стремления, праведные помыслы, праведное созерцание». Идущий по ступеням «восьмеричного пути» становится архатом — святым — и погружается в нирвану. Нирвана — венец стремлений мудрецов, идеальное состояние.

Но что же такое нирвана? Блаженство? Небытие? Ведь это основа буддийской философии! И все же в буддийском учении нельзя найти ясного и однозначного толкования нирваны. Одни видят в нирване полное уничтожение, другие — прекращение бытия, доступного сознанию, и переход в некое непознаваемое бытие. Одни полагают, что путь в нирвану лежит через смерть, другие уверены, что она достижима еще при жизни. Но все сходятся в одном — нирвана означает прекращение цепи перерождений, которая составляет удел всего живущего.

Эта вечная цепь перерождений усвоена буддизмом из ранних индийских религий. Она, эта роковая санскара, эта мучительная цепь, неотвратимо влечет все живое от перерождения к перерождению по стезе страданий. Даже смерть не может оборвать эту цепь. Новое рождение опять обрекает на страдания. Вырваться из этого страшного, как затягивающаяся на шее петля, круга сансары может лишь тот, кто пройдет сквозь перерождения «восьмеричным

путем» и станет архатом. Брахманисты учат, что перерождение возможно в любой форме: животного, растения, насекомого, демона или божества. Но лишь человек способен достичь нирваны.

Буддисты верят, что сам Будда до своего рождения в облике Гаутамы прошел длинный ряд перерождений, что был он в прежних воплощениях и человеком всех каст и занятий, и богом, в том числе даже самим Брахмой. Он лишь первым из людей достиг нирваны, за которой кончаются любые перерождения. Вот почему современные буддисты говорят, что Будда не умер, а ушел в нирвану.

По учению Будды, путь к нирване труден. Только сам человек, без чьей бы то ни было помощи, может достигнуть ее. Будда не отрицал существования богов, он старался не вступать на эту скользкую стезю. Может быть, потому, что не верил в них. Во всяком случае, он говорил, что даже боги подвержены проклятию санскары. Поэтому достигший просветления человек выше богов. Ни боги, ни сам Будда не могут спасти людей. Каждый человек может только своим путем прийти к нирване сквозь ужас перерождений.

Может быть, этого достаточно для философской этики. Религии, мощной церковной иерархии требуется иное. Нравственность должна была перерасти в культ.

В основе нравственных законов Будды лежали пять обязательных принципов: не убивать ни одного живого существа, не посягать на чужое, не касаться чужой жены, не лгать, не пить вина. Это должен был соблюдать каждый. Но стремящийся стать архатом должен был соблюдать обязательства в самой абсолютной форме. Он не мог обрабатывать землю, чтобы не убить живущих в ней червей. Даже воду для питья он вынужден был многократно процеживать, чтобы не проглотить случайно мельчайшее существо. А собственность? Разве трудом и торговлей она не преумножается за счет других? Значит, не надо никакой собственности. Только повязка вокруг бедер и чаша нищего. Архат должен был становиться саннаси и уходить от мира.

А любовь? Разве Будда не завещал ученикам особую, столь непривычную для человека любовь? Это была любовь и милосердие ко всему живому: друзьям и врагам, коровам и пантерам, муравьям и паразитам на теле. Вечная улыбка на бронзовой статуе Будды. Задумчивая бронзовая улыбка, обращенная всем и никому.

Всем и никому. Привязанность к друзьям и близким уже сама по себе отнимает часть любви, предназначенной для всех. Значит, не может быть для архата такой привязанности.

Бронзовая улыбка. Бесстрастная и отрешенная. Непротивление

злу, прощение всяких обид. Всепрощающая и равнодушная улыбка. Нельзя злом воздавать за зло. От этого ведь только растет зло в мире. Зло никогда не имеет конца, оно всегда влечет за собой новую вражду и новое страдание. Только всепрощение должна нести в мир улыбка архата.

Нельзя защищать несправедливо обиженного, вступаться за слабого, мстить за убитого, отстаивать неправомерно осужденного. Нужно убить любое желание и лишь самому уклониться от зла. Приневолить себя к бесстрастию, найти блаженство в равнодушии, благожелательном ко всем. И бритоголовый буддийский монах знает, что это не столь трудно, как кажется. Ведь это лишь мнится, что люди живут проявлениями души, способной чувствовать гнев, радость и скорбь. Нет, их направляет не душа, а отдельные дхармы.

Слово «дхарма» имеет много значений: закон, учение, религия истинная реальность, признак и, это самое главное, носитель признака, носитель душевных свойств. Согласно же учению, человек — сложное, противоречивое существо. У него много дхарм, много носителей душевных свойств. Одни буддийские школы говорят, что 75, другие — 84, третьи — 100... Много дхарм. Ведь есть «чувственные» дхармы, с помощью которых мы воспринимаем мир: звуки, запахи, краски; дхармы отвлеченных представлений, делающие человека мыслящим существом; дхармы высших стремлений — зовущие в нирвану, например.

Смерть и телá и души разлагает на элементы. Дхармы высвобождаются и, как невидимый пар от воды, обретают свободу и безразличие. Но той кармой, силой той кармы, которую мы творим нашей жизнью и всеми предыдущими перерождениями, дхармы вновь объединяются в иной уже комбинации, давая иную душу иному существу — «перерожденцу».

Так и свершается вращение рокового колеса бытия.

Прервать, уничтожить этот круговорот может лишь архат, достигший нирваны. Потому и становились ученики Будды нищими аскетами, странствующими по пыльным и знойным дорогам без цели и желаний. Лишь знак нищеты, цвет низших каст составлял их собственность — желтая тога.

Но если бы все стали вдруг бикшу (нищими), то кто бы производил рис и овощи, чтобы давать этим нищим подаяние? Разве голодная смерть всей страны давала нирвану всем жаждущим? Или всеобщее безбрачие, разве оно не угрожало прекратить перерождение тех грешных душ, которые не могли еще обрести совершенство?

К счастью, такие вопросы никто не решал. Все получалось стихийно, само собой. Не все последователи Будды готовы были обречь себя на аскетизм. Они не хотели расстаться с приятными удобствами мирской жизни, желали достичь нирваны без лишений и мук.

Мирские приверженцы «восьмеричного пути» принимали к соблюдению лишь пять минимальных принципов, к которым добавляли еще пожертвования монашеским обществам. Теперь каждый мог жить как хотел. Одни в нищенстве, другие в радостях и горестях мира, одни подаянием, другие трудом рук своих. И все могли обрести нирвану. Так философия стала превращаться в религию и ритуал.

Буддизм завоевывал души и страны. Первоначальное символическое изображение Будды в виде колеса сменилось фигурой, сидящей на лотосе и несущей свою удивительную улыбку всем и никому. Он становился государственной религией. Возникали монастыри, возводились ступы, в которых хранили священные реликвии и мощи. Все шло тем самым путем, каким следовали когда-то жрецы всех стран и народов, каким суждено было пойти и последователям Христа и Магомета. Пророк превращался в бога.

Религия нищих стала религией господ. Нравственные устои горстки людей стали мертвыми догмами миллионов. Их нужно было изменять, подновлять, приспособлявать. Созывались соборы, образовывались секты. Буддизм был светом Индии, особым, присущим только ей, ни на что не похожим. Но, распространяясь по миру, он терял нечто неуловимое, присущее духу Индии. И судьба буддизма похожа на судьбы всех больших религий. Он вбирал в себя чужих богов и чужие обычаи, терял свою сложную, порой непонятную философию, опускаясь до сознания воспитанных на примитивных верованиях людей. И одновременно с этим обрстал тайной, свято хранимой в монастырях. Превращался, как и все в мире, в мертвую схему, обескровленную борьбой противоречивых тенденций и качеств.

Постепенно в буддизме возникло свыше 30 сект. Но самый глубокий раскол произошел в I веке. «Восьмеричная дорога» раздвоилась. Образовалось два течения: хинаяна («малая колесница», узкий путь) и махаяна («большая колесница», широкий путь). Это было закреплено на четвертом соборе во время царя Канишки. Хинаяна требовала сохранения ортодоксального буддизма, махаяна, основателем которой был богослов Нагарджуна, спешила превратить человека Гаутаму в мирового бога.

Родом из брахманов, Нагарджуна пошел навстречу требованиям брахманистов. Новая религия должна была впитать старую,

взяв почти весь ее реквизит. Но не это главное. Не в этом то общее, что объединяет все мировые религии.

Махаяна пересматривала основу буддизма — учение, что человек достигнет нирваны лишь собственными усилиями. И в самом деле! Нужно лучше знать человека, чем идеалисты первых буддийских лет. Разве под силу грешному и слабому существу взвалить на себя такое бремя? Нет, «восьмеричный путь» — это узкий путь избранных, народу же нужен широкий и легкий путь. Для его же счастья, для обеспечения его же усилий. Да и метафизическая, основанная на этике религия без богов не очень-то близка народу. Люди хотели чего-то более привычного и простого. Бога они хотели. Да и разве не бог великий учитель Будда? В местах, где жил, проповедовал и умер учитель, выросли ступы. Потом выросли храмы, в которых поставили его изображение. И Будда предстал в виде золоченого гиганта с драгоценным камнем на месте третьего глаза. Образ его стал конкретным, а понятие «Будда» — расплывчатым.

Гаутама-Будда, Будда-Сакья-Муни стал лишь одним из множества различных будд, в число которых попали и древние брахманские боги, и боги тех народов, которые приняли у себя буддизм. Святые архаты тоже попали в этот пантеон, как это повелось в других религиях, в других странах.

Количество будд росло. Поток грозил выйти из-под контроля. Инфляция была приостановлена. Осталось 995 будд-мироправителей (непокрытую голову золоченых статуй стала венчать царская корона), 35 будд-грехоочистителей и еще много других будд.

Инфляция была приостановлена, и инфляция была налицо. Оставалось внести в пантеон будд неравенство и специализацию. Так возникли излюбленные божества: основатель учения Будда-Сакья-Муни, грядущий Будда-Майтрея, которому суждено сменить Сакья-Муни на престоле правителя мира, Будда-Очирвани (Ваджрапани) — последний из распространенного на севере пантеона 1000 будд, мудрый Будда-Манджушри, мироздатель Будда-Адибудда, мистический властитель рая Будда-Амитаба.

Кроме будд, в пантеон махаяны вошли еще и бодисатвы. Это своего рода канонизированные архаты — существа, преодолевшие в себе жажду существования и достигшие нирваны, но пожелавшие остаться в миру, чтобы помогать людям.

А людям, которым столь трудно достичь совершенства самим, этим людям так нужны бодисатвы. Эти бодисатвы могли бы остаться в нирване, стать Буддой, но предпочли любовь к ближнему. Но разве такая активная любовь не противоречит учению Гаутамы?

Наиболее чтимым бодисатвой стал Авалокитешвара, трехли-

кий, шестиликий, десятиликий, одиннадцатиликий, львиноголосый бог. Но этим не ограничились реформы Нагарджуны. Он видоизменил еще одну главную основу буддизма — нирвану. В самом деле, что такое нирвана? Непонятное состояние, некоторые считают, что даже смерть. Она хороша для философов — изодранных аристократов духа. А разве народ поймет нирвану, захочет в нее? Народу нужен рай. И если сам Будда ничего не говорил о рае, то это не значит, что рая нет.

Он находится в блаженной стране Сукавати. Там, в цветущих садах, среди удовольствий и неги, пребывают праведники. Заведует этой обетованной землей кроткий мистический Будда-Амитаба, просто Амитаба.

Что общего у такого рая с нирваной? Ничего. Но здесь нет посягательства на учение Гаутамы. Просто душам райских праведников еще один раз предстоит воплотиться на земле, и уж тогда они достигнут нирваны, если только не пожелают сделаться бодисатвами.

Рай, таким образом, представляет собой промежуточную форму между земной жизнью и нирваной. Промежуточную, но очень заманчивую.

Но там, где есть рай, должен быть и ад. Изначальная полярность, присущая человеку двойственность, которая исчезает только в нирване. Для запугивания верующих был создан и ад с полным набором ужасающих выток для тех, кто нарушает законы Будды. Это было тем более своевременно, что законы Будды основательно преобразились. Включив в себя рай и ад, махаяна стала доступна самым отсталым народам.

Да и монахи тоже перестали быть нищими анахоретами. Они сделали посредниками между верующими и бодисатвами. Ведь бодисатвы созданы, чтобы помогать людям. Они доступны для их молитв, они снисходительны к просьбам. И кто еще умеет так хорошо донести просьбу человека до бодисатв, как монах, ставший теперь магом и заклинателем? Он умилюстит добрых богов и обезвредит злых. Тем более что злые боги предстают перед верующим в столь устрашающем облике. Кто помнит теперь, что эти устрашители — преображенные шиваистские и вишнуистские боги, включенные в обширный пантеон махаяны?

В культ таких богов включаются теперь все средства: скульптура, живопись, архитектура, ритуальные танцы, музыка, мистерии. Такую религию может уже понять и принять вся феодальная Азия.

Основатель махаяны Шринатха Нагарджуна родился где-то в Южной Индии. Он еще мальчиком надел желтую тогу и ушел в мо-

настырь Наланда. Ему открылся не только тайный смысл священных книг. Он обладал способностью сразу же проникать в суть вещей и обрел власть над могучими силами скрытой природы. По его воле духи змей вынесли на берег моря книгу «высшего потустороннего познания». С помощью молитв и только ему одному известных заклинаний Нагарджуна мог творить чудеса. Однажды, сотворив благочестивую молитву, он раскрыл большую железную ступу, внутри которой увидел будд и бодисатв, сидящих вокруг другой, меньшей ступы. Он раскрыл и эту ступу и увидел то же самое. И так до бесконечности. И понял Нагарджуна, что перед ним раскрылась картина строения мира. Что снаружи, то и внутри. Эти понятия относительны. Они лишь покровы, затеняющие от пытливого взора суть вещей.

С тех пор буддийские легенды стали наделять своих святых сверхъестественной властью. Высшие монахи вплотную приблизились к богам. Это делается потом основной традицией северного буддизма — ламаизма. Наландский монастырь превращается в крупнейший центр буддийской схоластики. Здесь совершенствовалась махаяна. Отсюда она распространялась во все сопредельные страны. В этой «преосвященной общине монахов великого монастыря в Наланде» трудились прославленные преемники Нагарджуны — Шилабхардра, Дхармапала, Асанга, Васубандху.

В годы расцвета этой великой общины (VI—VII вв.) здесь под недреманным оком полутора тысяч ученых монахов трудились над буддийскими текстами тысячи учеников-послушников. Библиотеки монастыря были полны уникальнейшими рукописями, храмы его поражали своей архитектурой.

«Здесь мы видим искусство Индии, салютующее учености Индии», — скажет потом великий поэт.

Но сопредельный мир воспринимал лишь внешнюю сторону философских учений Индии. Не изначальный буддизм, а варварскую пышность махаяны приняли в свои кумирни ламы Тибета и Непала. Но «большая колесница» достигла страны снегов в столь преображенном виде, что Нагарджуна вряд ли бы узнал в ней свое учение. И управлял этой золоченой колесницей буддийский тантризм. Это тайное учение, о котором мало кто знает. Оно исполнено мистическим стремлением к вечному блаженству, к слиянию с божеством, достигнуть чего можно лишь изощренными духовными упражнениями.

Но изначально термин «тантра» означал размножение. Тантризм проникнут эротикой. Его темные и сложные обряды воскрешают древнюю магию. Когда-то считалось, что плодородие земли находится в прямой зависимости от плодovitости женщин. Ма-

хаяна приняла в себя чужих богов и древние языческие обряды плодородия. Так в плоть ее проник тантризм, которому предстояло окончательно затемнить первоначальное учение Будды.

Тантрические статуи изображают богов в неистовом любовном слиянии. Многоликие и многорукие, сплетаются они, подобно паукам ранней весной. Вся двойственность природы предстает здесь в простых символах. И искаленные ужасной улыбкой бронзовые лики тантрических богов глядят в спокойное и вечное лицо Гаутамы, завещавшего аскетизм. Здесь та самая двойственность, которую Будда призывал утопить в нирване. Но для невежественного, задавленного жестокой жизнью человека смысл ее непостижим. Ему неизвестно, что поставленная им у тантрических идолов курительная свечка знаменует отход от Будды, который все так же светло и отрешенно улыбается из дымного далека кумирни.

В X веке в Кхаджурахе был возведен великолепный храм Кандарья-Махадева. Все горельефы его проникнуты эротикой. Это каменная песня любви. Еще древние упанишады видели в единении полов проявление великого божественного начала. Это начало воплотилось в желтом камне храма Кандарья-Махадева, во всем мыслимом многообразии человеческих ласк.

Но тантрические боги несут элемент дьяволизма. Бычьи рога-тые морды, ужасные оскаленные пасти, хищные колючие руки бросят потом любовь на грань, за которой лежит смерть и темное преступление.

Уже в VI—VII веках буддийский тантризм был окончательно узаконен в специальных текстах, которые несколько неожиданно указывали будущим аскетам совсем иной, куда более приятный путь к спасению.

Тантризм возвел на небеса Будды новое мистическое тело — ананду, или сукхамаю, или махасукхамаю, что можно перевести с санскрита как «плоть божества». Эта плоть и есть подлинная природа Будды. Страдающий Гаутама исчез. Осталась мистическая плоть, сливающаяся в вечных объятиях со своей шакти (женское божество) по имени Тара или Бхагавати.

Но если сам бхагаван, великий непреходящий татхагата, пребывает в одной из форм своих в вечном слиянии с Тарой, то что должен делать простой отшельник? Почему бы и ему не возвести на свое ложе такую шакти? Богиню Мудру! Тем более что священные тексты утверждают, будто сам Гаутама сделался Буддой лишь «благодаря употреблению тантрийского ритуала».

Так буддизм освятил и узаконил древнейший тантрийский ритуал, который никогда не умирал на древней земле Индии.

И многочисленные шакти — жены бодисатв — заполнили храмы. Пантеон богов удвоился. Каждый обрел свою тантрийскую пару.

В культе тантризма основное значение придается не молитвам, а словесным заклинаниям — мантрам, и мистическим фигурам — кругам, треугольнику, стилизованному лотосу. И все в итоге призывает аскета к соединению с шакти. Формула панчамакара (пять слов, начинающихся на слог «ма») велит ему сделать то, что прямо противоположно аскетизму.

Столь откровенное противоречие трудно объяснить. Ученые ламы поэтому объявили тантризм тайным, доступным лишь для избранных. Это святая святых лам. И можно лишь смутно догадываться о том, что происходит на тайных тантристских мистериях.

Главной страной, излюбленным цветком махаяны сделался Тибет. Буддизм был занесен туда в VII веке по чисто политическим соображениям. Объединитель Тибета князь Сронцзан-гампо решил сцентрировать страну единым морально-религиозным учением. Позднейшая легенда объявила Сронцзана воплощением бодисатвы Авалокитешвары.

Впрочем, сначала заимствованный из Непала, буддизм был представлен в Тибете в классической форме хинаяны. Но простой народ продолжал придерживаться древних шаманских обычаев (религия бонбо). Изысканные философские откровения ортодоксальной хинаяны получили популярность только в придворных кругах.

В IX веке легендарный Падма-Самбава стал проповедовать махаяну. Его проповеди сопровождались гаданием, заклинаниями духов, эффектными магическими обрядами. Они имели большой успех. Тем более что махаяна включила в себя и всеру в местных богов. Она обращалась к сердцу каждого, обещая послушным прекрасный рай Сукавати и наполненный страшными демонами ад грешникам.

В начале X века царь Ландарма вместе со сплотившимися вокруг него приверженцами родо-племенных обычаев попытался подорвать буддизм, но потерпел поражение. Ландарма был убит, и имя его стало символом еретика. Окончательная победа буддизма в Тибете ознаменовалась широким распространением тантризма. Его распространили тот же Падма-Самбава и монах Джоу-Адишу, приехавший в середине XI века из Индии.

Тибетская система тантр над всеми богами вознесла не имеющего ни конца, ни начала Адибудду. Остальных будд она разделила на три категории: человеческие, созерцательные и бесфор-

менные. Учение Гаутамы окончательно растворилось в чудовищной смеси фантастических культов. Созерцание и магические заклинания — дарани — сделались едва ли не единственным средством достижения нирваны. Вместо длинной цепи перерождений человек мог обрести ее посредством короткого заклинания. Собственная воля человека уступила место ритуалам знатоков тантр. Изошренная философская система выродилась в примитивную магию. Победа буддизма в Тибете оказалась смертью истинного буддизма.

Зато страна покрылась сетью монастырей, в которых десятки тысяч лам могли спокойно предаваться созерцанию, изучению священных свитков и тайным оргиям по тантрическим рецептам. Механическое повторение дарани приобрело настолько формальный смысл, что ленты с заклинаниями привязывались к ветвям деревьев, чтобы их повторял ветер, вкладывались в особые цилиндры — молитвенные мельницы, чтобы их повторяла вода, заставляющая эти цилиндры вертеться. Чем быстрее вращались ручные или приводимые водой и ветром цилиндры, тем быстрее перемешивались свернутые свитки с заклинаниями и тем сильнее должно было быть их воздействие на невидимый мир.

Монгольские завоеватели (особенно Хубилай) поддерживали влияние буддизма на души людей. Настоятеля самого влиятельного монастыря (Саскья) пагба-ламу сделали даже наместником императора. Точно так же поступали императоры Минской династии Китая. Может быть, с той лишь разницей, что, проводя политику раздробления страны, они не давали одним монастырям усиливаться за счет других. Поэтому буддийские секты в Тибете множились.

Против этого восстал легендарный реформатор Цзонхава — основатель секты гелукпа. Жил он в XIV—XV веках и, согласно легенде, происходил из монастыря Гумбум в Амдо. Цзонхава решил возродить древнебуддийскую вознесенность, строгость и чистоту нравов, которая должна была объединить различные слабо связанные друг с другом секты. Он ввел железную дисциплину и заставил монахов вновь надеть желтую одежду нищеты. Секту гелукпа за ее желтые тоги и головные уборы прозвали потом «желтошапочной» в отличие от ранее преобладавшей в Тибете «красношапочной» секты (сакья).

Цзонхава добился поставленной цели. Но гальванизировать отлетевший дух «высокого» буддизма он не смог. Пышные ритуальные церемонии, торжественные обряды, трубы, колокола, хоругви и ленты — все это мало вязалось с отрешенностью от земной

суеты. Правда, в отличие от других сект, где монахи могли вступать в открытый брак, последователи Цзонхавы давали обет воздержания.

Тибетские секты с их различным толкованием законоучения и ритуала во многом подобны отдельным течениям и сектам в других церквях. Но есть одно очень важное отличие чисто тибетского свойства. Не только простой народ, но и само духовенство в Тибете питает одинаковое почтение к жрецам других сект.

Основное содержание реформы Цзонхавы касалось, однако, не форм религии, а, что гораздо важнее, создания иерархии. Он установил единую власть над всеми общинами и монастырями, которая была разделена между паньчэнь-римбочэ и далай-ламой. Оба они были объявлены воплощениями самых чтимых божеств: паньчэнь-лама — Будды-Амитабы, далай-лама — Авалокитешвары (Арьяболо, Хоншим-бодисатвы).

Вообще, вера в «перерожденцев»-хублиганов широко распространилась среди «желтошапочных». В каждом монастыре были свои «перерожденцы» — живые боги, будды и бодисатвы.

Божественную сущность можно обрести довольно просто. «Восьмеричный путь» подменяется бросанием костей. Утонченная культура духа отступает перед слепым случаем. Впрочем, первоначально установившийся обычай выбирать воплощенных лам метанием костей продержался недолго. Иерархия не может положиться на власть случая. И все подобные выборы свершаются теперь при том или ином участии коллегии высших жрецов.

Кандидаты в живые боги стали подвергаться различным испытаниям, которые вкупе с указаниями, преподанными в разное время усопшим воплощением, помогают выбрать достойного приемника.

С середины XVII столетия новое воплощение усопшего святого стали находить при помощи золотой урны, названной сэрум.

Когда истекали три года со дня смерти воплощенного ламы, приступали к составлению списка детей, в которых предположительно могла переселиться душа святого. Если дело шло о выборе самого далай-ламы или паньчэнь-ламы, то список предварительно направляли регенту. Когда все дела со списком улаживались, бумажки с именами кандидатов закатывали в шарики из цзамбы. Точно так же поступали и с бумажными полосками, на которых значилось «да» или «нет». Далее эти шарики опускались в золотую чашу, которая ставилась на престол главной святыни Лхасы. Семь дней шли потом непрерывные моления божествам. На восьмой день чашу несколько раз встряхивали и приступали к жеребьевке. Чье имя трижды выпадало вместе с шариком, в ко-

тором лежала бумажка «да», того признавали истинным воплощением.

К младенцу направляли специальную комиссию, которая устраивала ему небольшой экзамен. Чаще всего будущий святой должен был найти среди десятков однородных предметов (чаши, четки, кольца и т. д.) те, которые принадлежали усопшему ламе.

В 1875 году, после смерти далай-ламы Тиньяле-чжяцо, регент и коллегия высших лам обратились за советом к знаменитому оракулу Начун-чойчжиону с просьбой указать признаки нового воплощения. «Там, где живет душа далай-ламы, деревья начинают цвести раньше, — сказал оракул, — животные скидывают детенышей, а больные смертельными недугами выздоравливают, если их коснулся святой ребенок. Но имя воплощенного может открыть лишь монах самых строгих правил». Оракула попросили указать такого монаха. После магических действий оракул сказал: «Каньпо (настоятель) монастыря Гадань известен своей святостью и глубокими познаниями. Пусть он отправится в Чойкор-чжя, где я вижу святую воду».

И, как рассказывает легенда, каньпо отправился в указанную местность и, найдя там подходящую пещеру, затворился в ней на семь дней, которые провел в глубоком созерцании. На исходе ночи седьмого дня имел он видение и голос неземной услышал, который повелел ему отправиться к озеру Мулидинки-Цо. Пробудившись от чудесного сна, каньпо пошел на озеро. Ветер пробегал по камышам и стих. Озеро разгладилось, солнце вышло из облаков. И тогда в кристально чистой воде увидел монах лик воплощения великого ламы. Младенец сидел на коленях матери и, смеясь, тянулся ручонками к отцу. До мельчайших подробностей запомнил эту картину лама. Он мог потом с закрытыми глазами описать всю обстановку дома, который привиделся ему на воде. Когда чудное видение исчезло, каньпо решил возвратиться в монастырь.

По дороге он остановился в Таг-по в доме уважаемого и богатого человека и узнал вдруг тех самых людей, которые явились ему в чистых водах озера. Он немедленно дал знать в Лхасу. Регент, министры и высшие духовные лица тотчас же прибыли в Таг-по и взяли божественного ребенка, которому было тогда всего двенадцать месяцев. Родителей ребенка тоже забрали в Лхасу, где для них были отведены уже апартаменты во дворце Ричжял.

Такова официальная история ламы, которого зовут Наг-ван-ло-зан-губдан-чжяцо, что значит «Владыка речи, могучий океан мудрости».

Золотую урну не применили в этот раз для отыскания «перерожденца» якобы потому, что дух недавно умершего паньчэнь-ламы при жизни был всегда враждебно настроен к далай-ламам и мог помешать правильным выборам.

Как бы там ни было, но существующая система отыскания воплощения дает возможность регенту и высшим иерархам возводить на престол выбранных ими же людей.

Примерно так же отыскиваются «перерожденцы» и менее влиятельных особ, чем верховные ламы. Когда умирает настоятель монастыря, считавшийся при жизни святым, то составляются списки всех родившихся потом в той местности мальчиков. Эти списки отвозят в Лхасу, где и уточняется возможный «перерожденец».

Так осуществляется власть иерархии.

Еще маленьким мальчиком новый воплощенец становится рядовым послушником монастыря. В течение года он должен выучить наизусть без единой ошибки 125 листов священных текстов для сдачи первого экзамена, открывающего дорогу к вершинам священной мудрости. Остальное сделают время и послушание.

***Ты подчини себе стрелу,
Направь ее в полет жестокий,
Иль от источника к селу
Дай путь живительным потокам,
Цель каждого — в его судьбе,
Борись мечом или идеей,
Но нету жребия трудней,
Как подчинить себя себе.***

Дхаммапада, VI, 80

ПУТЬ С СЕВЕРА

ришедшего с севера
звали Гонбочжаб
Цэбекович Цыбиков.
Родился он в Урда-

Аге Забайкальской области Читинского уезда в апреле 1872 года. Его отец, бурят кубдутского рода бывшей Агинской степной думы (потом Агинской инородческой области) Цэбек Монтуев, в юные годы хотел посвятить себя духовному поприщу, но встретил препятствие со стороны родителей — ярых шаманистов. Невзирая на это, он самоучкой овладел монгольской и тибетской пись-

менностью, что позволило ему впоследствии занимать важные общественные должности.

Потом он рассказывал сыну, как тяжело переживал отказ родителей послать его учиться в один из ламаитских монастырей. Ему казалось, что ответы на все загадки мира хранятся в священных списках, которые ламы якобы ведут с незапамятных времен. Он хотел знать, как возникают опустошительные болезни и как рождается, подобная раскаленному шару, потрескивающая молния, которую он видел однажды после грозы. Он пытался постигнуть, что движет звездами и откуда пришел человек. Но более всего волновал его неразрешенный вопрос о смысле жизни.

Один бродячий лама как-то поведал ему слова Будды, что вся жизнь — это страдание. «Рождение есть страдание, старость есть страдание, болезнь есть страдание, соединение с немилым есть страдание, недостижение желаемого есть страдание...»

Цэбек и так видел, что несчастья и горести окружают человека с первых же его шагов на земле. Но вот во имя чего мир создан именно так, этого он понять не мог.

Где же конец этих мучений, в чем их смысл и можно ли устроить жизнь иначе, чтобы человек был счастлив на земле? Он часто задумывался над этими вопросами. Но ответов не находил.

Мечтам его об учении не суждено было осуществиться. Но он дал себе слово, что если у него будут сыновья, то он обязательно отдаст их в учение — одного в светское, другого в духовное.

Оспа унесла старших братьев Гонбочжаба, когда те находились еще в младенческом возрасте. Казалось, что мечте отца не суждено было сбыться...

Когда сыну минуло пять лет, Цэбек сам стал обучать его монгольской грамоте. Он с таким благоговением гла-

дил рукой печатные страницы, с таким трогательным вдохновением пытался зажечь в сыне любопытство к загадкам природы, что тот невольно проникался его чувствами. Через два года он отвез Гонбочжаба в приходское училище при думе, где преподавали русский и монгольский языки. Но за весь первый год учителя не показали мальчику ни одной буквы... Основные предметы были история государства Российского и Священная история.

О эти буквы! Маленький Гонбочжаб смотрел на них, как на таинственные знаки, по которым можно отыскать дорогу в новый и прекрасный мир. Он не знал, каков этот неведомый мир. Но перед ним смутно рисовалось бескрайнее поле, покрытое громадными разноцветными маками, синие-синие реки, залитые солнцем красные скалы и ослепительная радуга над землей. Видел он улын и густой янтарный мед, медленными тяжелыми слезами сползающий из вынутого сота на серебряную, как от жира, густо-зеленую траву. И города видел, расплывчатые и дрожащие, как сквозь залитые дождем ресницы, яркие, многоцветные города, в которых никогда не был, о которых даже не слышал.

Второй год учения прошел с большей пользой. Гонбочжаб овладел основами русской грамматики и мог, правда по складам, разбирать букварь. Потом как-то само собой получилось, что он перестал следить за трудным процессом составления слов и медленного проявления их смысла. Это осуществлялось уже помимо сознания. Тогда он жадно набросился на книги. Прочел все, что только мог достать в своей глуши.

Однажды ему попалась книга, в которой слова были напечатаны столбиками и отдельные строки перекликались одинаковыми созвучиями. Это было похоже на увлекательную игру. Так в его жизнь вошли стихи, вошла русская литература.

В душе задрожала какая-то грустная, беспокойная струна. словно он все время силился вспомнить что-то очень знакомое, но никак не мог. Потом, познакомившись с пьесами Чехова, понял, что это было. В «Трех сестрах» он услышал вдруг слова отца, мучительно вопрошавшего о конечном смысле нелепых и ненужных страданий.

Когда скончалась матушка, отец еще более укрепился в намерении как можно дольше держать Гонбочжаба в училище, чтобы избавить от обид мачехи. Он не знал, зачем судьба посылает людям муки, но, как мог, старался эти муки облегчить. Всем, кроме себя самого. Но так созданы люди. Они могут болеть либо за других, либо только за себя. Середины тут быть не может. Те, что уверены, что нашли ее, ошибаются, либо сознательно идут на обман.

Осенью 1884 года в Чите была открыта гимназия, на которую буряты сделали значительные пожертвования. В благодарность за это местная администрация задумала привлечь в гимназию мальчиков-инородцев. Агинцы могли послать в нее четырех человек. Но буряты, не привыкшие к училищу с почти десятилетним курсом, не спешили посылать детей. Тогда начальство заявило о своем согласии принять всех желающих. Цэбек воспользовался этим и, чтобы избежать конкурса, повез сына еще в начале августа. Цэбек плохо говорил по-русски и часто прибегал к мимике. Он долго искал нужного человека, но важные господа в синих вицмундирах отсылали его от одного к другому. Цэбек все более жалко горбился и силился языком жестов возместить немоту слов. Лицо его дергалось и кривилось, будто он собирался заплакать. Мальчику до слез было жаль его. Он видел, как сильно сдал за эти годы отец, как пытливые острые щели его глаз словно подернулись голубоватой дымкой. Как болото перед вечером. Как далекий огонек в пустыне за легким туманом.

Наконец их все же направили к нужному лицу. То был сам управляющий гимназией инспектор Карл Феодорович Бирман. «В этом мальчике, — сказал он, — я вижу первого буряты, пожелавшего учиться в русской гимназии, и охотно возьмусь содействовать выполнению всех формальностей».

Потом он обратился к мальчику и, кажется, был приятно удивлен его знаниями русской словесности. Он спросил Гонбочжаба, знает ли тот Пушкина, и попросил что-нибудь прочитать на память. Гонбочжаб выбрал «Памятник» и довольно бойко дошел до слов: «и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык». Бирман прослезился, долго и шумно сморкался в огромный платок, который достал из-под длинных фалд, а потом сказал, обращаясь к отцу: «Это очень способный мальчик, и вы не пожалеете, что отдали его в гимназию. Здесь сделают из него достойного гражданина отечества».

Надо сказать, что Гонбочжабу удивительно повезло. Через неделю привезли и других детей их района, но, так как инспектор Бирман настоял на том, чтобы маленького Цыбикова приняли первым, в гимназию зачислили еще только троих, а четвертому было отказано.

Учение продолжалось девять лет, и Гонбочжаб стал первым бурятом, окончившим Читинскую гимназию. Кончил он с серебряной медалью, третьим по классу, потому что в шестом классе его усердие значительно ослабло и он уже не был первым в науках. Тем не менее педагогический совет постановил оказать ему содействие в продолжении образования и выдал прогоны и пособие, чтобы доехать до Томска, где Гонбочжаб и поступил на медицинский факультет. Но, уступая желанию отца, он оставил этот факультет и, пропустив еще год, проведенный в Урге, поступил в 1875 году в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков.

Цзбек оставался верным своей мечте. Как и в юности,

он все еще полагал, что ключ к загадкам природы хранится в древних учениях Востока. Сын не разделял этих его убеждений. Напротив, лишь в стремительном росте европейской цивилизации видел он грядущее избавление человечества от голода, угнетения и болезней. Свет шел с Запада, а не с Востока. Всеобщее просвещение обещало дать со временем благодатные всходы.

С душевным трепетом ехал он в далекий Петербург, в столицу западной культуры, в прекрасную Северную Пальмиру.

Этот город поразил, восхитил и одновременно разочаровал его. Был он величав и распахнут, раскрыт, как-то удивительно просторен. Но ничего не было в нем от тех туманных, полузабытых грез, которые пронес Гонбочжаб в каких-то неведомых тайниках души через всю жизнь.

Он считался православным, но в бога не веровал, хотя и любил пышность церковной службы, торжественность крестных ходов и проникновенность хора. Из любопытства заходил и в буддийский храм, построенный за рекой, на острове. Потом Цыбиков понял, как он заблуждался, считая учение Сакья-Муни языческим суеверием. В основе своей оно оказалось мало похожим на верования бурятских сородичей.

Но это было уже на третьем году учения в столице Российской империи, когда Гонбочжаб Цыбиков под влиянием профессоров решил посвятить себя изучению тибетской культуры.

А пока он жадно впитывал всеми органами чувств несказанное очарование туманного города, где небо так часто нависает над самой землей беспросветной серой завесой.

Он принимал живейшее участие в студенческих сходках, хотя больше сидел в углу и слушал, чем говорил сам. Многие из его товарищей удивительно владели даром слова. Их речи вновь и вновь будили в молодом

буряте те беспокойные дремотные струны, которые вызвали в мозгу картины бескрайних степей и желтого, с длинными синими полосами неба. Он вновь видел темных, влачащих жалкое существование соплеменников, отца, пытавшегося гримасами возместить недостаток слов, и вечное отцовское беспокойство о конечной цели. И он давал себе слово возвратиться, закончив курс, в родные места, чтобы учить там раскосых ребятишек сложной науке жизни, рассказывать им о больших городах, железных дорогах, моторных экипажах, и о газовых фонарях, которые тысячами глаз светят в ночи, и о чудесных ротационных машинах, несущих в мир просвещение.

Товарищи Цыбикова много говорили о конституции, которая должна была выдвинуть Россию на стезю свободы и процветания. Большая часть придерживалась революционных взглядов. Решительно настроенные студенты резко высказывались за уничтожение монархии и проповедовали грядущий социализм. Они говорили, что рабочий люд и мужицкая деревня давно созрели для решительного боя и что царизм падет при первом же натиске восставшего народа.

Но Цыбиков придерживался взглядов тех, которые считали, что Россия в целом еще не созрела для революции. Он-то хорошо знал, какая пропасть лежит между Петербургом и окраинами империи. Поэтому и казалось ему, что эра всеобщего равенства хотя, несомненно, наступит, но придет не скоро. Пока же нужно нести в народ просвещение и этим готовить ниву для грядущих всходов.

Как любил он эти жаркие бессонные ночи вокруг остывшего самовара. До сих пор при воспоминании о них ему чудится запах вареной колбасы и ситного хлеба. Под утро студенты выходили гурьбой на улицу и долго шли не расходясь, то зачарованные ночным солнцестоя-

нием, то притихшие, в потрескивающем ледком непроглядном и синем утре.

Цыбиков сгребал рукавицей снег с чугунных завитков оград и долго следил, как тает льдистый ночной огонь на невидимых громадах разведенных мостов.

Это было удивительное время...

Этнография казалась ему самой удивительной из наук. Он часами мог разглядывать устрашающих идолов с Вест-Индских островов, дротики и плетеные циновки с нехитрым орнаментом.

Но уже тогда он мечтал о Тибете.

На родине Цыбикову приходилось видеть привезенные оттуда паломниками предметы: серебряные чайники с двумя носиками, раздвижные, наподобие подзорных, львиноголосые трубы, колокольчики, бронзовых будд и бодисатв, субурганы, мандалы, всевозможные балины для подношения божествам, хадаки из синего и красного шелка, украшенные магическими свастиками чаши. Одежда, обычаи и предметы обихода этого народа были ему во многом близки и понятны. Но как мало знал он тогда о Тибете! Он часто беседовал со своими профессорами на самые различные темы, но, как только разговор заходил о Тибете, а этим рано или поздно дело кончалось, разговор очень скоро наталкивался на непроницаемую стену тайны. Тибет был закрытой страной, и приходилось по крупицам собирать разрозненные в литературе сведения. И готовиться.. К последнему курсу Цыбиков хорошо владел уже не только тибетским языком, но и английским и китайским, без которых невозможно было получить необходимые сведения об интересующей стране.

По предложению Александра Васильевича Григорьева — секретаря совета Русского географического общества — Цыбиков сделал доклад о современном состоянии знаний о Тибете. Заседание было очень бур-

ным. Выступавшие с огорчением называли знаменитые имена русских путешественников, которые поставили целью добраться до загадочной Лхасы, но были вынуждены свернуть с полпути. Тайны Тибета волновали всех, и неоднократно в зале раздавались возгласы, призывавшие снарядить новую экспедицию.

После заседания Александр Васильевич тепло поздравил Цыбикова с успехом и шутливо спросил:

— А что, Гонбочжаб Цэбекович, махнули бы вы в Лхасу да и рассказали нам на следующем заседании, что да как.

— Готов отправиться в дорогу хоть завтра, — ответил Цыбиков.

К ним в этот момент подошел профессор Александр Максимович Позднеев об руку с Сергеем Федоровичем Ольденбургом — тонким знатоком буддизма.

Григорьев представил молодого востоковеда Сергею Федоровичу со словами:

— Вот, батенька, самый подходящий нам кандидат. Готов ехать хоть завтра. А если поторопить, то, верно, и сегодня отправится в Ургу.

— Скоро сказка сказывается, — улыбнулся Ольденбург, пожимая Цыбикову руку. — Достичь Лхасы дело трудное. К нему нужно тщательно подготовиться.

— А молодой человек и готовится, — вступил в разговор Александр Максимович. — Со временем он станет крупнейшим нашим тибетистом.

— Не сомневаюсь, — поклонился на прощание Ольденбург. — Я слышал его сегодняшней доклад. Мы еще не раз, наверное, увидимся, — сказал он уходя.

Итак, Тибет...

Северный Тибет, или Чан-Тан, почти пустынная страна. Можно пройти многие сотни верст и не встретить

людского жилья. Линия пограничных сторожевых постов здесь резко отодвинута к югу. Отдельные отряды тибетской стражи не любят забираться далеко на север. Вот почему многие экспедиции с севера смогли так близко подойти к Лхасе. Им не удалось, правда, проникнуть в таинственный город, но был он близок и казался досягаемым. Пять-шесть конных маршей, последний отчаянный бросок к тайне, но этот бросок так и не удавался. И все же путь с севера, путь через пустыню — самый многообещающий путь.

После Н. М. Пржевальского, впервые обновившего этот забытый путь, и года не проходило, чтобы кто-нибудь не снарядил экспедиции в Лхасу. С севера, с северо-запада, с северо-востока устремлялись в Тибет исследовательские караваны. Они проникали далеко в глубь страны, в то время как южная граница была недоступной.

Первые попытки достичь высокогорной страны были предприняты еще алтайскими староверами, мечтавшими проложить путь в Беловодье. Одна из таких партий, состоявшая из 130 человек, отправилась из Томской губернии по совершенно диким местам бассейна реки Тарим. Ей удалось дойти до самых предгорий Тибета, до тех самых мест, которые обследовал потом Н. М. Пржевальский.

В работе Г. Е. Грум-Гржимайло «В поисках Беловодья», напечатанной в «Санкт-Петербургских ведомостях», отмечалась поразительная точность собранных этой экспедицией географических сведений.

И все же только величайший из исследователей Центральной Азии, Пржевальский, смог предпринять первое, по-настоящему научное изучение этой страны. Он страстно стремился достичь Лхасы. Она снилась ему ночами. Она была его Эльдorado, его Офиром, его обетованной землей. Он отдал жизнь штурму тибетской твердыни,

как отдают жизнь штурму полярных земель, экваториальных лесов Африки. Но не природа преградила ему путь. Он прошел там, где до него осмеливались бродить только дикие яки. Но вынужден был повернуть назад, когда достиг караванных дорог и загнутые по краям крыши Лхасы горели перед ним в закатном огне.

Первую экспедицию Пржевальский предпринял вместе с М. А. Пыльцевым в 1872—1873 годах с северо-запада к озеру Кукунор и далее к реке Янцзы через Цайдам. Он вынужден был вернуться тогда. Результатом этого путешествия явилась книга «Монголия и страна тангутов».

В конце 1876 года он вместе с Ф. Л. Эклоном устремился в Тибет вдоль Тарима. Ему опять не удалось достичь Лхасы, но он смог подробно исследовать горную цепь Алтын-Таг.

В третий раз он пошел вместе с Эклоном и В. И. Роборовским от Зайсанского поста через Гоби и Цайдам. В октябре 1879 года экспедиция после долгих скитаний по безводной пустыне и солончакам вышла к стальным водам Янцзы. Но у поселения Нанчу путешественники нарвались на тибетский сторожевой отряд. И вновь вынужден был Пржевальский уходить от зовущей его розовой Лхасы, спрятанной среди синих заснеженных гор. Но прежде чем возвратиться в Россию, экспедиция задержалась в неизученном бассейне Кукунора и Желтой реки — Хуанхэ.

В октябре 1883 года Пржевальский в четвертый раз отправился на штурм Тибета. Вместе с В. И. Роборовским и П. К. Козловым выступил он из Кяхты и уже к маю следующего года достиг истоков Желтой реки, завершив незаконченное исследование. Но и на этот раз после нападения местных тибетских племен отряд Пржевальского вынужден был повернуть назад. На пути к Лоб-Нору Пржевальский сделал новую попытку через

город Полу пробраться на Тибетское плоскогорье. И вновь неудачно...

А между тем в Петербурге одна за другой выходили в свет его классические работы, которые тут же переводились на все европейские языки: «От Кульджи за Тяньшань и на Лоб-Нор» (1877), «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки» (1883), «От Кяхты на истоки Желтой реки», «Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима» (1888).

Это целая эпоха в изучении Центральной Азии. Сверхчеловеческое напряжение. Долголетний подвиг, ставший привычным и будничным делом.

Но розовая Лхаса, отраженная в недвижных водах ледниковых озер, оставалась мечтой.

Пржевальский разработал подробный план своего пятого путешествия. На этот раз все обещало удачу. Оригинальный и неожиданный маршрут, скрупулезный учет каждой мелочи, снаряжение, люди, наконец, бесценный опыт предыдущих экспедиций — все, решительно все было на стороне великого путешественника.

Но в октябре 1888 года в Караколе в самый разгар подготовительных работ Пржевальский скоропостижно скончался.

Если бы не эта смерть... Цыбиков подробно изучил план пятого, несостоявшегося, путешествия. Все мыслимые случайности были учтены. Пржевальский, несомненно, достиг бы Лхасы, если бы не эта смерть...

Но разработки Пржевальского всеми были восприняты как его завещание. Императорское Русское географическое общество, под эгидой которого совершал свои путешествия Пржевальский, снарядило под начальством М. В. Певцова новую Тибетскую экспедицию, в которой приняли участие прежние спутники Пржевальского: Роборовский, Козлов, геолог Богданович.

Весной 1890 года после успешных работ в Куэнь-Луньской горной стране экспедиции удалось проникнуть и на Тибетское плоскогорье. Путь на Лхасу был открыт. Но китайская администрация отказалась пропустить чужеземцев.

В 1893 году В. И. Роборовский возглавил новую экспедицию, в которую вошли Козлов и переводчик Ладыгин. Она проникла в Цайдам и углубилась на юг по направлению к провинции Сычуань. Но на подступах к Желтой реке тяжело заболел Роборовский. Опять пришлось возвращаться...

Боги, казалось, ревниво оберегали Лхасу.

Более обширные районы охватила экспедиция Козлова, в которой участвовали А. Н. Казнаков и Ладыгин. Через Цайдам она вышла к реке Дрэчу (верховья Янцзы), перейдя которую направилась к Чжекуньдо. Далее следовать путем предшественников Козлов не решился. Именно здесь обычно происходили встречи с пограничными отрядами, после чего оставалась лишь одна дорога — назад. Козлов свернул с дороги и резко повернул на юг, желая выйти к Чамдо.

Город был от него лишь в одном переходе, когда экспедицию атаквали местные племена. Пришлось уходить на восток и зимовать в долине реки Рачу. По весне экспедиция продолжила путь на восток, но опять была вынуждена повернуть назад. В конце мая она вышла к озеру Орин-Нор.

Экспедиция не достигла «города небожителей», но собрала много интересных и достоверных сведений о нем. Окружающая Лхасу завеса тайны начинала постепенно редеть. Когда Козлов зимовал на Ричу, его посетило специально снаряженное далай-ламой посольство.

Сопровождаемые громадной свитой, лхасские чиновники решились «начать с нами переговоры лишь после того, как убедились в том, что мы русские», — писал

Козлов в своем отчете о путешествии в Монголию и Кам. ...«В последнее полугодие, — обратился главный посол к Козлову, — далай-лама, получая о вашей экспедиции довольно часто самые разноречивые сведения, решил, наконец, командировать нас, меня и товарища, для выяснения вопроса, кто вы такие — русские или англичане? Если русские, то приказано тотчас же познакомиться с вами и передать от далай-ламы привет, а если англичане, то, не заводя никаких разговоров, ехать обратно в Лхасу».

Переговоры проходили непринужденно и дружески. Но в главном тибетцы оставались непреклонными.

«Прежде всего далай-лама великодушно просит извинения, — сказал в заключение главный посол, дзэнчонир Джамни Шэраб Уадра, — у сильного русского государя за то, что его экспедицию не пустили в Лхасу, но это сделано только в силу основных древних законов и заветов лхасских, обязывающих всех и каждого из тибетцев свято охранять Буда-лху (Поталу) от посещения чужеземцев».

Маленькая страна, задыхающаяся в лапах китайского дракона, зажатая между великими империями Британской и Российской, отчаянно стремилась сохранить свою обособленность. Кроме этих, ставших знаменитыми экспедиций, Русское географическое общество снарядило экспедицию Г. Н. Потанина (1884—1886), которая подробно исследовала область Амдо, и отряд братьев Г. и М. Грум-Гржимайло (1889—1890) — в бассейн Кукунора.

В 1890 году капитан Б. Л. Громбчевский попытался проникнуть в Западный Тибет из Полу, но потерпел неудачу.

Русские экспедиции охватили окраинную горную систему Куэнь-Луния и почти весь северо-восток Тибета, входящий в ведение сининского амбана. Выдающейся

чертой этих экспедиций являются открытия, как в области географии, так и в областях ботаники, зоологии, геологии. Чрезвычайно ценны и сделанные в ходе путешествий метеорологические и гидрологические наблюдения. Каждая экспедиция, кроме того, провела обширные тригонометрические съемки, а Г. Н. Потанин и Г. Е. Грум-Гржимайло много внимания уделили этнографии.

Недостижимая Лхаса перестала быть абсолютной терра инкогнита. Постепенно накопились проверенные сведения о ее главных религиозных святынях, государственном устройстве, обычаях и быте народа.

Столь блестящие результаты работ русских экспедиций не прошли незамеченными. Иностранные путешественники обратили на Северный Тибет самое пристальное внимание. С середины 80-х годов англичане, французы, американцы все чаще начинают предпринимать попытки проникнуть в Лхасу с севера. Но, несмотря на личную храбрость руководителей, экспедиции эти из-за плохого оснащения и незнания местных условий достигают немногого.

Англичанин Керн во время своего путешествия по Центральной Азии (1885—1877) перешел Алтын-Таг и достиг северной части Тибетского плоскогорья. Он пересек маршрут Пржевальского и углубился на восток вдоль подножья Куэнь-Луньских гор. Потом он пересек западную дорогу Синин — Лхаса и вышел к верховьям Желтой реки. Но вынужден был, как и его русские предшественники, отступить на север.

В 1889 году американский дипломат Уильям Рокхилл, прожив некоторое время в амдоском монастыре Гумбум, предпринял поход к Кукунору. Обогнув озеро, он через Цайдам направился к верховьям Желтой реки, перешел ее и достиг Янцзы. Он форсировал и эту реку севернее Чжекуньдо и по ее долине достиг Дацзяньлу.

Русский перевод подробного отчета Рокхилла вышел

в приложении к журналу «Мир божий» под заглавием «В страну лам». Рокхилл собрал много ценных сведений о стране, но сам лично даже не подошел к ее центральным районам.

В ноябре 1889 года француз Габриэль Бонвало, сопровождаемый принцем Генрихом Орлеанским и одним бельгийским миссионером, снарядил экспедицию в Чархалыке (к юго-западу от Лоб-Нора). Они направились на юг по совершенно не исследованной местности и к февралю 1890 года вышли на северный берег Тенгри-Нора. Отсюда они еще круче взяли к югу, надеясь коротким маршем достичь Лхасы. Но стремительный бросок их разбился о тибетскую стражу, и путешественники были препровождены на восток по средней «чайной» дороге через область Чжядэ. К июлю они через Чамдо прибыли в Дацзяньлу. Свою стремительную авантюру Бонвало описал в книге, переведенной в Ташкенте под заглавием «Неведомая Азия».

Отчаявшись преодолеть индо-тибетскую границу, капитан бенгальской кавалерии Боуэр попробовал в 1891 году проникнуть в Тибет из Ладака через пограничный перевал Ланак-ла. Отсюда он проследовал на восток и, миновав озера Хорпа-Цо и Ару-Цо, свернул к югу. Ему удалось пересечь Чан-Тан и выйти к озеру Джаринг-Цо. Но здесь он был остановлен пастушескими племенами и повернул назад. Пройдя Чжядэ, он прибыл в феврале 1892 года в тот же Дацзяньлу, где годом ранее закончилась авантюра Бонвало.

В 1891 году Рокхилл решил на новое путешествие. Как и в первый раз, он вышел из Гумбума и, обогнув Кукунор с юга, опять проследовал через Цайдам в направлении окраинных хребтов Северного Тибета. Стараясь держаться юго-западного направления, он прошел истоки Янцзы и пересек маршруты Бонвало и Боуэра. Но близ озера Намру-Цо его задержали и заставили по-

вернуть на восток. Тем же роковым путем через Чамдо вышел он к Дацзяньлу.

Английская миссионерша мисс Анна Тэйлор тоже, как и Рокхилл в первый раз, выступила в сентябре 1892 года из монастыря Лабран и, перейдя Янцзы и Желтую реку, достигла Чжекуньдо. Отсюда она пошла к городу Чамдо, вблизи которого резко свернула на запад, к сининской дороге. Она достигла этого прямого пути в Лхасу севернее города Нагчу, но была остановлена, после чего совершила традиционный марш в Дацзяньлу.

В 1893 году француз Дютрейль де Ренс попытался достичь Лхасы прямым броском из Черчена. Ему удалось добраться до восточного берега Тенгри-Нора. Но здесь его поджидали тибетские власти. Шесть недель путешественник отчаянно пытался добиться от них разрешения на посещение Лхасы. Тибетские чиновники были неумолимы. Де Ренс повернул к Нагчу и по еще не исследованной дороге вышел в Чжекуньдо, пересекши второй путь Рокхилла вблизи монастыря Таши-гомба. Из Чжекуньдо отважный путешественник двинулся на север по направлению к Кукунору, но близ Тунбумдо на экспедицию напало разбойничье племя. В завязавшейся схватке Дютрейль де Ренс был убит. Его сподвижнику Гренару удалось благополучно возвратиться в Париж.

Супружеская пара Литлдэл в 1895 году выехала из Черчена на юг, к верховьям реки Черчендаря, а затем через Чан-Тан к озеру Джаринг-Цо. С большими трудностями преодолели они путь от этого озера к Тенгри-Нору. Зато от Тенгри-Нора они с максимально возможной быстротой двинулись к Лхасе. Им удалось подойти к городу на расстояние всего в 50 миль. Но здесь они натолкнулись на стражу и вынуждены были повернуть на запад, к Ладаку. По пути они собрали ценнейший гербарий. Литлдэлам ближе всех удалось подойти к заветной цели. Это был своего рода рекорд.

Капитан Уэлби и лейтенант Мальколм, следуя путем капитана Боуэра, проникли в Тибет через перевал Ланкла из Ладака. Пробираясь вдоль северной окраины Чантана по совершенно пустынным и неисследованным районам, они на исходе сил вышли к Чумаре — истоку Янцзы, откуда проследовали в Танкар.

Почти одновременно с ними из Ладака отправился и капитан Дизи, сопровождаемый Пайком. Они посетили озеро Ешиль-Куль и открытые Боуэром озера Арцу-Цо и Чарол-Цо. Тибетская стража заставила их возвратиться назад. Но путешествие это имеет большое значение. На всем пути английские военные производили триангуляционные работы.

В 1896 году выступил из Копа в Северный Тибет шведский путешественник Свен Гедин. Он проник в долину северных истоков Янцзы, откуда повернул в Цайдам. Лхасы он, конечно, не достиг, но сделанные им исследовательские работы представляют собой исключительный интерес. Описание его путешествия «В сердце Азии. — Памир. — Тибет. — Восточный Туркестан» вышло в свет на многих языках.

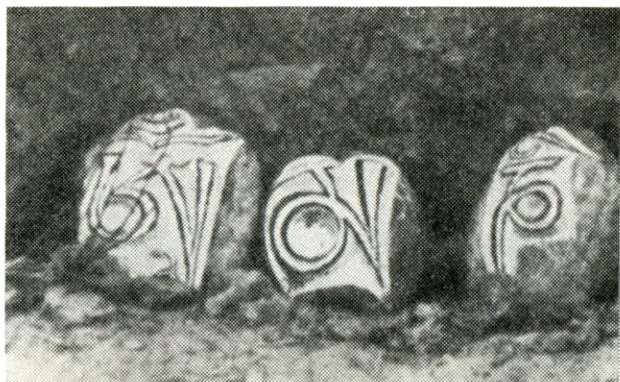
Другую попытку достичь Лхасы Гедин предпринял в 1901 году из Чархалыка, намереваясь пересечь Тибет по диагонали к верховьям Инда. От Лхасы его отделяло только четырнадцать дней пути, когда он тайно покинул караван и, переодевшись в монгольское платье, боковыми тропами направился прямо к желанной цели.

Но в пяти днях пути от Лхасы, близ озера Бум-Цо, его задержали и подвергли допросу. Выяснив, что перед ними не буддист-паломник, а европейский путешественник, тибетские власти приказали ему покинуть страну. Но неугомонный путешественник соединился со своим караваном и, повернув на запад, прошел к Ладаку по пути Боуэра и Литлдэла.

Непрерывный штурм поднебесной твердыни, во всех

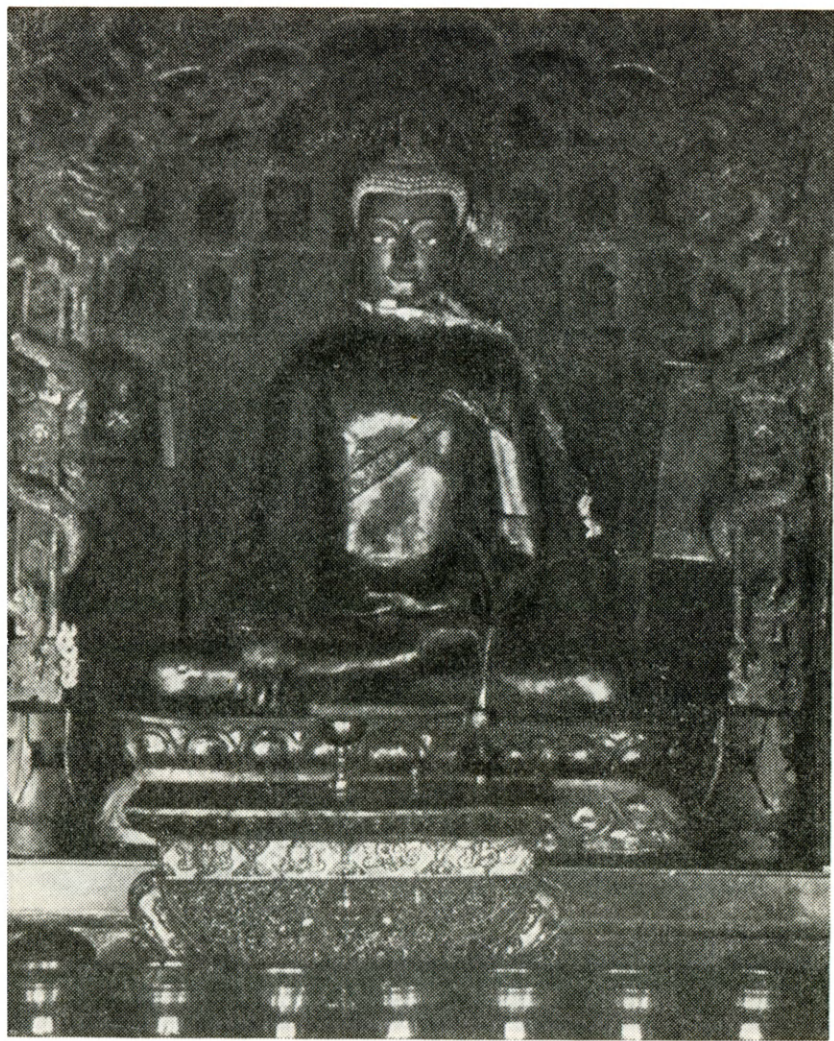
Ворота, за которыми лежат горы.

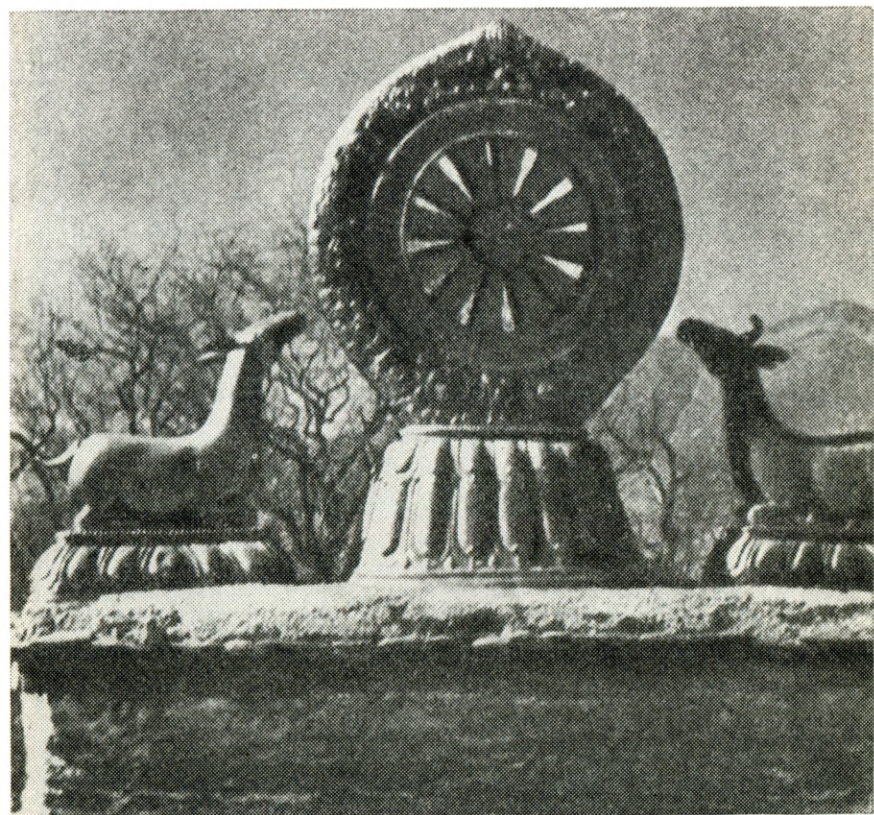
«Ом-ма-ни-пад-мэ-хум» — написано на камнях.

Вдали от тревог мира.

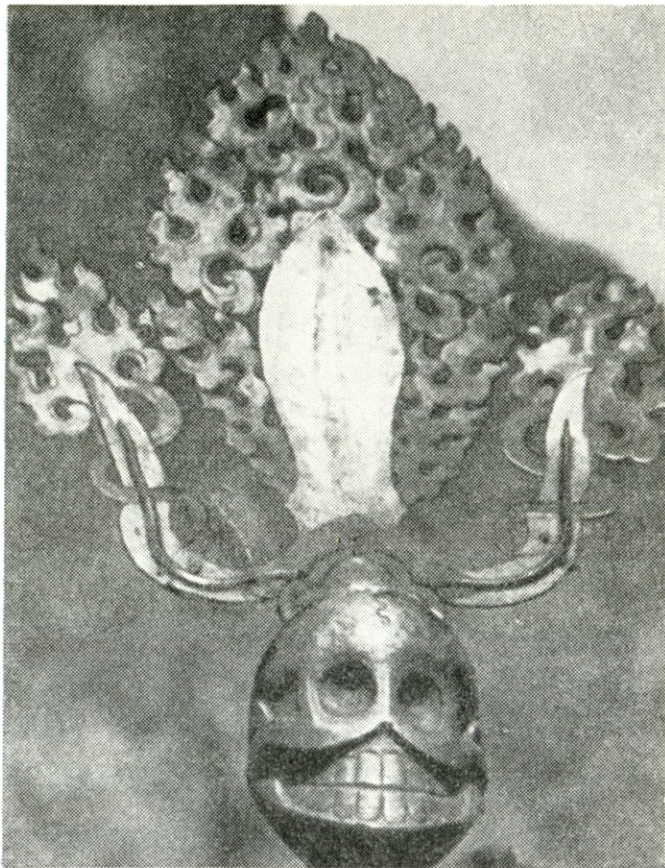

Алтарь Сакья-Муни.

Колесо закона.

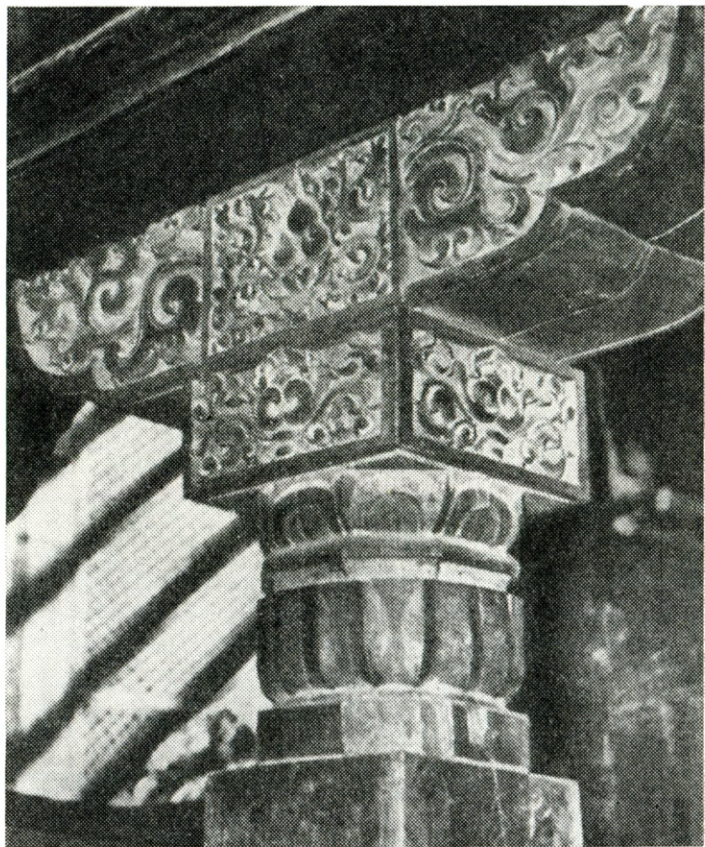

Страж гор.

Священное место.

Ямантака в виде тибетского яка (храмовая фреска).

Расписные капители.

Мистический танец лам.

Глас трубы — «глас божий».

Монастырская трапеза.

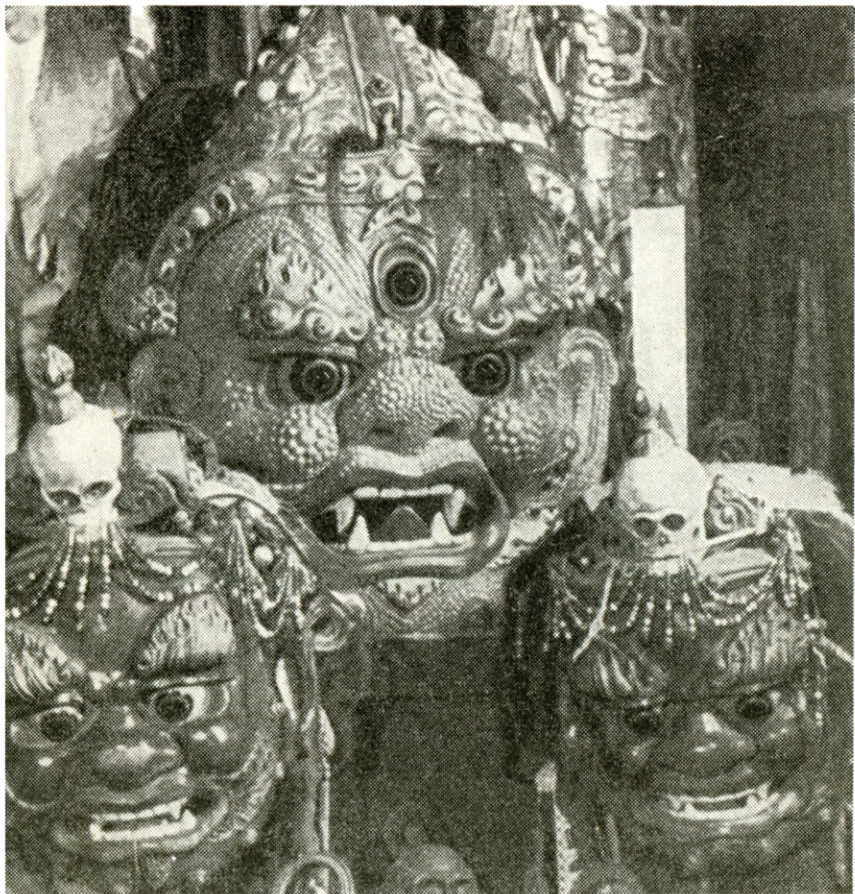
Ламы перед богослужением.

Маска мистерии «Цам».

Религиозный праздник.

Маски устрашителей.

направлениях, по всем путям и дорогам. И все же никому еще не удалось достичь Лхасы, чтобы на месте проверить все собранные путешественниками сведения о ней. В итоге научный мир и в 1900 году не имеет ни подробного плана этого города, ни точных описаний его святынь. Во всем свете нет ни одной фотографии, которая была бы сделана в Лхасе. Поистине это достойная цель для любого путешественника. Манящая и недоступная цель.

Руководители Географического общества сообщили Цыбикову, что располагают некоторыми сведениями о том, что англичане получают сведения о Лхасе от индусов, которые проникают туда под видом буддийских паломников.

Но ведь и Россия находится в этом отношении в благоприятных условиях! Разве не проживают в ней 400 тысяч душ бурят и калмыков, которые исповедуют буддизм? Буряты с незапамятных времен поддерживают сношения с далай-ламой — духовным главой всех ламаитов. Каждый год из их степей отправляются в Тибет богомольцы для поклонения лхасским святыням. Порой такие паломники подолгу живут в Тибете, совершенствуя свои религиозные познания в различных монастырях. Да и калмыки, правда значительно реже, тоже совершают паломничество в Тибет!

До недавнего времени ламаиты России во избежание всяких затруднений ездили туда под видом халхасцев — жителей Китайской Монголии, но вот уже несколько лет как они ездят туда, не скрывая своего подданства.

И тем не менее в России не делалось попыток специальной подготовки ламаитов для путешествия в Лхасу. Но некоторые ламаиты соглашались, чтобы с их слов был записан рассказ о паломничестве.

Таких описаний в печати появилось очень немного. Цыбикову прежде всего пришлось познакомиться

с изданными А. М. Поздняевым рассказом бурятского хамбо-ламы Заяева о его поездке в Тибет, совершенной в 1741 году, и сказанием о таком же паломничестве калмыка База Монкочжуева (1891—1894).

Но эти рассказы религиозных и малопросвещенных людей не могли, конечно, удовлетворить исследователя.

— А почему бы Географическому обществу не послать в Тибет специально подготовленного бурята или калмыка? — спросил как-то Цыбиков Александра Васильевича Григорьева.

— Ах, батенька вы мой, — развел он руками. — Все мы на Руси задним умом крепки. Много ли вы найдете бурят, которые свободно владеют тибетским языком, знают буддийские обычаи да к тому же могут фотографировать, измерять температуру и давление, составлять планы и производить геодезическую съемку? А ведь без этого географические исследования немислимы.

Цыбиков посетовал на то, что правительство, не занимаясь просвещением инородцев, подрывает основы своей же государственной мощи.

— То-то и оно! — кивнул головой Александр Васильевич. — Все надо менять в государстве российском. Все порядки менять надо. Но ведь сколько времени на то уйдет... А еще при жизни хочется узнать все про этих небожителей.

— Верно, хочется, — ответил Цыбиков. — Но пока суд да дело, а подходящих людей найти можно. Я сам, как горячий патриот российский, готов свои услуги отечеству предложить. Не скоро вы сыщете, без ложной скромности заявляю, столь подходящего во всех отношениях человека. Единственное, чего не умею, — это триангуляционную съемку производить. Ну да разве я шпион какой? На манер пандитов?

Григорьев встал и положил руки на плечи Цыбикова, вздохнул глубоко, а потом тихо сказал:

— На вас, дорогой, вся надежда. Но не так это просто, как кажется. Фотографический аппарат незаметно пронести и то большое дело! Откуда у простого паломника аппарат? А о том, что работать в одиночку придется, вы забыли? Ведь даже паломники, с которыми отправитесь на поклонение Большому Джу, не должны ни о чем догадываться! Не то выдадут властям без промедления. А те церемониться не станут. Одно дело европеец-путешественник, другое — подозрительный монгол. Это вы понимаете?

— Понимаю, Александр Васильевич. Не раз думал об этом и, кажется, кое к чему пришел.

— К чему же, позвольте вас спросить?

— Перво-наперво не надо стремиться сделать все в один присест. Не так разве?

— Так-с. Безусловно, так-с.

— Посему и мы можем начать с рекогносцировки. Сперва один человек, я допустим, отправится с караваном паломников в Лхасу. Осмотрится там, кое-какие знакомства заведет, а на другой год поедет уже с помощником, точно и ясно представляя себе и обстановку тамошнюю, и необходимый объем работ. Разве это не разумно, Александр Васильевич?

— Несомненно, разумно. Но ведь рискованно, сударь мой. Очень рискованно.

— Так ведь любая экспедиция немалый риск собой представляет. Что же делать остается, если другого-то пути нет, как только этот паломнический маскарад?

— В этом вы правы, Гонбочжаб Цэбекович, пока ни одна экспедиция до Лхасы не дошла. Боюсь, что столь бдительная охрана и впредь уберезет столицу далай-ламы от любопытных очей. Но и паломников-то они допросу подвергают, отсеивая от правоверных буддистов людей подозрительных.

— Ну, этот допрос меня не страшит. Я весьма под-

наторел в буддийских делах, все обычаи знаю. Да и воспитывался в среде буддистов. В наших местах паломничество в Лхасу — дело обычное.

— В том-то и беда, сударь, что можете вы легко встретить человека из ваших мест, который вас непременно узнает. Слава-то о вас по всем бурятским степям идет. Шутка ли, в самом Петербурге Цыбиков большим начальником сделался.

— Уж вы скажете, Александр Васильевич.

— Да совершенно серьезно я, чудак-человек, многих ли можно назвать, к стыду нашему, ваших соплеменников, которые бы смогли высшее образование получить? Да еще где — в Петербурге! И в этом, Гонбочжаб Цэбекович, я провижу едва ли не самую главную опасность.

— Ну, положим, узнает, так неужели выдаст земляка и соплеменника?

— Хороший человек не выдаст. Но может найтись такой, фанатически настроенный или почему-либо нерасположенный к вам, который и продаст.

— Значит, надо, Александр Васильевич, отчетливо сознавать, что здесь мы идем на сознательный риск.

— Нет, сударь. Не зная броду, не суйся в воду. Это дело надо хорошо обмозговать, учесть любые случайности. Готовить экспедицию надо так, как делал это покойный Пржевальский. Но даже он не мог всего предусмотреть.

— Ну, Александр Васильевич, если уж до пословиц дело дошло, то позвольте и мне свои аргументы выложить. Цайдамские монголы говорят, что знакомому богу и в шапке помолиться — простит. А мне это дело знакомо. Я родился и вырос среди бурят-ламаитов. Как-нибудь с ними полажу. Мне, простите, виднее.

— Но те же цайдамцы, милостивый государь, утверждают, что встречаются люди, которые у себя на голове не видят рогов, а замечают на отдаленной сопке веточку.

— Как понимать прикажете?

— Очень просто. Вы-то будете считать себя натуральным паломником, а люди станут принимать вас за неловкого разведчика. Разве так не может случиться?

— При хорошей подготовке не может.

— Ну, вот видите; готовиться при всех условиях еще надо. Но, кроме всего, извините за повтор, возможность встречи со знакомым меня больше всего пугает.

— Можно по-хорошему договориться, в крайнем случае подкупить.

— Наши друзья монголы учат, что сто незавязанных мешков можно завязать, сотню ртов людей нельзя заставить молчать.

— Один — это не сотня.

— Не говори тайны одному — от одного узнают сто человек.

— По части знания цайдамского фольклора мне за вами не угнаться, Александр Васильевич. Сдаюсь!

— Иногда и мелочь может спасти жизнь. Так что готовьтесь пока. А там как бог даст. И со своим человеком в путь-дорогу идти надо. Со своим!

С того дня Цыбиков по-настоящему стал готовить себя к тайному паломничеству в Лхасу. Оставив мысль поехать в Тибет в составе специальной экспедиции, он все свое внимание сосредоточил на проникновении туда по исконным дорогам богомольцев. Прежде всего нужно было резко изменить привычки. Отныне он должен был превратиться в заурядного паломника, не отличимого от сотен других. Забыть о вилке и о русской речи, о европейской кухне, обо всем, что составляет каждодневное окружение рядового петербуржца. Выдать и погубить могла действительно мелочь. Мысль о тайных тибетских святынях, которых не видел ни один европеец, не оставляла его. Он начал готовиться, хотя вопрос о поездке еще не был решен окончательно.

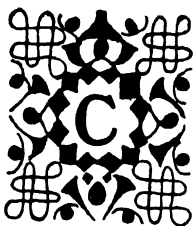

***Никто не хочет умирать.
Себя чужим страданьем мерьте,
Не понуждайте убивать
И не толкайте к смерти.***

Дхаммапада, X, 129 и 130

**ЗА ПЕРЕВАЛОМ
ПЕРЕВАЛ, И ПУТЬ
ДАЛЕК
ДО ЛХАСЫ**

опровождаемый ла-
мой Лобсан-чжяцо и
двумя проводника-
ми — бутнями, Р. Н.

выехал из Дарджилинга 7 ноября. Ехать решили на лошадях, тюки с поклажей закрепили на яках. Караван получился довольно внушительным. Мохнатые черные яки, увитые красными лентами, лениво тащились по пыльной дороге, сонно ворочая челюстями, теряя слюну. Солнце только всплыло над волнистой линией гор, и небо выглядело еще зеленым.

Лама догнал пандита и молча указал на далекую слюдяную полоску. Сухое, морщинистое лицо, подкра-

шенное чуть зеленоватым светом, и зорко суженные глаза делали его похожим на мудрое пресмыкающееся.

— Думаете, будет непогода? — спросил Р. Н.

— Снег на вершинах Восточного Непала всегда к непогоде.

— Досадно. Придется, видимо, застрять на перевале. Говорят, пурга здесь может длиться несколько дней? Какая вчера была луна?

— С едва заметным рыжеватым галом. Долгое ненастье предвещает обычно двойной красноватый круг. Вы слышите музыку?

Р. Н. придержал лошадь и, приложив к уху ладонь, прислушался. Из деревни еле доносился рокот барабанов и заунывный вой дудок. Музыка терялась в монотонном стуке копыт и в шелесте запыленных деревьев вдоль дороги. Потом опять проявлялась, когда он начинал вслушиваться. Лама, видимо, различал ее постоянно.

— Это местные рабочие. Они, как лягушки, чувт непогоду кожей. В такие дни все бросают работу и устраивают танцы с пивом... Не будь это плохой приметой, я бы посоветовал переждать непогоду здесь.

— Нет, возвращаться не стоит.

Тронув поводья, Р. Н. стал догонять ушедших вперед яков.

Дорога спустилась к реке, прыгающей по ослизлым камням. В темных заводях колыхалась нетающая желтовато-белая пена. Через поток были переброшены чуть выгнутые вверх бамбуковые жерди. Яки сгрудились перед мостиком, роя копытами красную землю и упрямо склонив рога. Один из бутиев быстро перебежал на другой берег и, натянув веревку, стал затаскивать первого яка на жерди. Другой подталкивал упирающееся животное сзади. Когда яка удалось наконец стронуть с места, бамбуковые стволы упруго заходили под ним. Но поток

был неширок, и переправа прошла быстро. Р. Н. спешился, крепко обнял на прощание старого ламу и с лошастью на поводу ступил на мокрые от брызг зеленоватые стволы. Дорога опять пошла в гору. Солнце стояло уже высоко. Далекие вершины ослепительно сверкали, и нельзя уже было разглядеть на них признаки надвигающейся непогоды. Впрочем, ее могло и не быть. Ветер переменился, и солнце одиноко пылало в сухом безоблачном небе. К полудню караван достиг уже заброшенной деревни Гок. Поля поросли дикими травами. Тростниковые кровли порастрепали ветры. Смутно золотилось что-то в сумраке заброшенной кумирни. Когда проезжали базарную площадь, Р. Н. заметил прилегшую в лавке корову, тощую и одичавшую.

Ветер шевелил ошметки кукурузной соломы, шуршал каким-то высушенным мусором в пыльном терновнике. Земля выглядела колючей и грязной. Он велел ехать дальше, чтобы расположиться для еды в более приятном месте. До темноты хотелось добраться к Руммаму — притоку Большого Рунгита, сбегаящего с гор Синли. По нему проходила граница британских владений с независимой областью Сикким. По-настоящему путешествие должно было начаться на другом берегу Руммама.

Но яки тащились так медленно, толкались и мешали друг другу, что нечего было надеяться перейти реку сегодня.

И вправду, к реке вышли, когда вылетели на охоту за мошкаррой первые летучие мыши. Переправу решили отложить до утра. Лагерь разбили вблизи потока. Согрели на костре чай. Рабочие поужинали вареной бараниной и лепешками из цсамбы. Р. Н. съел немного овощей и сейчас же лег, завернувшись с головой в одеяло. Тонко пели комары. Гнилостной сыростью тянуло с реки.

В путь тронулись с рассветом по влажной от росы земле. Мост через поток был тоже из бамбука. Но вы-

глядел более надежным. Может быть, потому, что опирался на огромный камень, рассекавший русло на два стремительных мутно-стеклянных горба.

Пора стояла самая благодатная. Местные жители из племени лимбу ловили в реке больших, бешено рвущихся с натянутой лесы рыб. На склонах холмов, тяготясь уже своей спелостью, ждали сбора кардамона и хлопок. Трещали бамбуковые хлопунки сторожей, отпугивающие обезьян и медведей.

— Тут живут еще и другие обезьяны, кроме этих, — один из бутиев обернулся и указал на небольшую пушистую обезьянку, вскарабкавшуюся на дерево. — Только те больше. Они нападают на одиноких женщин.

— Ты говоришь про человека-обезьяну? — спросил Р. Н.

— Нет. Мохнатый человек живет среди снегов и редко спускается вниз. Я говорю про больших обезьян. Они, говорят, рождаются от бамбукового медведя и белки. Их можно истребить, только подмешав к оставленному для них сладкому рису ядовитый корень кудру.

— А зачем их истреблять?

— Они разоряют посевы и обижают женщин.

— А мужчин?

— Мужчин они боятся.

В дымной завесе поднятой яками пыли Р. Н. различил шедших навстречу людей и быстро пригнулся к лошадиной холке.

Но крестьяне, которые несли на дарджилингский рынок корзины с апельсинами, прошли мимо, не обратив на него никакого внимания. Он еще не привык к осторожности, и это было опаснее всего. Р. Н. тут же велел остановить яков. Пока бутии готовили свой нехитрый завтрак из цамбы, он переменял индийский костюм на тибетский. Запахнул темно-красную чубу, как принято у тибетцев, к правой руке. Такие халаты носят люди зажи-

точные, но не именитые. У князей чуба обычно желтая, атласная. Такая ему явно не подобала. Темно-красная будет в самый раз. Кушак — ира тоже под стать халату — широкий и синий. Такого же оттенка, как вертикальные полоски на сапогах. У мужчин они всегда синие. Не забыл он и про алун — золотую серьгу с бирюзой для левого уха. Аккуратно вдел ее в еще припухшую от недавнего прокола мочку, вытянув оттуда шелковую нитку. Только в головном уборе позволил себе некоторую, впрочем тщательно обдуманную, вольность. Не княжескую маньчжурку и не войлочную шляпу простолюдина, даже не меховую купеческую выбрал, а белую теменную шапочку, которую носит духовная аристократия. Внимание к себе привлекать, конечно, нельзя, но и полная маскировка опасна. Лицо ведь тибетским не сделаешь. А так пусть принимают за иноплеменного ламу. Богатого, но скромного ламу. Богатство в Тибете уважают. Поэтому и золотой алын с зеленым камнем выбрал для указательного пальца побогаче. Выставил кисть вперед, повертел пальцами перед глазами. Остался доволен. Кольцо было приметное, солидное.

Только переодевшись и все осмотрев как следует, он сел на коврик позавтракать. Проглотил кусок замешенной на молоке цзамбы, немного луку съел и чаю с коровьим маслом напился. Потом приказал сниматься.

Отдохнувшие животные поднялись бодро, но зашагали все так же лениво и невесело.

Миновали дорогу в Митоган. По ней в кирпичном облаке пронеслось небольшое стадо диких коз. Бутни пришли в беспокойство и попросили разрешения достать из вьюка ружье. Но он не разрешил.

— Если человеку нужно убить животное для спасения своей жизни, ему позволено это сделать, хотя Будда и учит нас другому. У нас достаточно провианта, чтобы не думать о голодной смерти. Купите лучше молока, —

сказал он и, заметив сидящего у дороги с кувшинами загорелого до черноты непальского брахмана, развязал висевший на шее кошелек. Он дал святому человеку целую серебряную рупию и вежливо выслушал его напутственную молитву.

Через несколько часов пути караван достиг вершины горного кряжа, на которой возвышались мэньдон и чортэнь. Это были первые пограничные посты государства лам. Светская власть далай-ламы не распространялась на эти земли, но люди, живущие здесь, чтили в нем живого бога.

Животные устали карабкаться в гору, и решено было сделать короткий отдых.

Р. Н. достал путевой дневник и сделал запись:

«...мэньдон. Возможно, правильнее транскрибировать «мандон» (от тибетских слов «ман» — «много» и «дон» — «камни») Чортэнь состоит из слов «мчод» — «приношение», «жертвоприношение» и «ртэнь» — «вместилище». Мои бутии произносят — «чуртэнь». Чортэнь более известен у нас под санскритским названием ступа (чайтья). Монголы называют это сооружение субурганом, китайцы — та. Когда-то в них хранили мощи. Теперь это большей частью памятники в честь Будды и буддийских святых. Эти каменные сооружения окружают обычно стены — мэньдон».

Закрыв тетрадь и, прислонившись к нагретому за день мэньдону, залюбовался голубой в легком солнечном тумане долиной Дурамдень.

— Красиво, — сказал Р. Н. сидевшему недалеко бутию Пурчуну, который, почесываясь, щурился на солнце.

— Мы называем это место Чортэнь-ган, а племя пахири зовет его Манидара.

И то и другое означало «хребет священной ступы». Но Р. Н. назвал бы это место Хребтом голубой долины...

Хорошо бы пожить в этой сапфировой горной чаше. Но надо было сниматься. Караван и так двигается слишком медленно.

— Будем сниматься...

Тропинка расширилась, и яки пошли быстрее. В воздухе пахло навозом и дымом. Где-то в деревне визжали свиньи и блеяли овцы. Рокотали барабаны. За перевалом открывалась новая долина. Сады, листовенные рощи и поля тростника по берегам ослепительной нити ручья. Первый перевал остался позади. Можно было выбирать место для ночлега.

Шумно дышали засыпающие яки. Теплый пар от их дыхания медленно отлетал в холодеющий воздух.

Р. Н. вставил в фонарь зажженную свечу и достал тетрадь.

«Страну, лежащую между реками Арунь и Тамбур, непальцы называют Лимбуду, а людей, населяющих ее с незапамятных времен, — лимбу. Но сами лимбу именуют себя народом яктанга. Между Арунем и Дудкоси лежит область Киранта, принадлежащая древнему племени кират. Этот народ упоминается в тех же источниках, в которых впервые встречается имя индуистского бога Махадэва.

И лимбу и кират с давних пор занимались охотой и скотоводством, торговали мускусом, хвостами яков и кардамоном.

Тибетцы и бутии называют племя лимбу именем цан. В древних памятниках рассказывается, что племена лимбу пришли из тибетской провинции Цан, из Каши в Мадье-Дэш и от тех каменных утесов, что высятся у деревни Пэдах к северо-востоку от Цаньпура. Лимбу из Цана получили у тибетцев название цан-моньпа (что значит «обитающие в ущельях»), пришельцев из Каши стали называть байпута, людям с подножий утесов дали имя пэдах-панги-лома.

Самой сильной и многочисленной была ветвь байпута, вождь которой раджа Хань владел всем Восточным Непалом. Все лимбу и кират платили ему дань и поставляли воинов для лихих набегов на соседей. Но постепенно династия Ханя пришла в упадок, и власть перешла к лимбу пэдах-панги-лома. Но ни одной семье не удавалось надолго удержаться у власти. Анархия и смута продолжались много десятилетий, пока могущественный Маран не сумел объединить раздробленные племена и враждующие роды. Маран сделался царем, и на некоторое время в стране воцарился мир и спокойствие. Но после смерти его благородного преемника раджи Мохани анархия вспыхнула с новой силой. Братоубийственные войны продолжались больше ста лет. Лишь в IX веке к лимбу пришел герой по имени Сричжанга, которого стали чтить потом как бога-миротворца и объединителя. Будтии, живущие на южных склонах Гималаев, отождествляют его с воплощением Падма-Самбавы, который утвердил в Тибете буддизм».

Утро выдалось туманное и холодное. Надвигалась непогода. Все же было решено продолжать путь.

Р. Н. торопил проводников. Яки не упрямились, словно чувствовали наступление непогоды и спешили укрыться в безопасном месте. Но движение сильно замедлилось. За час удавалось пройти не более мили. Тропа шла густым лесом, сплошь покрывающим хребет Хи. Каменные дубы, магнолии и сосны почти целиком закрывали небо. Было холодно, пахло хвоей, горьковатой свежестью каких-то цветов и гнилью. Стояла такая тишина, что было слышно, как падали с сосен длинные иглы. Дорогу приходилось искать ощупью, пробираться сквозь завалы, прорубать злую ползучую крапиву.

После нескольких часов крутого подъема караван подошел к чортэню Риши, окруженному замшелым мэньдоном, на котором была высечена шестисложная

молитва: «Ом-ма-ни-пад-мэ-хум». Бутни пали перед ней ниц. Отсюда начинался перевал Ху-ла.

Юго-западный Сикким лежал внизу. Темный и сумрачный под желто-белым облачным небом. Холмы Дарджилинга съел туман. И люди и животные совершенно вымотались. Отдых был необходим. И все же Р. Н. требовал идти дальше.

— Быстрее! Разве вы не видите, что творится на небе? Нам надо успеть пройти перевал. Осталось совсем немного.

— Яки не хотят больше идти, — пожаловался бутий, — если як заупрямился, его не сдвинешь. Это каждый знает.

— Зажгите паклю и ткните им под хвост.

Набежал первый порыв ветра. С дубов посыпались желуди. Испуганные обезьяны спешили укрыться в дуплах, торопливо набивая желудями защечные мешки, будто готовились к долгой голодовке. Затрещала паленая шерсть. Яки заревели, но не стронулись с места. Ветер стих совершенно. И яки вдруг пошли, невозмутимо пощипывая сухую траву.

Наконец караван взобрался на вершину кряжа, поднимающуюся на 6 тысяч футов над уровнем моря. Разбрызгивая копытами воду и грязь, яки прошли по ручьям, впадающим где-то там вдалеке в реку Риши. Глинистые струйки сбегали с черных шерстяных косм, запутанных и грязных, в которых застряли колючки и сухие листья.

Впереди показался какой-то загон для скота. Лошади нетерпеливо заржали. Рванулись туда из последних сил.

Но бутий вдруг испуганно закричал, указывая на что-то у самых ног.

Р. Н. взглянул на землю и сразу все понял.

Там копошились страшные тибетские черви — гроза

путешественников. Они жают через толстые шерстяные носки и парусиновые брюки, забираются в сапоги, сбиваясь там в мягкие отвратительные клубки. Они встречаются на всех высотах, вплоть до самых снегов.

— Скорее вперед!

Яки, к счастью, не упрямились. Все так же меланхолично и невозмутимо пошли они по вьющейся меж стволов тропе, давя легионы червей. Но идти стало легче — начинался спуск. Ларцэ* — груда камней, из которых торчат бамбуковые шесты с кумачовыми лентами — остался позади. Вершина была пройдена.

Порывы ветра налетали все чаще. Ударяли в лицо песком и мелким лесным сором. Температура снижалась.

Пурчун повернулся лицом к ларцэ, закрыл глаза и зашептал:

— Лха чжя ло, лха чжя ло**.

Р. Н. внимательно осмотрел почву под ногами. Отвратительных червей нигде поблизости не увидел. Заночевать решили под огромным дубом, затенявшим целую поляну.

Невдалеке росли стофутовые крапивные деревья. Пурчун стал собирать валежник для костра. Другой проводник пошел нарубить крапивных побегов для супа. Ветер набегал с разных сторон, хотя в лесу он почти не ощущался. Это обещало или затяжную грозу, или перемену погоды.

Сварили крапивный суд с цзамбой и остатками купленного в дороге молока. Чай кипятить не стали — сильно хотелось спать.

Ночь прошла спокойно. Но Р. Н. раза два просыпал-

* Ла — перевал, рцэ — вершина (тибет.), или обо — по-монгольски.

** Боже, дай мне 100 лет.

ся. Чудилось, что где-то шуршит дождь, но вокруг было сухо. Встали, когда солнце поднялось уже высоко.

— Мэтог-чарпа, — сказал Пурчун. — Цветочный дождь. — И запрокинул лицо к небу, ловя толстыми губами капли. Счастливо зажмурился. Захлебываясь, захохотал.

Дуб не подвел. Под ним было по-прежнему сухо. Р. Н. вывел лошадь под дождь. Она прыдала ушами под ударами капель. Яки спокойно затопали по тропе, изредка оступаясь; переходя лужи, подымали фонтаны брызг. Прошли, не задерживаясь, деревню Хи, в которой живет много людей племени лепчо, гадающего по внутренностям домашних птиц. За деревней виднелись искусственно орошаемые террасы, на которых возделывали рис. К реке Калай спускались поля кардамона.

Шел пятый день пути. Все пока протекало по плану. Неразумно хотеть большего. Выйти к Калаю на пятый день — это совсем неплохо.

Сверху берег реки казался утыканным мохнатыми иглами ежом. Можно было разглядеть каждое дерево. Росли они под разными углами друг к другу, как всегда растут деревья на круглых холмах.

Мост опирался на каменные завалы посреди реки. Уже не жалкие жерди, а огромные бамбуковые стволы в три пролета перерезали реку. По берегам ее виднелись хижины и бамбуковые загоны для рыбы.

— Гляди, хозяин! — закричал бутий, прозванный за пристрастие к пиву Чаном, указывая вниз. — Видишь вон те серые деревья у хижин? Это нья-дуг-шин *. Люди лимбу бросают их листья в застойные воды, и рыба там засыпает.

Дорога крутыми извилами спускалась к реке. Часто встречались кабаньи следы. Хрюкая и шурша травой,

* Ядовитое рыбье дерево (тибет.).

шмыгнул дикобраз — главный враг местных жителей, уничтожающий редьку, фасоль и поля дикого ямса. Решили заехать в деревню и закупить там овощей. Проводники обрадовались и стали тут же сооружать тростниковый снаряд для ловли рыбы. Путь предстоял долгий, и не следовало упускать возможность пополнить запасы.

Лимбу исповедуют древнюю тибетскую религию бонбо. У них существуют пять классов жрецов: пэдамба, бичжуа, дами, байдан и сричжанга.

Пэдамба совершают религиозные церемонии, толкуют сны и приметы, предсказывают судьбу. Бичжуа — попросту говоря, шаманы. Фанатическими танцами они доводят себя до иступления. Дами специализировались на колдовстве. Их коронным номером является изгнание злого духа через рот. Байданы занимаются только лечением больных. Их название, вероятно, происходит от санскритского «байдья» — лекарь. Но наибольшим почетом, пользуются жрецы сричжанга — толкователи священных книг, хранители религиозных традиций.

Пока Р. Н. беседовал с жрецами, бутии наловили массу рыбы, которую тут же засолили. Потом закупили овощи и тронулись в путь.

В два часа пополудни вышли к монастырю Чангачэллин, возле которого росли дикie абрикосы и лагог — лук с запахом чеснока. Бутии тотчас же бросились к абрикосовым деревьям. Р. Н. понимал, что промедление опасно во всех отношениях, но ничего не мог поделать. Они попали в благодатную страну. В каждой третьей деревне был праздник. Праздновали сбор урожая, свадьбу или просто радовались удачно сваренному пиву.

Проводники старались не упустить случай повеселиться. Частыми поклонами, высыванием языка и жалобными просьбами они вырывали у Р. Н. согласие

на остановки в гуляющих деревнях. Что он мог поделывать? Успех предприятия во многом зависел от этих бутнев, и он не хотел с ними ссориться.

В каждой деревне они что-нибудь покупали. Особенно усердствовал Пурчун. Свое гулливое поведение он старался загладить преувеличенной заботой о питании. Однажды он пропадал всю ночь и пришел только к полудню. Р. Н. уже отчаялся дожидаться его и с тоской раздумывал, как без лишнего шума нанять новых проводников. Впереди ждали снежные перевалы. И драгоценное время утекало впустую.

Пурчун появился вдруг — сгорбившийся под тяжестью мешков и свертков. Пьяная улыбка стыдливо блуждала на грязном, в потных дорожках лице. Его сопровождал старик, тащивший на веревке худую овцу. Бутней с шумом обрушил свою добычу и, задыхаясь, прохрипел:

— Я принес кукурузу, мурву и рис. Еще я купил яйца и эту овцу. Все стоит пятнадцать рупий.

В лучшем случае это была двойная цена. Но Р. Н. заплатил. Растолкал Чана и велел немедленно готовиться к походу.

— Не надо торопиться, — сказал вдруг старик лимбу. — Все тропинки на перевалах занесены снегом. Поживите у нас в Ринби, пока затвердеет снег. У нас много еды. Не продадите ли вы соли?

Он так же внезапно замолк. Р. Н. не знал, что ему ответить. Подумав немного, Р. Н. сказал:

— Соли у нас только-только хватит для себя. Перевалы находятся отсюда в четырех днях пути, и нам никто не скажет, когда там осядет снег. Поэтому мы уходим.

Все это было чистой правдой. Но больше всего Р. Н. спешил с уходом, чтобы избежать толков, которые могли вызвать подозрение тибетской стражи.

Р. Н. решил попытаться перейти Ямпун-ла, где, по слухам, еще не выпал снег. Ему пришлось сказать местным жителям, что они охотники. Охотничьи ружья и сумки с патронами, которые он велел достать, должны были это подтвердить. Как-то ведь надо объяснить, почему они интересуются перевалами? В этой богатой дичью местности охотники встречаются очень часто, и к ним привыкли.

Наконец выступили. К вечеру едва дотащились до Поантана, где остановились в жалком донкане для путешественников. Пошел дождь, и еду пришлось готовить в убогом сарае, где нельзя было даже прямо стоять. Поднятый мехами удушливый дым резал глаза. Голубая зола оседала на лицах. Повсюду ползали муравьи и тысяченожки. Это было поистине отвратительное место!

Р. Н. проклинал себя, что послушался бутиев, которые считали донкан лучшей гостиницей на земле. У него же была прекрасная палатка! Есть пришлось в общей комнате, где расположились уже другие путники. Хозяин принес пива. Стало теплее, и донкан не казался уже таким жутким. Кто-то из захмелевших гостей стал выкрикивать стихи из прекрасной книги «Риньчэнь Тэньва», которую называют «Драгоценными четками»:

Всех здесь собравшихся к вниманию зову.
Орел — царь птиц, и первый он в полете.
Лев — царь зверей, и все, подобно льву,
Крадутся на ночной охоте.
Но пьющий — властелин всего,
Пусть каждый молча слушает его.

Но торжественные стихи эти не прервали пьяного гомона. В этой комнате говорили все. Больше всего Р. Н. боялся, как бы охочие до пива проводники не сболтнули лишнего.

Когда общее веселье чуть поутихло, а жаркая духо-

та сделалась непереносимой, он перестал следить за своими ненадежными спутниками и вышел немного прохладиться.

Тихо падал холодный дождь. Грязь сверкала в красноватом свете окон. Под навесом жевали сухую траву яки.

Вдруг дверь распахнулась, и в облаке светового тумана он увидел высокого человека. Тот подошел и молча потянул пандита в темноту. Р. Н. хотел спросить, что ему нужно, но тот сделал знак, по которому пандит сразу признал ученика брахмана.

Они отошли в сторону. Человек так же молча вложил в руку Р. Н. круглую каменную пластинку. Пандит на ощупь прочитал узор и попросил человека немного подождать на улице.

Сам же вернулся в донкан, быстро написал необходимые письма. Потом достал свой индийский костюм, тщательно запаковал его и вышел на улицу.

Человек ждал под дождем. Р. Н. вручил ему сверток и письма и возвратил пластинку. Тот сразу же пошел под навес, тихо вывел оттуда свою лошадь и, попрощавшись по-индийскому обычаю, скрылся в темноте. Немного погодя пандит услышал, как зашлепали по мокрой грязи копыта. Отойдя подальше, курьер вскочил на лошадь и понесся в Дарджилинг. В донкане никто ничего не мог услышать.

Лишь на десятый день путешествия караван приблизился к Ямпун-ла. Осторожно, поминутно оглядываясь, пробирались сквозь колючий кустарник. В донкане им сказали, что на перевале Синли недавно погибли два непальских дровосека. В прошлом же году тигр напал в Чжонри на стадо яков и зарезал двенадцать голов.

Р. Н. раздал бутиям заряженные ружья, оставив себе шестизарядный револьвер. Дорога была крута и ка-

мениста. Лужи застеклил сухой ледок, хрустевший под копытами животных отчетливо и резко, всегда неожиданно и пугающе. Холод пронизывал до костей.

К полудню они достигли пояса рододендронов и, пройдя через сосновый лес, где вспугнули нескольких ярких фазанов, вышли и к заснеженному хребту.

Ветер дул заунывно и одичало. Казалось, что они одни в мире, что все давным-давно выморожено и утонуло в снегу. Мутная пурга над белыми, чуть розоватыми от холодного солнца хребтами и жуткая, безжалостная синева...

Смежив заледенелые ресницы, уйдя головой в плечи, медленно и неслышно, как тени, скользили они к Чертовой горе. Внизу, в неистовом белом дыму, ревела желто-свинцовая Ринби. Волокнистые тени неслись над землей. Впервые Р. Н. стало по-настоящему жутко. А ведь еще недавно они боялись, что на них бросится тигр или с дерева прыгнет бесшумный сиккимский леопард. Что все леопарды Тибета перед дымящейся пылью пурги!..

Чан стал жаловаться на головную боль и одышку. Наверное, им овладел ла-дуг — жестокая болезнь гор. Ветер заставил людей спешиться. Лошади падали. Чан тоже сел на снег и сказал, что у него окоченели ноги. Р. Н. дал ему свои сапоги и кабульские чулки.

Но вот ущелье кончилось, и караван оказался на подветренной стороне горной цепи. Длинный мэньдон указывал дорогу к деревне Док. Над крышами домов и загонами для яков развевались длинные цветные ленты. Ледяная корка сверкала на солнце. Снежное поле казалось покрытым глазурью. Смертный холод под сердцем ослаб. Р. Н. предвкушал уже, как будет сидеть перед очагом и греть руки над пламенем. Над красноватыми, над желтыми с голубизной прядями веселого огня. Над жгучими трещинами в синеватых угольях.

Но деревня оказалась покинутой. Двери домов опутывали веревки. В пустых загонах валялась запорошенная снегом солома и смерзшийся в камень навоз. Впереди лежал заледенелый крутой спуск.

Ближайший населенный пункт — Гумотан виднелся далеко внизу, в глубоком ущелье, на две тысячи футов ниже. Спускаться было хотя и легче, чем карабкаться на перевал, но зато куда страшнее. Казалось, что вот-вот сорвешься в пропасть, на дне которой чернел игрушечный лес. Одна лошадь пала. Других, очевидно, все равно придется бросить в Гумотане. Такие перевалы не для них.

Проводники, привыкшие к головокружительным спускам, сильно опередили пандита. Идти приходилось по глетчеру. Каждый шаг давался с трудом. К вечеру вошли в великолепный лес, покрывавший ущелье Гумотан. Здесь подстерегала новая беда. Лес оказался залитым водой. Это таял снег в северо-восточной части ущелья. Синяя вода казалась мертвой. Черные стволы исполинских кедров падали в нее, медленно сходясь друг с другом где-то в слепящей точке опрокинутого неба. И было страшно глядеть туда... На исходе была третья неделя пути. Позади осталось семь перевалов, а они уже потеряли двух лошадей и яка, который нес продовольствие. Третью лошадь пришлось пристрелить. Проводники заготовили впрок немного конины.

Они шли по безлюдной стране.

За гранитным утесом, далеко впереди, лежало черное «Озеро рока». Его питают снеговые воды. Дно его, как говорят, сплошь устилает золотой песок, а в глубинах водятся гиппопотамы.

Пройдя залитый водой лес, они стали подниматься на перевал Богто. Тропа вела вдоль обледенелого канала, по дну которого низвергался поток, несущий камни, ломающий где-то внизу можжевельник и пихты.

Голова болела и кружилась. Р. Н. еле брел. Последнюю милю одолел в полубессознательном состоянии. Они остановились под скальным навесом, забрызганным желтыми пятнами лишайников. Сварили рис и чай с маслом. После того как в пропасть свалился як, навьюченный припасами, они не ели ничего, кроме риса.

Р. Н. упал в совершенном изнеможении. Его люди страдали еще больше. Им приходилось нести снаряжение, которое нельзя было доверить якам. Когда чай вскипел, Пурчун усадил пандита поудобней и налил полную кружку. Тот сделал несколько глотков и почувствовал себя немного бодрее. Но есть наотрез отказался. Напрасно Пурчун совал ему сбереженное замороженное яйцо. Закутавшись во все свои одеяла, индеец лег на землю, упершись ногами в один из тюков, чтобы не свалиться в пропасть. Ночь прошла тревожно.

Утро выдалось пасмурное. Дул ветер. Через силу Р. Н. поел рису и заставил себя проглотить шарик масла. Проводники, предвидя снежную бурю, стали неохотно собираться. Повернувшись лицом к священной для буддистов горе, они пропели мантры и возобновили подъем на перевал. Стояла удивительная тишина. Ни шума ветра, ни грохота водопадов. Ледяная пустыня. И черные мохнатые туши яков на ней. У них осталось три яка. До сих пор эти удивительные животные покорно лезли вверх по обледенелому склону. Может быть, близость смерти смягчала их упрямый нрав?

Вскоре набрали еще на одно озеро. Голубой лед его был покрыт множеством внутренних пузырей. Эти белые пустоты сверкали в косых лучах солнца чистыми радужными огнями. Р. Н. остановился, пораженный внезапной и страшной в заледенелом этом мире красотой. Так вот оно, прославленное в священных книгах Сиккима Цо-дом-донма, знаменитое «Озеро павлиньих пятен». Сюда приходят паломники из самых дальних мест.

Притихший было ветер усилился.

Невозмутимый Чан начал нервничать. Часто останавливался. Шепча заклинания, глядел на небо, которое постепенно заволакивалось волокнистой мглой.

— Зачем нам идти дальше, сэр? — тихо и грустно обратился он к пандиту. — Нас ждет смерть в этой страшной пустыне. Еще час, и мы погибнем.

— Что вы хотите этим сказать, Чан? Где вы видите смерть?

— Посмотрите на небо, сэр. Эти тучи скоро засыплют нас глубоким снегом, из-под которого нам никогда не выбраться. Если снег пощадит нас здесь, нам не миновать его по ту сторону перевала. Давайте вернемся. Иначе мы умрем.

— Куда нам возвращаться? — спросил Р. Н., твердо зная, что ответа на этот вопрос нет.

Подошел Пурчун. Он тоже выглядел мрачным и сосредоточенным.

— Животные волнуются, хозяин, — сказал он. — Будет беда.

— Надо идти вперед. Когда мы выступили из Дарджилинга, все приметы тоже обещали непогоду. — Разве не так? Однако ничего не случилось. Погода здесь быстро меняется, и снегопад может пройти стороной.

— А если пойти назад и укрыться за перевалом? — не очень уверенно спросил Пурчун.

— Почему ты думаешь, что снег не застигнет нас на обратном пути? Или опять не будет угрожать нам здесь, когда мы придем сюда во второй раз?.. Вот видишь, ты молчишь, потому что тебе нечего сказать. А еще подумай о том, что нам дважды нужно будет пройти этот проклятый путь... Нет, у нас ничего не остается, кроме как быстрее идти вперед. Да будет милость неба над нами!

— Лха-соль! — пробормотал Пурчун свою обычную молитву и, покачав головой, возвратился к якам.

Пандит с Чаном потащились за ним.

Небо и в самом деле благоволило им. Снег так и не пошел. Тучи рассеялись, и окрыленные столь явной милостью путники незаметно взяли и этот перевал. И только здесь пандит почувствовал, что не может шевельнуть пальцем. Все силы были давно израсходованы на борьбу со снеговым полем. К тому же Пурчун наткнулся на следы саха — тибетского длиннохвостого леопарда. Р. Н. подивился, как зверь сумел пройти по рыхлому снегу, ни разу не провалившись. Но Пурчун мигом его просветил.

— Это был дьявол в образе саха, — сказал он.

И все же спуск — это не то, что подъем! Пока его кули возились с яками и кладью, Р. Н. сел на затвердевший под солнцем снег и понесся вниз, елико возможно огибая камни и ямы. И судьба вознаградила его. Он не только благополучно съехал, но и его тибетский костюм сильно утратил свою подозрительную новизну.

Все немного приободрились, а когда все чаще стали попадаться среди снега зеленые полосы, даже стали вышучивать друг друга, вспоминая, как трусили совсем недавно.

На одном из таких травяных островков Р. Н. увидел редкое альпийское растение упалу, или голубой лотос. Листья у него большие и розовые, как океанские раковины. Оно считается священным и очень ценится тибетскими медиками.

Проводники, как дети, обрадовались новой хорошей примете. Они стали дурачиться, кидаться снегом. Пурчун затянул какую-то дикую песню. Но голос его резко оборвался и перешел в свистящий хрип. Он упал на колени и простер руки куда-то вперед, словно увидел на снегу что-то ужасное.

— Следы! — истошно завопил он.

— Какие следы? — спросил Р. Н., подходя.

Он только молча помотал бессильно простертыми вперед руками. И тут Р. Н. тоже увидел эти следы. Они были глубоки и отчетливы. По величине и некоторой округлости напоминали следы медведя. Но нигде не было заметно отпечатков когтей. Кроме того, следы тянулись одной зигзагообразной линией. Следы эти не могли принадлежать четвероногому. Оставившее их существо ходило на двух ногах.

Р. Н. сразу подумал, что это могло быть... Но тут же засомневался.

— Что это за следы? — спросил он.

Но проводники только дружно затрясли головами. Долго он пытался добиться от них вразумительной речи. Но в ответ они несли какую-то чушь.

— Это тея? — наконец спросил Р. Н.

Бутии жалобно завывли и отдали следам истовый поклон.

Очевидно, он попал в точку.

— Кто он, ваш тея, дух или демон?

— Нет. — Пурчун обрел наконец дар речи. — Не дух и не демон.

— Отлично, — продолжал расспросы Р. Н. — Значит, это существо из плоти и крови?

— Да.

— Человек?

Пурчун затряс головой.

— Не человек?

— Да, не человек.

— Значит, зверь?

— Нет. Не зверь. Не человек и не зверь. Ходит как человек, а воняет как зверь. И глаза у него светятся в темноте, как у зверя.

Пока они занимались следами, яки ушли вперед.

Они разбрелись по снежной равнине, выскивая полосы травы.

Бутии не были поражены суеверным страхом. Они даже не очень удивились. Первая бурная реакция оказалась данью неожиданности. На смену ей пришла настороженная озабоченность.

— Так это тей? — опять спросил Р. Н. — Какой он?

Чан оглянулся, словно хотел убедиться, что его никто не подслушивает.

— Мы не любим говорить о нем, сэ, — тихо сказал он.

— Это может принести несчастье, — пояснил Пурчун. — С теми людьми, которые водили френгов искать его, случилось нехорошее.

— Мы не будем ни искать, ни преследовать его, — сказал Р. Н. — Не понимаю, что вам мешает рассказать... Шерпы даже показывали мне скальп, который хранится в монастыре Пангбоче...

Он действительно видел этот скальп, который, несомненно, представляет собой кожу верхней части головы какого-то животного, симметрично срезанную выше ушей. Внутренняя поверхность совершенно четкая и целая. Ни о какой подделке не может быть речи. Р. Н. не смог определить, какому из животных, известных науке, принадлежал этот скальп. Поражала толщина кожи, значительно большая, чем у предметов местной выделки, изготовленных из кожи дикого тара и даже яка. На скальпе сохранились остатки рыжеватобурой шерсти. Отдельные волоски, прямые и очень жесткие, напоминали щетину. Там, где скорее всего должен был находиться лоб, волосы отклонялись назад и слегка свисали по бокам. Совсем как у человека! И на затылке они почти отвесно падали назад. Он обратил внимание на одну замечательную особен-

ность. От основания лба через всю макушку до конца затылка тянулся гребень шириной в добрый дюйм, поросший все теми же жесткими волосами. Острым треугольником гребень суживался кверху.

Монастырь Пангбоче построен очень давно. Его история подробно описана в книгах других монастырей, в том числе и тибетского монастыря в Ронгбуке. Основал его легендарный лама Сан-Дордже, отличавшийся необыкновенной святостью. Теперешний настоятель считается одиннадцатым перевоплощением Сан-Дордже. Все подробности о каждом ламе записаны и хорошо известны. Скальп Йе-Те, как называют таинственное существо шерпы, попал в храм при пятом «перерожденце». Здесь, как и повсюду, лама избирается в младенческом возрасте и исполняет свою должность до смерти. Таким образом, если принять срок жизни «перерожденца» в пятьдесят лет, возраст скальпа составит примерно три столетия.

«Сам по себе он не является какой-то святыней. Только соседство с настоящими святынями и ему сообщило некоторую святость», — так объясняли местные ламы. Но они наотрез отказались продать этот скальп! Во время мистерий, когда разодетые танцоры в страшных масках исполняют ритуальные танцы, кто-нибудь надевает на голову и этот скальп. Но любую из масок вам всегда охотно продадут. Может быть, потому, что маску всегда можно сделать, а скальп — невозвратим...

Все это Р. Н. рассказал своим проводникам, надеясь, что и они будут столь же откровенны. Судя по их поведению, история эта была им известна. Но то, что Р. Н. знал ее, обеспечило ему некоторый авторитет в их глазах. Он оказался причастным к одной из тайн Тибета, сохранность которой надежно обеспечивал неписанный закон. Он оказался сильнее тибетской стражи

и лхасского амбана. О тайнах Поталы говорили куда охотнее, чем о Йе-те.

Р. Н. чувствовал, что Пурчун уже готов поделиться своими секретами. Тем более что он вряд ли знал о Йе-Те больше.

Но вдруг послышался резкий гортанный крик, который сразу перешел в дикий вой. Словно чайка завывала по-волчьи.

Пурчун побледнел и задрожал. Чан бросился на землю. Пандиту тоже стало как-то не по себе от этого жуткого и какого-то мерзкого крика. Но тут он увидел, как с обледенелой скалы скатился мохнатый рыжий ком и понесся к якам, которые паслись далеко впереди. Но вот они побежали. Р. Н. успел разглядеть, что на одном из них сидело рыжее мохнатое существо, издали похожее на медведя.

Он кинулся вдогонку. Струйки быстрого ветра обтекали разгоряченное лицо. Сердце бешено колотилось, он тяжело дышал. Бежать было трудно. Наст проваливался. Р. Н. часто падал. Ему казалось, что сзади бегут проводники. Их тяжелые шаги по скрипящей ледяной корке отдавались в ушах. Но он не оборачивался, стараясь не упустить мелькающие уже в поясе рододендронов черные спины.

Легкие хватали холодный разреженный воздух и не могли насытиться. Казалось, что они пьют пустоту, которая превращается в груди в иссушающее неутолимое пламя. Он понимал, что не пробежал еще и сотни ярдов, но ощущение было такое, будто эта погоня за ускользящей жизнью длится и длится многие дни.

Мохнатые иглы и пыльно-синие ягоды мелькнули вдруг перед глазами. Ветка можжевельника ослепительно ярко хлестнула по лицу. Он схватился руками за глаза и провалился в какую-то яму. Когда пришел в себя, вокруг стояла темнота. Сначала он испугался,

что ослеп. Глаза болели. Моргая, он ощущал резь и воспаленную припухлость. Но потом увидел звезды. Он понимал, что все кончено. Ему суждено погибнуть в снеговой ловушке от холода и голода. Если он и доживет до утра, то непременно погибнет следующей ночью. Он быстро убедился, что не сможет выбраться наверх, а проводники вряд ли найдут его здесь.

И все же оставалась надежда, что Пурчун и Чан хоть приблизительно заметили место, где он провалился. Пройскав до темноты, они могли отложить поиски, чтобы вновь приняться за них завтра утром. Слабое утешение. Но что оставалось еще? Конечно, если кули сразу же не поспешили на помощь, то нечего и надеяться, что они обнаружат его завтра. Они или не видели, куда он упал, или вообще, услышав вой, кинулись в другую сторону. И все же они должны были, обнаружив его отсутствие, отправиться на поиски! Стоило подождать до утра. И он решил подождать. Слово было за смертью.

Он вырыл в снегу небольшую пещерку и забрался туда. Но скоро почувствовал, что дыхание не может нагреть ее. Первыми начали стынуть ноги. Он стянул сапоги и начал разминать окоченевшие пальцы. Потом снял носки и растер ими ступни. Когда стали ощущаться первые горячие иголки, вновь обулся. И тут почувствовал, что холод сковывает сердце.

Вырвав из тетради лист, он подпалил сандаловую коробочку, которую нашел в сумке. Душный, бередящий память аромат наполнил снеговую могилу. Стало трудно дышать. Впадая в оцепенение, он начинал думать, что замерзает. Вырывался из сна, в котором тонул, как в густой темной жиже, пытался ощупать себя и опять проваливался. Вряд ли он сознавал тогда, что с ним происходит. Это была странная одурь, непобедимый болезненный сон. Он вдруг понял, что окончательно

но засыпает, а значит — умирает, и медленно стал уходить в густые глубины.

Но когда пришло утро, он проснулся. Лиловые тени густо заливали дно ямы. Она оказалась очень глубокой. Он вылез из снега, попрыгал немного, чтобы согреться. Культура йоги выручила и на этот раз. Вызванное из глубин памяти видение освободилось и окружило его. Майя, иллюзия ткала свою волшебную паутину. Белый, сверкающий песок протянулся вдоль всего побережья. Босые ноги зарывались в этот горячий и нежный песок, в котором прятались колючие, похожие на древние косяные гребни раковины. Мохнатые пальмы гнулись над коралловым этим песком, и тонкие ребристые листья их медленно дрожали над океаном в душных прозрачных струях. Солнце вспыхивало на воде ослепительно лоснящимися звездами и косыми столбами уходило в глубину. Он лег у самой воды. Ему было жарко и хорошо в кипящем воздухе между раскаленным песком и блистающим океаном. Он стал мечтать о прохладной мякоти кокосового ореха, и в руках у него очутилась веревка, привязанная к ошейнику маленькой ручной обезьяны. По его знаку обезьяна полезла по стволу в головокружительную синеву, где за острыми скелетами мощных листьев прятались зеленые спелые ядра.

Темное плоское лицо глядело на него с высоты. Низкий лоб, прилизанные волосы, выпуклые, но безволосые надбровные дуги. И глаза, горящие красноватым огнем глаза. Тей опять заверещал и вдруг бросил ему толстый, как манильский канат, стебель ползучей крапивы. Безотчетно он схватился за него руками. Канат натянулся, и он почувствовал, что его тянут вверх. Тогда он стал сам ползти по этому мохнатому стеблю, который жег даже сквозь рукавицы. Но он не чувствовал боли. Круг неба ширился, а темный край ямы приближался.

Когда он оказался уже на поверхности, его спаситель отошел от края ловушки почти на всю длину стебля. Тей вытягивал его, пятась от ямы. Они стояли друг против друга, соединенные пятидесятифутовым крапивным стеблем, еще натянутым прежним усилием.

Первым опомнился тей. Он опять резко заверещал, вырвал из рук человека стебель и ушел, волоча его за собой. Он скрылся, ни разу не обернувшись, за каменной грядой, заросшей можжевельником. И четкая цепочка его следов темными пятнами отпечаталась на утреннем снегу.

Р. Н. пришел в себя от ощущения, что вновь замерзает. Но не хватало сил опять погрузиться в зыбкое марево самовнушения. Полнейшее изнеможение, обессиливающая опустошенность овладели им. Он опустил-ся на снег и пролежал некоторое время, безучастный ко всему. Заставил себя встать и побрел по белому полю на подкашивающихся ногах, пылая от лихорадки и дрожа от холода. Все пути были для него безразличны. Он не сознавал, где находится и куда идет.

Когда солнце поднялось в зенит, он добрал до каких-то скал, которые, как узкие ворота, пропускали тропу. За скалами открылась равнина, покрытая той жалкой растительностью, которая следует сразу же за снеговой линией. Не отдавая себе в том отчета, он понял, что вышел на перевал Сэмарум. Здесь не леденела кровь в жилах и не шевелились волосы на голове. Но находила растерянность, наступала тоска; хотелось молиться и рыдать, но нельзя было ни рыдать, ни молиться.

Твердыня стен лежала внизу. По-разному освещенные солнцем, суровели пронзительной синью, медной зеленью и желтизной ртутных паров драконьи хребты гор. Пленки тумана бросали влажные сумрачные тени. Белые потоки водопадов застыли на отвесных обрывах. Тяжелым светом матово блестели льды.

Не хватало слов для описания дикой, совершенно отрешенной от привычного мира, равнодушной этой красоты. Человек был перед ней слепым, как крот, немым, как рыба, и крохотным, как самый жалкий муравей. Все здесь превышало разум. И нерожденные слова умирали перед бездной, которую нельзя измерить собой.

Р. Н. увидел отсюда и «Госпожу белых снегов» — священную для буддистов Чому-Канькар. Эта самая высокая гора мира состоит из трех пиков: два усеченных конуса и высочайший купол над ними. Никогда нога человека не ступала на божественную белизну снегов Чомы. К северо-западу за сизым туманом угадывались индиговые контуры гор области Шар-Камбу, к западу, за наполненной синим крахмалом пропастью, лежали невидимые в сиреневой мгле долины Фэйлен, Ялун и Дунькота.

Одинокий стоял он перед тем, чему и названия нет, потрясенный, исполненный благоговейного ужаса и восхищения. Слова «картина», «панорама», «вид», «ландшафт», «страна» и т. п. разбиваются в этих каменных стенах, как жалкие стекляшки. Это — синяя ладонь бога, на кончике ногтя которой стоит жалкий, испуганный человек. Вот что чувствовал он, когда следил, как курится туман в молчаливой стынувшей синеве. И благодарил судьбу за то, что она дала ему увидеть такое, прежде чем Кали оборвет пить.

Но постепенно тело его освободилось от оцепенения. Пока глаза и мозг впивали открывшееся перед ними непостижимое, тело страдало от холода, хотело есть и отчаянно протестовало против смерти. Оно явно не желало умирать. Душе не оставалось ничего иного, как прислушаться к брэнной своей оболочке и попытаться понять ее. После чудесного избавления из снежной могилы тело могло надеяться и на новые чудеса. И бесплотная

душа медлила поэтому соединиться с курящимся внизу туманом.

Одинокий человек, затерянный в величайшей горной стране мира, среди снегов и мороза, без крупинки цамбы и оружия, — этот человек хотел жить.

Он знал, куда надо было идти, но нигде не видел дороги. Все утонуло в снегу. Тогда, решив прибегнуть к испытанному способу, сел на снег и понесся по довольно пологому склону. И тишина ожила. Ветер зашвистел в ушах, зашуршал разрезаемый снег. Замороженное наваждение рассеялось. Он уже знал, что если сумеет продержаться пять-шесть дней, то останется жить. Все зависело от того, найдет он пропитание или нет. Среди снегов об этом нечего было и думать. Но он летел в клубах радужной пыли вниз, на несколько сот футов вниз. Он не располагал ничем, кроме денег, и спешил вниз, где эти бессмысленные диски приобретали магическую власть.

Опять начинались безумные гонки. На этот раз предстояло состязаться с голодной смертью. Спуск замедлился. Снежный шар остановился на равнине. За ним высоко в горы тянулась голубая извилистая борозда.

Он отряхнулся, протер запорошенные глаза. Сложив руки лодочкой, дыханием отогрел замерзшие ресницы. Вокруг было ровное белое поле. Он достал шелковый шарф, проделал в нем крохотные дырки и завязал глаза, чтобы не ослепнуть от сверкающих снегов. Он мог теперь видеть лишь то, что лежало прямо перед глазами. Но видел зато резко и ясно. По белому полю тянулись следы. Он различал птичьи крестики, петлистые пути зайцев, грациозные дуги следов снежного леопарда.

Увязая в снегу, побрел к черневшей невдалеке верхушке скалы. Там можно было оглядеться и выбрать

подходящую дорогу. Долго идти через снег он не мог. Здесь ничего не стоило пропасть. С какой тоской вспомнил он своих яков, этих благородных животных, которых осмеливался ругать за упрямство!

Надвигающаяся ночь грозила стать последней. В холодных странах человек гораздо быстрее теряет силы без еды, чем в родной его Южной Индии. Еще два перехода он, может быть, и сделает, но на последнем дыхании. Ночь убьет его уже сегодня, если не удастся найти подходящее укрытие. Теплый ночлег мог дать короткую передышку в этой гонке. А там посмотрим... У скалы внезапно обозначилась потерянная тропа. Крутыми извивами она сбегала в речную долину. Снеговая граница казалась очень близкой. Р. Н. немного приободрился; надеясь через какой-нибудь час вырваться из снежного плена.

Справившись с записями, он понял, что вышел к истокам реки Кабили, впадающей потом в Намга. Если идти против течения, то река приведет к перевалу Нанмо, вблизи Чжонри. Он повернулся лицом к юго-востоку, где, по его предположениям, находился перевал. Серая змейка реки терялась в синеватой белизне снегов. Расположенный на небольшой высоте перевал был совершенно непроходим. Такие ранние снега называют здесь шинса-пахмо. Они исчезают обычно в одну ночь. Но как часто приходится неделями дожидаться такой ночи.

Наконец он пересек границу снега. Белые линзы попадались еще в тени можжевельниковых кустов, в ямах и рытвинах блестела талая вода. Но вдоль дороги росли рододендроны и острые колючки с красными ягодами. Дорога уходила вниз. Зима осталась за плечами. Реку, за исключением тех мест, где она суживалась и черным стремительным потоком неслась по камням, покрывал мутный желтоватый лед. Грустно блестели в подслепо-

ватом закатном свете склоны горы Чжуонга. Там росли черноствольные, с серебристой хвоей сосны.

Уже в сумерках вышел он на широкую равнину Намга-Цаль, что значит «Роща радости». Великий буддийский патриарх Сиккама Лхацунь отдыхал здесь после трудного похода по землям народа лхопа, где проповедовал свое учение. Лхацунь пришел в восхищение от этой прекрасной долины. Сидя под исполинским кедром дуншин, он с тихой улыбкой оглядел голубые холмы и серебристые сосны. «Радость овладела здесь моим сердцем, — сказал патриарх ученикам, роняя светлые слезы. — Пусть это место станет отныне священным».

С тех пор «Роща радости» стала священной, а пещера, в которой несколько дней прожил патриарх, сделалась объектом ежегодного паломничества.

Все свои надежды он возлагал именно на эту пещеру. Сумерки быстро сгущались. До пещеры добрался уже в полной темноте, ползком. И буквально вкатился под каменный полог. Замолк шум ветра, стало теплее. Сначала поразил какой-то неприятный запах. Но Р. Н. скоро привык и перестал его ощущать. Потом провалился на самое дно густого, душного сна. Его обступили кошмары. То он падал в синие облачные ущелья и летел бесконечно вниз, разрывая грудь в мучительном немом крике, то его накрывала снежная лавина, под которой он медленно умирал от удушья. Однажды он почувствовал жаркое гнилостное дыхание какого-то зверя и ощутил на своем мокром от пота лице его шершавый язык.

Ночь длилась и длилась, жаркая, изнуряющая ночь.

Когда он проснулся, мутный рассвет уже просачивался под своды пещеры. Было тепло и мягко. Р. Н. разлепил обветренные воспаленные веки и с ужасом увидел, что обнимает большого снежного леопарда.

Зверь блаженно вытянулся на боку и гибкой тяжелой спиной своей прижал его к стене. Сначала он подумал, что все еще спит и ночь разворачивает перед его внутренним взором очередной кошмар. Но быстро убедился, что это не так. Мощный царственный зверь лениво посапывал, отворотив от человека усатую морду.

Потрясение оказалось настолько сильным, что на Р. Н. снизошло странное оцепенение, которое перешло потом в мертвый сон.

Во второй раз он проснулся уже от прямых солнечных стрел. Зверь покинул пещеру, но человек проснулся с тяжелым чувством тревоги. Вновь мелькнуло убеждение, что все происходило лишь во сне. Р. Н. осмотрелся. Он был весь облеплен колючими кошачьими ворсинками. Рядом с его ложем в примятом мусоре запутались клочья свалывшейся шерсти. В углу валялись окровавленные ребра чьей-то грудной клетки. Над вянущими красноватыми лохмотьями сонно вился столбик мошкары.

Р. Н. вскочил на ноги и крадучись пробрался к выходу. Большие кошачьи следы уходили по пыльной тропе к снежному перевалу. Вернулся в пещеру и осмотрел остатки кровавого пира. Барс зарезал овцу. Должно быть, он унес ее из ближайшего селения.

И тут случилось то, о чем он долго потом вспоминал с отвращением и мукой. Убежденный, наследственный вегетарианец набросился на эти уже чуть тронутые разложением объедки. Даже не потрудился разжечь костер и поджарить мясо. Он рвал зубами сухожилия и дробил кости, высасывая густой белый мозг.

Когда, сытый и отяжелевший, как боа, он выполз из пещеры на дневной свет, его мучила тошнота. Очень хотелось пить. Еле дотащился до ручья. Скользя на гладких округлостях льда, ползком пробрался к темным дымящимся глазкам воды. Выплюывая тонкие не-

видимые льдинки, кое-как напился. От стужи ныли зубы, ледяным обручем сковало виски.

В прибрежных камышах он содрогнулся от жесточайшей рвотной спазмы. Совершенно измочаленный, свалился он на оттаивающую под жарким солнцем землю. Нежный пар струился в безоблачную синеву. Тихо покачивались желтые на концах сухие камышовые листья.

Но к полудню он уже чувствовал себя почти хорошо. Силы заметно прибавились, голод уже не терзал столь ожесточенно и остро. Гостеприимство зверя спасло ему жизнь.

И тут только впервые задумался он над тем, почему снежный леопард не тронул его.

Он не раз слышал от тибетцев и читал в священных книгах, что снежный леопард никогда не нападает на человека. Даже смертельно раненный, не бросается он на охотника, а уползает прочь, растапливая снег горячей алой лентой. Почему?

Люди не знали ответа, священные книги об этом умалчивали. Это была одна из тех тайн Тибета, о которых не очень любят говорить. Своими корнями она уходила в беспросветную древность, о которой бесполезно задумываться, бесплодно гадать. Где-то в недоступной глубине прятались ответы на все вопросы Р. Н. Но невозможно приблизиться, страшно и обидно искать. Какой-то иной разум, что-то значительно большее наших возможностей постигать проглядывалось, а может быть, лишь смутно мерещилось в этой глубине.

Одно Р. Н. знал твердо. Могучий зверь облизал его пылающий лоб и воспаленные глаза, согрел своим телом, дал приют, поделился остатками трапезы и ушел, не дожидаясь благодарностей, не помышляя о дружбе.

Он натаскал в пещеру сухих и пахучих трав. Устроил леопарду мягкое, удобное ложе. И ушел по своей тропе,

стараясь не думать о звере, как и тот не помнил о нем, наверное, на путях своих.

Перейдя два потока с топкими берегами, Р. Н. стал подыматься через чашу рододендронов, в которой бежали зеленые фазаны, удивительно похожие на попугаев.

Он нашел несколько спелых кедровых шишек и подкрепился орехами. Очевидно, они были сорваны ветром. Все другие шишки оказались вылущенными белками.

По хорошему мосту из кедровых стволов и еловых досок он перешел через Ялун. Начинались обитаемые места. Кажется, он выиграл на этом этапе гонок.

Дорога круто взбиралась на высокую гору Чуньчжо-рама. В переводе с тибетского это означает «Собрание каскадов». В одном переходе отсюда должен находиться монастырь Дэчань-ролла. Говорят, что предшественник тамошнего настоятеля посетил при жизни рай племени лепча-Напэматан, в который попали только шесть праведных семей.

В трех милях от Дэчань-ролла-гомба * находится небольшая деревушка Ялун. Ее жители летом пасут яков, а зиму проводят в долине реки Кабили.

Если удастся добраться туда, он будет спасен. В это время года легко купить яков и нанять проводников.

Тропа вилась вдоль обширной морены. Огромные красные валуны поросли карликовым можжевельником и тамариском. Часто дорогу преграждали обвалы. Камни, комки сухой глины, опутанные причудливой паутиной корней.

Р. Н. решил дать несколько миль лишку и пройти через Миркань-ла, Паньбо-ла и Зинань-ла. Но не только потому, что эти перевалы было легче взять. Сильнее всего привлекало ущелье Маньда-пуг, затаившееся между двумя склонившимися друг к другу гигантскими

* По-тибетски гомба означает обитель.

валунами. Все дело в том, что там жили люди куда более простые, чем в Ялуэ. Они не видели тибетской стражи, о деньгах знали только понаслышке и охотно нанимались в проводники.

Семь лишних миль... Нельзя рассказать, что значит это для истощенного, измученного путника. Понять это может лишь такой же одинокий и несчастный путник. Но на коротком пути его почти наверняка ждет стража. А что значат эти семь лишних миль по сравнению с тем, что уже пришлось перенести?

Р. Н. добрел до этого убогого людского жилья в полубезумном состоянии. Упал около колодца, испытывая какое-то неизъяснимое блаженство. Так, наверное, наступает смерть. Его некогда шикарный наряд странствующего ламы был изодран, покрыт грязью и черными пятнами одиноких голодных костров.

Измощенного человека внесли в хижину, уложили на шкуру яка поближе к огню, дали кружку с тибетским чаем, заправленным маслом. Он выпил ее с жадностью и знаками попросил еще. Только после второй кружки к нему вернулась речь. Он сказал, что ехал из Непала поклониться тибетским святыням, но во время пурги оторвался от каравана и заблудился.

— Нельзя ли нанять здесь яков и проводника? — спросил он хозяина хижины, который, слушая, сочувственно кивал головой.

— Отчего же? Завтра вернется наш старшина и поможет вам найти подходящего человека.

Он подарил хозяину большую серебряную монету и с наслаждением вытянулся на колючей засаленной шкуре, ощущая всем телом ласковое тепло огня. Ему принесли рис и горный лук. Он ел медленно, с трудом сдерживая отчаянную жадность, чувствуя, как нетерпеливо дрожат руки. Сразу набрасываться на еду очень опасно. Но как трудно сдержать себя... Глаза слипались.

Он выпил настой из диких абрикосов, который возвращает силы, сразу же заснул и проспал почти сутки.

Потом еще день провалялся на шкуре, беседа со стариками, засыпая порой ненадолго и испуганно просыпаясь. Кости ныли от сладкого томления. В желудке ощущалось блаженное тепло. Он отдохнул за эти дни, даже немного отъелся. Ему так не хотелось пускаться в путь! Казалось, он достиг рая, в котором хотел бы остаться навсегда. Но это был лишь слепой зов телесной оболочки, которая устала от мучений и не хотела новых испытаний.

Все же на четвертый день он пустился в дорогу. Его сопровождал высокий молчаливый проводник лепчу. В караване было три яка, один из которых нес припасы: рис, цзамбу, коровье масло, лук и чан в деревянных бутылках. Остальные яки шли без поклажи, потому что ее не было.

Зеленые рощи в глубоких долинах ласкали глаз. Р. Н. отдыхал от долгого созерцания голых скал и заснеженных перевалов.

В один переход добрались они до горы Яматари, посвященной грозным богиням мамо. Все кусты рододендронов были увешаны белыми и красными флажками, оставленными здесь бесчисленными прохожими. Проводник тоже прицепил длинную, похожую на бинт, белую ленту: «Пусть минуют все беды и гнев грозных мамо пройдет стороной, как дальняя гроза».

Проводник, заметив, что Р. Н. крайне утомлен, взял его к себе на плечи и нес так до самого Тама-ла. Из-за крутизны дороги ехать верхом на яках было опасно и трудно.

Но за перевалом путь стал легче.

Около полудня они достигли реки Яматари, куда впадали вытекающие из Каньчаньчжинга ручьи. Она течет по узкому и очень красивому ущелью между крутых

высоких скал, на вершинах которых пронзительно сияют глетчеры. У подножья растут дремучие лиственницы и пихты, покрытые золотисто-зеленой бахромой мха, который шелковисто шевелится под ветром, как перья павлина.

Яки перешли реку по маленькому мостику и стали подниматься к деревне Чжюньсар. Некоторые дома были пусты, на порогах других сидели старые женщины и чесали шерсть.

Старшина упросил гостей остановиться у него на ночь.

— Все равно вы не одолеете перевал засветло, — сказал он, перестав наконец кланяться и высовывать язык. — Лучше провести ночь в тепле, чем под открытым небом. Пусть святой человек не побрезгует нашим гостеприимством. Мы только что сварили чан из отборного ячменя.

Р. Н. согласился. Тибет научил его ценить удобства и теплый кров, и он уже не рвался вперед так неудержимо, как в самом начале путешествия.

Он вошел в дом и расположился у огня, который жарко пылал посреди помещения, разливая тонкий волнующий аромат.

Как только гости уселись на приготовленных для них подушках, жена старшины влила в деревянные бутылки с пивом немного кипятку. Оно заиграло, и горьковатый ячменный хмель нежно влился в дикие ароматы костра.

В честь богов сожгли немного можжевельника и сосны, поставили перед гостями тлеющие курительные свечи.

Р. Н. с наслаждением ел картофель и ароматный рис. От мяса, однако, воздержался, вспомнив при этом, как жадно лакомился объедками в пещере леопарда. На горлышке пивной бутылки по обычаю лежал шарик

коровьего масла. Р. Н. проглотил его и выпил немного хмельного, чуть кисловатого чана. Старшина угостил поистине по-королевски. Перед тем как устраиваться на ночлег, Р. Н. подарил хозяину последний свой шарф из синего шелка и две рупии.

Утром пили чай, которым хозяйка угощала из фарфоровой чашки. Такая форма учтивости соблюдается тибетцами лишь по отношению к людям высшего класса; лица же с равным или более низким положением пьют обычно из деревянных чашек, которые носят за пазухой.

После торжественного чаепития перед гостями поставили на маленьком столике картофель, поджаренный маис, масло и молоко. Все оказалось превосходным. В первый раз за все путешествие Р. Н. мог поесть так вкусно.

— Не советую вам идти на Валлун, — сказал хозяин, потягивая чан. — Вы встретите там много трудностей. Лучше всего вступить в Тибет через перевалы Янма и Канла-чэнь. Они открыты даже в такое позднее время, как теперь.

Эти слова звучали для Р. Н. сладчайшей музыкой. Ему предстояло вступить в Тибет! Неужели это правда? Неужели все позади и остался лишь этот последний шаг?

О том, что ожидало его в самом Тибете, он старался тогда не думать.

...Проводник остановил яков у голубой скалы. Высеченные в ней ступени круто поднимались вверх и терялись в черной колючей дыре. У подножья рос колоссальный гималайский кедр, увешанный разноцветными ленточками. Р. Н. заметил его еще издали. Казалось, дерево цело.

— Надо испросить у Пэмазана хорошего пути, — сказал проводник, указывая на дыру в скале.

— Кто это, Пэмазан? — спросил Р. Н.

— Великий святой. Он из племени камба — заклинатель дождя. Если его рассердить, он может послать бурю.

Они поднялись в пещеру. После яркого утреннего неба под сводами ее ничего нельзя было разглядеть. Но глаза вскоре привыкли, и Р. Н. увидел аскета, в позе Будды сидящего на охапке соломы. Узкие, прямые, как дощечки, ладони его были сложены одна над другой и ребром касались впалого живота. На языке пальцев это был знак нирваны. Широко раскрытые, привыкшие к вечному сумраку глаза глядели сквозь прищельцев, переливаясь чуть стеклянистой влагой.

Они долго стояли под слепым и пронзительным взглядом архата. Казалось, он не дышит. Резко обозначенные ключицы и ребра его не шевелились. Р. Н. подошел к нему, поклонился и положил в железную нищенскую чашу пять серебряных рупий. Заклинатель дождя остался недвижимым, как изваяние. Проводник прошептал молитву и пошел к выходу. Р. Н. поглядел еще с минуту на темную бронзу высохших рук, которые оплетали, как сухие лозы, тугие черные жилы, и тоже направился к резко очерченному пролому, в котором дрожала солнечная синева.

И тут он услышал за спиной смех, неприятный, скрежещущий, злобный. Хотел обернуться, но небо перед ним потемнело, и мохнатые снежинки заплясали в нем, как пыль в луче.

— Иди! Иди! — словно ворона закаркали сзади. — Все в руках того, кто вяжет и разрешает. Как свяжется, так и сбудется. Но не по воле твоей. Воля твоя — дым, воля твоя — снег на солнце. Убирайся, глупец!

Р. Н. выскочил из пещеры и запрыгал по каменным ступеням, словно спасаясь от погони. Темный страх и тоска какая-то замутили душу. Он огляделся, будто

пробуждаясь от тяжкого сна. В безоблачном небе ослепительно сверкало влажное солнце.

Они пустились в путь в полном молчании. Р. Н. пытался прогнать тягостный осадок. Не ему — уроженцу Южной Индии — принимать это близко к сердцу. Он не раз видел и фокус с канатом, и вырастающее на глазах из семечка апельсиновое дерево со спелыми плодами, знал многие секреты йогов. То, что случилось теперь, и в сравнение не шло с жуткими опытами в подземных храмах Шивы. Откуда тогда этот гнет, эта серая тоска под сердцем? Неужели его так сильно могла поразить неожиданность?

— А на перевалах беспокойно, — сказал проводник, кивнув на матовую серебристую полосу, которая оконной изморозью легла на синее стекло горизонта. — Тут есть поблизости монастырь. Может, заночуем там? Если с утра будет хорошая погода, тогда и тронемся со спокойной душой.

Р. Н. уже был не тем, кто выехал некогда из Дарджилинга с хорошо оснаренным караваном. Тибет многому научил его. И он тут же согласился.

— Хорошо, — сказал он. — А что это за монастырь?

— Очень старый. Его зовут Таши-чос-дин. Теперь там живет только один лама со своей ани.

Это заинтересовало Р. Н., но он не подал и виду и не стал расспрашивать проводника дальше. Слово «ани», вернее «анэх», обычно употребляется для обозначения жены, наложницы или монахини. Красношапочная секта позволяет и то, и другое, и третье. Но в данном случае речь, по-видимому, шла о монахине, живущей в конкубинате* с ламой. Такое часто встре-

* Конкубинат — смешанный монастырь, где монахи живут в браке с монахинями.

чается в Тибете. Рождающиеся от подобных союзов дети воспитываются в монастыре и сами потом становятся монахами.

Монастырь действительно оказался почти заброшенным. Лама и его ани встретили их довольно любезно. На обед подали рис, редьку и мурву. Судя по всему, лама, или по-местному граба, жил очень скудно.

После обеда вышли на пустынный, заросший сорняками монастырский двор. Уединившись с ламой под тень старого абрикоса, Р. Н. ловко навел разговор на заклинателя дождей. Темный, полуграмотный лама затрясся, как пихта под ветром.

— Вы его ничем не обидели? — испуганно спросил он.

— Ничем, — твердо сказал он, испытывая, однако, гнетущее сомнение.

— А что он вам сказал?

Р. Н. почти дословно передал слова аскета, невольно подражая его скрипучему голосу.

— И больше ничего?

— Как будто больше ничего, — задумчиво ответил Р. Н. — Впрочем, когда я уже покинул пещеру, мне показалось, что святой крикнул мне вдогонку: «Свяжется не по воле твоей». Но это ведь только повторение уже сказанного. Не правда ли?

— Пэмазан никогда ничего не говорит впустую, — тихо сказал лама, недобро улыбаясь. — Он предупредил, что с вами случится что-то, чего вы ждете или же, напротив, избегаете. Но будет это не по вашей воле.

— А по чьей?

— На этот вопрос нельзя ответить, — сухо сказал лама. — Пойдемте, я проведу вас в комнату. Вы, верно, устали с дороги.

Комната оказалась необыкновенно чистой и очень бедной кельей. На глиняном, но отполированном, как

мрамор, полу лежал матрас, набитый можжевельной и кедровой хвоей. В углу стояли чайник и кружка. Напротив окна на стене висела полочка, на которой стоял бронзовый Майтрея. Перед ним тонкой голубой струйкой, медленно зеленея, таяла курительная свеча. Вот и вся комната. Но пахло в ней удивительно сладко и вкусно.

Впервые после потери каравана Р. Н. мог сделать запись в дневнике. Коротко пересказал все случившееся. Потом подробно описал монастырь и все, что сумел выпросить о нем у ламы.

«...Говорят, что верхняя часть долины Канпа-чань была первоначально заселена тибетцами, называвшими себя шерпа или шарпа — «восточные», которые пришли из Восточного Кирата. В древнеиндийских ведах это племя зовется млеча.

Ниже по долине жило племя магар из Непала. Магарский вождь подчинил себе шарпов и обложил их непосильной данью. Шарпы задумали убить вождя. И вот, когда он вместе со свитой выехал на дорогу, ведущую к деревне Канпа-чань, из зарослей можжевельника выскочили шарпы. Они стащили с коней князя и его приближенных и перебили их всех до одного. Так как о князе не было ни слуху ни духу, его жена сама отправилась в мятежную деревню. Но на все вопросы шарпы отвечали только одно: «Князь к нам не приезжал, и ничего мы о нем не знаем». Княгиня вынуждена была возвратиться домой. Но когда она ехала по берегу реки, на дорогу вдруг выкатился облепленный черной глиной камень. Камень упал откуда-то сверху, потому что берег этот подмывала вода и он постепенно обрушивался. Княгиня подняла голову и увидела, что из осыпавшейся после падения камня дыры вылетел рой мух. Тогда она велела слугам раскопать это место, и те обнаружили искалеченные трупы князя и его свиты.

Княгиня велела погрузить трупы на лошадей и отвезти их к речной излучке.

Там, недалеко от вероломной деревни, была устроена пышная тризна, на которую пригласили всех жителей. Сначала княгиня налила вина магарам, которые выпили за душу своего князя и уступили свои места шарпам. И на этот раз княгиня наполнила чашу каждого гостя, но уже отравленным вином. Девятьсот сорок шарпов так и не поднялись после пира, а дети их были уведены в рабство.

Место, где свершилась страшная месть, называли Тоншон-пуг «Место тысячи убийств». Немногие чудом уцелевшие шарпы принесли весть о злодейских убийствах в Тибет. Оттуда они возвратились с большим войском и осадили крепость, в которой заперлась княгиня.

Крепость эта выглядела неприступной, и тибетцы решили взять ее измором. Для этого они прорыли канал и отвели питающие крепость воды. Но княгиня, чтобы обмануть врагов, велела открыть запасной резервуар, и бурный поток обрушился прямо на тибетский лагерь. Решив, что в крепости воды много, тибетцы сняли осаду и отступили. Тогда воинственная княгиня сама ударила на них. Битва была жестокой, но тибетцы все же одержали победу. Княгиня погибла в бою, а магары бежали в горы, оставив долины Канпа-чань и Тамбур их законным владельцам — шарпам».

Р. Н. отметил, что этот рассказ больше похож на подлинное историческое свидетельство, чем на очередную легенду, которых собралось у него довольно много. Так сквозь фантастическое марево мнимых и действительных чудес стали просвечивать контуры тибетских реалий.

На другой день небо над перевалом выглядело еще более грозным, и Р. Н. решил провести в монастыре еще одну ночь. Его проводник купил кяры — сапоги

для хождения по снегу. Р. Н. узнал от работавшего на монастырском дворе кули, что он недавно перешел в таких сапогах через заснеженный перевал Кап и побывал в Чжонри.

Вечером лама распорядился заколоть козленка, кровь которого собрали в хорошо вымытые кишки, наполовину заполненные цамбой. Потом кровяные колбасы сварили и уложили в плетеные корзины.

Проводник сказал, что это лучшая еда для путешественников, которых застигает на перевалах непогода. Р. Н. помалкивал. На следующий день грозные признаки на горизонте стали еще грознее. Но Р. Н. уже надоел монастырь, и он предложил проводнику перебраться в расположенную к западу деревню. В ту самую Канпа-чань, которую постигла некогда такая жестокая кара.

Когда они пришли туда, Р. Н. сразу же вспомнил заклинателя дождей. Не его воля, а лишь мутная завеса над голубыми зубцами гор сотворила эту встречу. Только близкое несчастье заставило его задержаться в монастыре.

В доме старшины к нему бросился, радостно высунув язык, Пурчун. Он привел сюда яков (их осталось два), надеясь дождаться хозяина у перевала Нанго.

— Я думал, что, если бы вы уцелели. — захлебываясь, рассказывал Пурчун, находясь в обычном радостно-хмельном состоянии, — вы бы обязательно вышли к Нанго-ла. Другого пути нет. Я хотел ждать вас десять дней. Если бы вы не пришли, то, значит, вы умерли. Тогда бы мы с Чаном разделили между собой яков и имущество.

Потом Р. Н. узнал, что Чан тоже пребывает в добром здравии, хотя и нельзя установить, где он находится в данный момент, поскольку напился еще с утра. Поклажа тоже в большей своей части уцелела.

— Тей забрал себе яка, на котором были рис и цзамба, — продолжал свое повествование Пурчун. — Ружья и подарки не нужны тебе. Он забирает у людей только еду.

— А куда вы девались тогда, Пурчун?

— Когда вы бросились вдогонку за теем, мы убежали, — простодушно улыбаясь, ответил он. — Тея нельзя преследовать. Если он что берет, у него не надо отнимать. Таков закон. Мы очень перепугались и убежали. А когда вернулись на то место, вас не нашли. Потом Чан увидел ваш след рядом со следом тея. Мы не пошли туда, куда вас повел тея, а направились в обход, к ложбине. Там опять увидели ваш след, но на этот раз его пересек снежный леопард. Я долго молился тогда за вас, и Чан тоже молился. Мы решили идти к Нанго-ла. За десять дней живой человек всегда дойдет туда. А мертвому зачем яки и товар? О мертвом позаботится владыка рая Амитаба.

Р. Н. видел, что Пурчун до слез рад встрече. Если бы он не ушел тогда от ледяной ямы, они бы с Чаном нашли его.

Да, лама Лобсан-чжяцо умел подбирать людей. Эти были глубоко преданы. На такое Р. Н. даже не рассчитывал. Он опять подумал о заклинателе дождей. Не будь его каркающего предсказания, он бы вряд ли послушался проводника и, невзирая на полосу в небе, пошел бы к перевалу. И кто знает, что могло за этим последовать. Он бы мог благополучно спуститься вниз, а мог и погибнуть в снежной буре. И в обоих случаях ему не суждено было соединиться с пропавшим караваном. Кому-то дано связывать и разрешать. Помимо воли нашей творить наши судьбы. Кому? Случаю?

Ему вдруг пришло в голову, что Пурчун мог до него посетить пещеру заклинателя дождей, чтобы испросить дороги. Если тот расспросил Пурчуна...

— Скажи, Пурчун, вы не заходили в пещеру Пэмазана?

— Как же! Заходили. Я и красную ленточку привязал к священному дереву.

Теперь оставалось только спросить, не сообщил ли Пурчун заклинателю о нем, Р. Н. Но что-то неясное мешало ему задать этот вопрос. Какой-то осадок на самом доньшке сердца, память о той растерянности и тоске. Он больше ни о чем не спросил Пурчуна. И на душе стало легко и свободно.

Из деревни Канпа-чань Р. Н. вышел с большим караваном. У него были груженые припасами и подарками яки и непальские лошади, которых сопровождали кули. Но кули и лошади были наняты лишь на полпути. Им предстояло возвратиться с перевала Нанго. Новый проводник остался в деревне. Встретившись с Пурчуном и Чаном, Р. Н. уже не нуждался в его услугах. Дав ему сверх установленной платы пять рупий и меховую шапку, он расстался с ним, пообещав нанять его на обратном пути.

Впереди каравана важно выступал Пурчун. Он нес хозяйское ружье, как знак своего высочайшего положения в отряде. Главное украшение ружья — красный холщовый чехол — непостижимым образом потерялось. Пурчун высказал предположение, что его унес тей. Ама — старые женщины деревни — поджидали путешественников на восточном краю моста с чанкелом — традиционным кубком вина и блюдечком поджаренной цзамбы, как это водится в Тибете при проводах в дальнее путешествие. Каждая женщина наливала немного вина в фарфоровую чашку, бросала туда щепотку муки и просила каждого выпить глоток, желая при этом благополучного возвращения. Пурчун, который сделался за короткий срок любимцем деревни, ухитрился выпить почти все прощальное вино. Остальное выпил Чан.

Р. Н. дал женщинам две рупии и пришпорил лошадь. Они ехали вдоль реки, принимавшей в себя множество ручейков. Каждый ручей приводил во вращение крыльчатку с молитвенными цилиндрами. Недаром вода в этой реке считалась святой. Путь лежал через густой лес по направлению к Даба-нгоньпо, где добывают знаменитую синюю глину, из которой лепят фигурки божеств.

С тайным ужасом следил Р. Н. за тем, как все чаще стали появляться меж кедровыми стволами снежные языки. Опять снега! И тут же он радовался, что рядом люди, что он не один и верные яки несут вьюки с удобными палатками.

Подъем на Нанго-ла шел уже по глубокому снегу.

По дороге они повстречали жителей деревни Яима, гнавших стадо овец и дюжину яков, груженных одеялами, кожами, ячменем и солью. Они шли в соседнюю деревню обменять свое добро на рис и кукурузу. Пурчун спросил у них, доступен ли еще перевал Кан-чэнь. Одни сказали, что он совершенно свободен, другие уверяли, что там лежит снег в три фута.

Миновав посвященную богине Мамо пещеру, пересекли можжевельное плато и поднялись на Кан-чэнь. Снегу на перевале не было. Вокруг развалин древней крепости сгрудились угрюмые замшелые валуны красного гранита, а далеко впереди лежала окруженная голубыми заснеженными горами равнина. За ней находился и перевал Нанго.

К вечеру они достигли монастыря Маньдин-гомба, построенного на широкой, покрытой кустарником террасе. Здесь Пурчун нашел для Р. Н. жалкую келью. Еще он успел достать несколько яиц и чайник молока. Старая ани развела огонь и приготовила ужин. Ламы в это время сидели за ганьчжуром, чтение которого продолжается с пяти часов утра до восьми вечера.

Ганьчжур — это «перевод заветов» Будды, большой сборник канонических буддийских сочинений числом 1083, которые были кодифицированы в Тибете. Сюда вошли главным образом сочинения, составленные индийскими учеными и переведенные затем с санскрита на тибетский язык. Они делятся буддистами на группы (трипитака): виная, или правила монашеской жизни, сутры, или поучения Будды по разным вопросам, мистический ритуал — тантры и абидарма — метафизическое учение, проповедующее высший разум (праджня-парамита). Обыкновенно ганьчжур состоит из 100 или 108 томов.

Р. Н. пришлось выдержать настоящий экзамен по ганьчжур. Местный лама, очевидно, решил проверить, действительно ли его гость тот лама-паломник, за которого себя выдает. Кажется, испытание прошло благополучно. Они даже поспорили по одному темному вопросу тантрического характера. С преувеличенным пылом Р. Н. старался убедить своего собеседника не понимать под мистическим «ма» дословный призыв воссоединиться с женщиной. Тот молча кивал, и Р. Н. не мог разобрать сначала, соглашается он или нет. Но потом, увидев молоденькую ани, Р. Н. понял, что лама кивал просто из вежливости.

Пурчун не показывался в течение всей ночи. Р. Н. не сомневался, что он пьянствует. Но он был уже не тем, кто покинул два месяца назад Дарджилинг. И ничто не могло уже поколебать его хорошее отношение к этому незлобивому и, в сущности, бесхитроственному гуляке. Единственное, чего он боялся, — это как бы Пурчун не проболтался о нем своим собутыльникам. После почти не прикрытого допроса и экзамена на темы буддийской мистики его опасения только возросли.

Утром явился и Чан и, усердно кланяясь и высывая язык, стал умолять задержаться здесь на один

день. Чан уверял, что ему без особых затруднений удастся получить разрешение продолжать путь.

— Не надо будет даже платить чуа*, — клялся он, тяжело отдуваясь после трудной ночи. — Все равно без разрешения нам дальше ходу не будет. Тибет — это не Непал. На перевале Нанго нас обязательно задержат для выяснения. Лучше уж потерять день здесь, где нам так хорошо.

Р. Н. невольно улыбнулся. Ему было совершенно ясно, чем продиктована столь самоотверженная забота об успехе путешествия. Но независимо от этого он понимал, что проводники правы. Если до сих пор экспедиции приходилось преодолевать лишь сопротивление природы, то теперь ей будут препятствовать люди. Опыт предшественников показал, что именно здесь таится самая большая опасность.

А к вечеру приехали местные старшины. Самый богатый из них носил круглую широкополую шляпу и халат из темно-красной саржи. Он приехал верхом на нечистокровном яке, которого называют здесь чжо. Р. Н. с нетерпением ожидал результата переговоров старшин с Пурчунем и, сильно обеспокоенный, молил высшего распорядителя судеб об успехе предприятия.

Наконец пришел Пурчун. Он сказал, что поутру придется опять поехать в монастырь Маньдин-гомба. Там старшины и настоятель удостоят господина беседы.

— Что это значит? — в тревоге спросил Р. Н. — Они что-нибудь подозревают?

— Они обязаны подозревать, сэр. Такая у них работа. Но я думаю, что все обойдется.

В эту ночь Р. Н. долго не мог заснуть.

Монастырь Маньдин-гомба, или Нуб-Маньдин-гомба («Западный монастырь летающих лекарств»), обязан

* Так в этой части Непала называется таможенная пошлина.

своим названием любопытной легенде. Одно время в этом месте, вблизи урочища Зимпуг, жил красношапочный лама Лхацунь. Тот самый, в пещере которого Р. Н. столь счастливо ночевал с леопардом. Святому ламе удалось добыть прямо из воздуха три пилюли чудодейственной силы. Одна из них упала на то место, где стоит теперь монастырь; другая достигла земли чуть поодаль, там, где жители деревни сжигают сейчас своих покойников; на месте падения третьей пилюли возвышается теперь высокий чортэнь.

«Монастырь летающих лекарств» — один из древнейших по южную сторону Гималаев. Он пользуется большим почетом у верующих. Здесь хранится редчайший экземпляр ганьчжура в 125 томах. Монастырский храм — лхакан * — славится дивными фресками, живописующими торжество Майтреи. По соседству расположены исключительно уродливые домики монахов. С перекосенными стенами, неправильной формы дверями и окнами, грубо размалеванные красной глиной, добываемой в горах. Каждый домик обнесен низкой каменной оградой, за которой находятся яки и овцы.

Р. Н. вновь занял ту келью, в которой провел уже не очень приятную ночь. Но на этот раз ему не пришлось долго томиться ожиданием. Вбежали Пурчун и Чан, подпрыгивая от радости.

— Хозяин! — закричал Чан. — Мы сказали старшинам, что вы накорпа **, который говорит по-тибетски и носит наш тибетский костюм.

— И этого оказалось достаточно? — удивился Р. Н.

— Не совсем, — пояснил Пурчун. — Вы понравились тогда настоятелю. Он сказал, что вы говорите по-тибетски даже более плавно, чем многие непальцы.

* Л х а — бог, к а н — дом; божий дом.

** Н а к о р п а — пилигрим.

Еще он сказал, что непальское правительство не давало инструкций задерживать пилигримов.

— А что сказал старшина? — поинтересовался Р. Н.

— Гопа велел Пурчуну поручиться за вас, — ответил Чан.

— Да, — важно кивнул Пурчун. — Старшина потребовал, чтобы я под свою личную ответственность поручился в том, что вы действительно паломник. Еще надо уплатить пошлину по восемь анна с человека.

— Значит, мы можем отправляться!? — От радости Р. Н. не мог усидеть на месте.

— Погодите, — сказал Пурчун. — Сейчас сюда придут гопа и главный лама пожелать вам счастливого пути.

— Ах вот как! — Он вновь забеспокоился. — Они придут только за этим?

— Так они сказали, — беспечно зевнул Пурчун. — Не забудьте только сказать им «санпой чжа чога». Так нужно.

Эти слова означают «до встречи в будущем году». Они должны подтвердить, что путешественники идут через непальские владения лишь на поклонение тибетским святыням и затем вернуться, как водится у пилигримов, на родину тем же самым путем. Вообще, доступ иностранцам в Непал был почти так же затруднен, как и в Тибет. Лишь для паломников местное правительство делало исключение.

Все это Р. Н. прекрасно знал. Итак, ему предстоял допрос, после которого он принесет традиционную клятву.

Вскоре прибыли и ожидаемые посетители. Темно-красный гопа в высоких тибетских сапогах и с длинной золотой серьгой в левом ухе слегка кивнул пандиту головой и снял шляпу. Главный лама так же молча поклонился и отошел в дальний угол. Кроме набитого

хвоей матраса, в комнате ничего не было, и они говорили стоя.

— Почему вы выбрали столь неблагоприятное время года для путешествия в Тибет? — спросил старшина, сосредоточенно покачивая на длинных лентах свою шляпу.

— Отнюдь не мое собственное желание заставило меня отправиться столь поздно, — объяснил Р. Н. — Я сделал это, исполняя повеление нашего святого и ученого главного ламы.

— Как зовут святого и ученого ламу? — спросил настоятель.

— Цавай. Надеюсь, это великое имя известно в Непале?

— Я слышал, что лама Цавай большой знаток Асвагоши? — Настоятель, видимо, избегал прямого ответа.

— Да. Святой лама Цавай — лучший, — Р. Н. сделал ударение на этом слове, — знаток этого великого индийского поэта, который воспел жизнь Учителя в несравненных стихах.

— На санскрите Асвагоша, кажется, означает «голос коня». Не так ли?

Р. Н. поклонился.

— Но, насколько мне помнится, великого поэта называли еще соловьем?

— Вы тонкий знаток, святой лама, — Р. Н. вновь поклонился. — Не мне говорить такому знатоку, что произошло однажды в саду.

— Я темный деревенский житель, — вмешался в «ученую» беседу старшина. — Озарите меня светом вашей мудрости. Ведь так редко приходится слышать умные речи.

— Я рад буду поведать вам эту небольшую историю, которую святой лама, конечно, рассказал бы куда

лучше... Однажды Учитель шел вместе с учениками благоухающим садом. Журчали ручьи. Дрожали ослепительные росинки в нежных складках распускающихся роз. Неторопливо текла беседа. И вдруг соловей увидел Лунноликого, пленился и, дрожа от восторга, запел. Тогда сказал, тронутый пением птицы, Будда: «Пусть же в новом воплощении он будет человеком». И душа соловья воплотилась в человеческом теле. Человека называли Асвагошей за гордость и горячий нрав. Но стихи его оставались соловьиной песней, славящей Учителя.

— Ласо, ласо*, — пробормотал старшина. — Как хорошо быть ученым.

— Да, только с Дгармаракшей можно сравнить пение Асвагоши, — вздохнул лама и зорко уставился на пандита.

— Именно он, — пылко вскричал Р. Н., — довел благоговейную повесть до законченности.

— Поэма о Будде — лучший цветок разума, — лама поднял палец с длинным, спирально закрученным ногтем. — «Молча на спящего Будду долго и грустно глядел». Жаль, не помню, что дальше...

Он думал: «Время утечет,
Улыбка лунная затмится.
Пусть первого меня влечет
Другого берега зарница.
Я первым покидаю мир.
Огонь погас, и кончен пир».

Асвагоша, Будда, Нирвана

— Вспомнил! Вспомнил! — прервал его лама. — Вы прекрасно прочли богоравные строки. Да, так думал Субхдра, глядя на погруженного в нирвану Учителя.

* Да, да.

ля. Потом, «сжавши ладони, отошел он от совершенного лика». Где вы так хорошо изучили тибетский язык?

— Святой Цавай знает его еще лучше, — дипломатично ответил Р. Н. И это была чистая правда.

— Такому человеку надо пухом выстлать путь в Лхасу! — обратился лама к темно-красному старшине. Как он все знает!

— Как хорошо быть ученым! — опять сказал гопа. — Простите, что я не принес вам подарка, — поклонился он.

Видимо, допрос был окончен.

— Мы знакомы с вами еще очень немного, — Р. Н. поклонился ему еще ниже. — Надеюсь, мы продолжим знакомство в будущем. — Он вручил заранее приготовленный алый шарф и отчетливо произнес: — Санпой чжа чог.

— До встречи в будущем году! — повторил старшина.

— Счастливого вам пути, — сказал лама.

Они еще раз поклонились и вышли из комнаты. Пурчун незаметно проскользнул следом за ними. Потом он передал содержание их разговора.

Лама. Хорошо говорит по-тибетски. Знает обычаи. Очень ученый буддист.

Старшина. Это так.

Лама. Все как будто говорит в его пользу... Но, с другой стороны, это истораживает.

Старшина. Бывают очень грамотные паломники.

Лама. Он, несомненно, индус. Готов в этом поклясться!

Старшина. Не доверяю я им.

Лама. Я тоже. Но мы ничего не должны иметь против индийских буддистов.

Старшина. В том-то и дело. Нет у нас оснований его задерживать.

Лама. А может, и не надо задерживать. Ведь декабрь...

Старшина. И то правда! Перевалы все в снегу. Несомненно, он погибнет в снегах, и слуги вернутся назад с известием о его кончине.

Но что ему было за дело до этих речей? Впрочем, Р. Н. извлек и некоторую пользу из этого разговора. Очевидно, небольшая доля невежества не только не вредит, но, напротив, является лучшей рекомендацией лояльности. Это следовало учесть на будущее.

Было уже далеко за полдень, когда они наконец выступили.

Дорога шла вдоль берега реки Янмы, которая еле угадывалась под снегом и льдом. Было тихо и печально. Над ущельем дул ветер, сдувая белую пыль с каменных стен. Шаги заставляли сухой снег натужно скрипеть и пробуждали скорбное эхо. Редкие пихты казались белыми призраками, внезапно вырастающими из земли. Так внезапно появлялись они среди белого поля, оцепеневшего под бесцветным небом.

Шагалось довольно легко, но как-то невесело. Яки сделались серыми от изморози, и казалось, что они вот-вотрастают.

У истока Янмы пришлось карабкаться на огромный, шириной в четверть и длиной в три мили, глетчер, носящий пышное имя Чянчуб-чжялам («Большая дорога к святости»).

— Это большая дорога к чертям! — пьяно пошутил Пурчун. Но Чан, который тоже находился под хмельком, только неодобрительно покосился. Он не любил шутить с богами.

Снег стал глубже, и Пурчун взял пандита к себе на плечи. Затем пошли черные, обледенелые скалы. Р. Н.

несколько раз больно ушибся и в кровь ободрал ногти на руке. А темнота между тем катастрофически приближалась.

— Мы успеем добраться до Пугпа-карпо *? — спросил Р. Н. Пурчуна.

— Успеем. Уже недалеко.

Но поднялся туман, и темнота сделалась непроглядной. Сразу же стало зябко, пальцы на ногах сдавила ледяная боль. То и дело кто-нибудь проваливался в расселины между камнями. Чан вскрикнул и сказал, что подвернул ногу.

— Очевидно, мы уже не попадем в пещеру, — сказал Р. Н. — Давайте устраиваться так.

Они расчистили снег между скалами, развьючили яков и уселись на тюки, обхватив руками колени. В этом каменном хаосе нечего было и думать о месте для палатки. Так началась эта тихая ледяная ночь под черным слепым небом. Истощенные трудным переходом и борьбою с разреженным воздухом люди молча терпели голод и лютую стужу. Лама недаром надеялся, что декабрь доконает Р. Н. Конечно, человеку свойственно быстро забывать перенесенные страдания. Беды, которые приходится переживать в данный момент, кажутся куда более тяжелыми, чем все, что было раньше. И все же именно эта ночь явилась для всех самым тяжким испытанием.

Дул легкий ветер, и падал мокрый, тяжелый снег. К счастью, он только сильнее прижимал одеяло. Но проклятая сырость просачивалась все глубже и глубже, и казалось, что медленно остывает сердце. Каждый страдал в одиночку, и они почти не говорили между собой, хотя никто не спал.

Утром обнаружили, что пала одна из лошадей.

* Пугпа-карпо — белая пещера.

Р. Н. успокоил рыдающих кули и обещал заплатить за нее. Тогда они деловито разрубили ее и хорошо зарыли лучшие куски в снег, чтобы забрать их на обратном пути.

Пурчун торжественно затянул мантру «Пэма-чжун-нэ-самба-дуба», и люди взялись за тюки. Утро выдалось превосходное. В солнечных острых лучах сверкала величественная гора Канла-чэнь.

Хорошо знающий эти места кули пошел вперед, пробуя на каждом шагу рыхлый снег. Следы за ним остались глубокие и темные, как пустые ведра.

Вершина перевала отстоит от белой пещеры к востоку на две мили пути. У самой подошвы спуска лежит огромный обломок скалы. Это место называется Торпа-ган, то есть «Место спасения». Если путешественнику удастся добраться сюда, он может считать себя спасенным. Отсюда легко дойти до вершины перевала.

Действительно, через какой-нибудь час они добрались до высшей точки Канла-чэня. Ярко-синяя бездна открылась перед ними. И снежная белизна делала ее еще более синей. Вдали, над заснеженными вершинами, тошкой фиолетовой линией вырисовывались хребты Тибета.

Когда солнце исчезало за горным пиком, в синеве проступали льдистые, колючие звезды.

Они остановились у подножия большой скалы, чтобы отпраздновать победу: они одолели снежные перевалы. Природа больше не могла преградить им путь. О новых испытаниях думать сейчас не хотелось. Тем более что двухнедельный пост заставлял забыть обо всем на свете, кроме теплого, припущенного по-китайски риса, цзамбы с сушеными абрикосами и горячего чая с маслом. Это был праздничный пир и вместе с тем прощальная трапеза. Проводник, стараниями которого Р. Н. так счастливо соединился с Пурчуном и Чаном,

покидал караван. Вместе с ним возвращались в Непал и четверо кули.

Допит чай. Р. Н. щедро одаривает каждого. И вот уже непальцы карабкаются вверх по склону, навстречу снегам.

И караван идет в долины, где пасутся яки, охраняемые могучими быками-шалу, где люди жгут ботву на полях, а птицы выскивают зерна в дымящихся лошадиных следах.

В три часа пополудни они прибыли в Цзонго, конечный пункт области Таширабка, где на большой скале стоят развалины древнего каменного дома.

Первые же встречные пастухи спросили их, кто они и куда идут.

— Мы из Валлуна, — ответил Чан. — Идем в Ши-гацзе.

Приподнятое настроение мигом улетучилось. Беззаботность могла обернуться непоправимой бедой. Р. Н. не должен был забывать об опасности, подстерегающей на каждом шагу.

Люди в этой стране недоверчивы и подозрительны. Отныне внимательные глаза станут неусыпно следить за ним. Особая осторожность нужна здесь, в пограничных районах. Скорее в глубь страны, скорее в Лхасу! Только прорвавшись в недоступный этот город, он сможет немного успокоиться.

Когда они прошли мимо пастухов, Пурчун тихо подошел к Р. Н. и сказал:

— Хозяин! Надо прятаться. Это франгов * они гонят обратно к границе, потому что их они боятся. А с нами здесь не посчитаются. Особенно если узнают, что вы индус. Китайцы ненавидят индусов. Нас могут убить здесь.

* Франг — европеец.

Этот беспечный человек, который не боялся грозных перевалов и снежных бурь, теперь дрожал от страха. Р. Н. взглянул на Чана, но тот казался совершенно спокойным. По-видимому, он не делал особого различия между непальской и тибетской администрацией. Если они с Пурчуном так ловко сумели провести непальцев, почему же нельзя повторить это здесь?

— Мы опять скажем, что идем из Валлуна. — Чан льстиво улыбнулся Пурчуну, которого почитал и слушался беспрекословно.

Но Пурчун не думал сейчас о своем авторитете, не пытался геройской бравадой поддержать первенство.

— Ты ничего не знаешь, — скорбно сказал он. — Я же ходил сюда много раз. Тут самое опасное для нас место. Если мы не сумеем миновать старшину здешней деревни Таширабка, нам несдобровать. Китайцы платят ему за каждую голову.

Р. Н. понимал, что у Пурчуна были все основания для опасений. Допрос в пограничной деревне был бы самым трудным для них.

Около шести часов пополудни они уже приблизились к этой столь опасной деревне.

— До наступления сумерек давайте спрячемся в овраге, — предложил Пурчун.

Овраг основательно зарос бурьяном, и они отлично устроились там. Замесили в воде немного цзамбы и слегка перекусили. Только когда в густо-синем небе появилась яркая луна и колючие травы стали пепельными и серебристыми, как паутина, вновь вышли на дорогу. Прошли мимо высокой каменной стены, которую, как говорят, тибетцы построили в один день во время войны с Непалом.

Стена тянулась на целых пять миль. Местами она обвалилась, и длинные лунные тени пересекали груды щебня. Эта стена проходит через реку по мосту, на котором

сооружено восемь сторожевых башен, и кончается у проклятой деревни.

— Мост охраняется? — спросил Р. Н. у Пурчуна. Он пожал плечами. Руки его дрожали.

— Не знаю, — сказал Пурчун. — Может, нам лучше вернуться к перевалу?

— Перестаньте болтать глупости, — рассердился Р. Н.. — Чан, пойдите разведайте, охраняется ли мост. Где живет старшина, Пурчун?

— Вон у того чортэня, — рука Пурчуна не переставала дрожать.

— Идите, Чан. Только тихо. К самому чортэню не приближайтесь. Если мост свободен, пойдём туда все вместе.

— Если стража бодрствует, — сказал невозмутимый Чан, — мы запоем национальную песню валлунцев, и нас примут за жителей деревни Валлун.

Он не был горазд на выдумки. И твердо придерживался осенившей его легенды. Что ж, дурацким вещам и верят лучше. Ученые разговоры могли бы только усилить подозрения здешнего старшины, перед которым так дрожал Пурчун.

Чан ушел, и Р. Н. долго следил, как уменьшается черная фигура его на выбеленной луной дороге.

— Если Чана задержат, я отведу вас на перевал, а сам вернусь за ним. Без вас они ничего нам не сделают.

— Не будем гадать, Пурчун.

Рядом бесшумно пробежала лисица.

Луна лила колдовское свое сияние на сонные крыши далекой деревни. Черная тень под стеной, сужаясь, уходила в наполненную пепельным светом тьму.

Вернулся Чан и сказал, что мост не охраняется.

Они осторожно тронулись в путь, ведя яков на поводу. Благополучно прошли через мост. Угрожающе скри-

пели сосновые доски настила. В широких щелях жирно поблескивала вода. Но никто из них не заметил палатки, сделанной из шкур яков, черной и почти невидимой в ночи.

Вот почему, когда их окликнули оттуда, они окаменели от неожиданности.

— Откуда и куда идете?

Пурчун был бледен как мел, а Р. Н. беззвучно разевал рот. Один только Чан не потерял присутствия духа.

— Мы валлунцы и идем в Шигацзе, — ответил он с подкупающей общительностью. — А вы кто такие?

Не дожидаясь ответа, поспешили они дальше к большому чортэню, под которым белел домик грозного старшины.

Прокрались мимо этого домика со слепым окошком, не потревожив даже большой собаки, прикорнувшей за причудливой оградой из рогов баранов и яков.

Скорее, скорее подальше уйти от опасного места! Время близилось к полуночи, когда они расположились на ночлег в заброшенной овчарне.

С восходом солнца Р. Н. был уже на ногах. Они быстро позавтракали, навьючили яков и двинулись к Ланбула. Но этот последний на пути перевал нельзя было и считать перевалом. Он возвышался над плато всего на 700 футов. Но, главное, Р. Н. знал, что не встретит там проклятого снега.

Дорога прямыми зигзагами петляла в скалах, но на каждом повороте путника хранила неизменная шестисложная формула, высеченная огромными буквами.

Лишь на северном склоне Ланбу встретили они первых людей. Это были дадубпа — скупщики риса, шедшие в Таширабка. Общительный Пурчун обнаружил среди них старинного приятеля. И очень кстати. Пока длилась радостная встреча, Р. Н. тихо прошел мимо.

Проводники догнали его у подземного монастыря.

Они уже успели отведать рисовой водки. От вчерашних страхов не осталось и следа.

— Спустимся в монастырь, хозяин! — захлебываясь от смеха, закричал Пурчун. — Там интересно.

Р. Н. сам хотел посетить этот монастырь. Говорили, что вся храмовая утварь и изображения божеств сделаны еще на заре буддийской эры. Но сейчас было неразумно идти на риск.

— Правильно, Пурчун, — сказал он. — Нас там сразу же запрут в скальную келью.

Тот сразу притих.

Они перешли вброд небольшую речку Тибчжючу и с запада обошли деревню Чани.

— Знаете, сэр, — сказал Пурчун, — в этой деревне живет знаменитая семья чюгпо-мэпан*. Когда мимо проходят путешественники и спрашивают что-нибудь у этой семьи, те никогда не отказывают. Как-то в августе один человек, много слышавший об этих людях, спросил у них льда. И что вы думаете? Хозяйка немедленно достала ему из бочонка лед. А в другой раз кто-то спросил в феврале перцу и, конечно, получил. Вот какие удивительные люди! Говорят, что сами они живут очень бедно. Почти все их деньги уходят на поддержание славы. Хорошо бы их посетить... Я никогда не пил водку франгов, которая называется брэнди. Мой брат однажды пробовал и говорит, что вкуснее ее нет ничего на свете.

— Когда мы вернемся в Дарджилинг, Пурчун, я подарю тебе целую бутылку такой водки.

— Хорошо, — вздохнул Пурчун. — Но это ведь будет так не скоро. Неужели вам не интересно поглядеть на богатых людей, которые никогда не говорят «нет»?

Так, мирно беседуя, прибыли они в деревню Танлун.

* Чюгпо-мэпан — богатые люди, которые никогда не отвечают «нет».

Быстро отыскивали дом набу* Ванга, которого рекомендовал Лобсан-чжяцо. Кланяясь и высовывая язык, набу ввел пандита в лучшую комнату.

— Простите недостойного слугу вашего, что он не может поместить вас в домашней часовне. — Ванг сокрушенно поник головой. — Там сохнут сейчас овечьи и козьи шкуры.

Р. Н. охотно извинил любезного хозяина и, едва только он ушел, бросился на постель.

Рано утром к нему вошел согнутый в поклоне Ванг и спросил, какие припасы им понадобятся на дорогу.

— Я целиком полагаюсь в этом на вас и на своего проводника Пурчуна, дорогой набу. Скажите лучше, нельзя ли здесь нанять лошадей?

— Ваш недостойный слуга уже побеспокоился об этом. Я нанял три лошади до Шигацзе. Каждая будет стоять двенадцать танек.

— Сколько танек дают за рупию?

— Три. Все лошади обойдутся в двенадцать рупий. Но расплачиваться лучше местной монетой. Если угодно, я вам обменяю.

Р. Н. поблагодарил хозяина и стал собираться.

— Осмелюсь советовать вам, — тихо сказал Ванг, — по приезде в Шигацзе нанести визит кяб-вину** Западного Тибета. Ему даны о вас самые лестные рекомендации.

— Вы бесценный человек, набу! — в восторге воскликнул Р. Н.

— Я только верный слуга ламы Лобсан-чжяцо и ваш, господин пандит, — поклонился хозяин.

Удача сопутствовала им. Когда они вступили на территорию Ташилхуньпо, все опасения окончательно рас-

* Набу — хозяин, помещик.

** Кяб-вин — всемогущий, министр светских дел.

сеялись. Теперь их могли задержать только возле самой Лхасы. Но всемогущий министр должен был помочь им избежать и этого последнего препятствия.

И вот 9 декабря около пяти часов вечера лошадка Р. Н. вступила через западные ворота в Ташилхуньпо — резиденцию панчэнь-ламы. Тихий переулочек вел к монастырю Ташилхуньпо. Р. Н. шел медленно, стараясь казаться погруженным в молитву, как это подобает всем носящим одеяние ламы.

Он вспомнил рассказ капитана Самюэла Тернера, посетившего Ташилхуньпо еще в 1783 году.

«Если бы нужна была какая-нибудь внешняя причина для усиления великолепия города, то ничто не могло бы придать больше пышности его многочисленным золоченым кровлям и башням, чем лучи солнца, заходящего в полном своем блеске».

В доме министра его встретил мацэнь — главный повар. Лицо мацэня было перепачкано в саже, но держался он совершенно непринужденно. Р. Н. решил, что тот случайно запачкался на кухне и не заметил этого. И хорошо, что ничего ему об этом не сказал! Потом пандиту рассказали, что сажа на лице тибетского повара — такой же отличительный атрибут, как белый колпак у других поваров.

Повар сообщил, что министр отбыл в Донцэ, но распорядился перед отъездом встретить гостя и поместить в доме. Он распахнул тяжелые резные двери и, разведя руки в глубоком поклоне, торжественно произнес:

— Пундид ла, чяг пэд нан. (Добро пожаловать, господин пандит.)

Р. Н. поднялся на второй этаж, где его встретил нэрпа — эконом. Он приказал слугам вытереть пыль и вынести томов двести книг, а также печатные доски, которыми были завалены комнаты. Потом расстелили большой ковер, и нэрпа пригласил гостя сесть.

Перед ним поставили столик с чайным прибором. Прислуживал сам повар. После чая он принес баранину, дзамбу и китайские сухари ма-хуа, которые делают из тонких полосок теста, поджаренного в кипящем жиру.

Эконом оказался очень общительным человеком. Он сообщил, что не смог сдать окончательного экзамена на допущение в монастырь и лишился стипендии. Он забыл только несколько слов из 125 страниц священных текстов, которые должен был знать наизусть. Но судьба благоволила к нему, и он нашел место в доме «всемогущего».

Вошел слуга и доложил, что пандита желает видеть секретаря министра. Р. Н. быстро переоделся в строгий костюм ламы и, взяв несколько монет и шарф-хадак, поспешил за посланцем.

Секретарь встретил его с исключительным радушием и любовью. Р. Н. вручил ему подарки и принял ответный хадак чудесного лилового шелка. Ему подали высокий тюфяк, покрытый китайским ковром, и поставили чайный столик с красивыми фарфоровыми чашками.

Слуга наполнил одну из них из серебряного чайника и, поклонившись, пригласил отведать:

— Пундид-ла, сол-чжашэ. (Пожалуйста, господин пандит.)

По местному обычаю Р. Н. выпил ровно треть. Выпить больше значило выказать дурные манеры, меньше — обидеть хозяина.

Секретарь тоже отпил немного и вылил чай в специальную чашу, давая понять, что официальная церемония знакомства закончилась.

— Вечером я пошлю гонца в Донцэ, господин пандит, — сказал он. — Не захотите ли вы написать что-нибудь всемогущему?

— Сочту за честь, господин секретарь.

— Вы, наверное, захотите написать на шелковой бумаге, — сказал секретарь, — оставив внизу листа больше свободного места, чем вверху.

— Именно так я и поступлю, господин секретарь. Будьте и впредь моим учителем. Могу ли я начать письмо с сожаления, что не застал всемогущего?

— Такой ученый человек, как вы, господин пандит, не нуждается в учителях. Он может писать все, что хочет. Он может даже начать письмо с выражения безграничной признательности всемогущему за его заботу. Можно также попросить всемогущего поскорее возвратиться в столицу ради счастья всех живых существ и, в частности, гостей всемогущего, безопасность которых зависит исключительно от его милосердия.

— Еще раз благодарю вас, господин секретарь. Позвольте мне высказать в письме мой восторг по поводу вашей обходительности?

Секретарь ничего не ответил, но одарил пандита прощальной улыбкой. Р. Н. откланялся и поспешил засесть за письмо, благословляя тонкость и ум секретаря. Он знал, какое значение придадут в Тибете протоколу.

На четвертый день Р. Н. вновь был приглашен к секретарю. Солпонь, то есть «носитель чайника и чашки», накрыл столик и налил ароматного чая с цветами жасмина. Не успел Р. Н. отпить положенную треть, как он вновь долил его чашку до краев. Пока продолжалось чаепитие, разговор шел о положении в Арьяварте*, об управлении франгов, о новых способах книгопечатания.

— Должен вас огорчить, господин пандит, — сказал секретарь, как только солпонь унес столики, — всемогущий срочно отбыл в Лхасу.

Р. Н. действительно почувствовал жестокое огорчение. Дела складывались очень плохо. А чего, кажется,

* Арьяварт — Индия.

стоило всемогущему взять его в свою свиту? Другого такого случая, конечно, уже не будет. В свите министра он бы без всяких препятствий добрался до Лхасы.

— Я испытываю горечь, господин секретарь, что долго не смогу лицедреть всемогущего. Очевидно, у него есть веские основания для немедленного отъезда в город небожителей.

— Несомненно. И я не вижу причин не посвятить в них вас.

— К безмерной благодарности моей уже трудно что-либо прибавить.

— Вы осведомлены о недавних столкновениях с китайскими властями?

— Ни в малейшей степени.

— Суть в том, что два лхасских резидента ежегодно по очереди осматривают границу с Непалом. Они инспектируют гарнизон в Тинри, осматривают оборонительные сооружения и склады, проверяют, как соблюдаются меры по задержанию нежелательных лиц. Одним словом, занимаются весьма скучными делами в пустынной, лишенной привычных удобств местности. Обыкновенно амбани бросают жребий, кому из них отправляться в эту утомительную поездку. На этот раз жребий пал на младшего амбана — дадайдачена. Он отправился в Тинри и Шигацзе в сопровождении опытного тибетского чиновника в чине ципоня *, на которого и были возложены все дорожные хлопоты. Согласно установившимся обычаям, тибетская казна выплачивает амбаню 4 дочэ **, или 500 рупий, в сутки. Но деньги эти выплачиваются не из казны, как это должно быть, а из средств местных жителей. Во время инспекционной поездки их собирает ципонь.

* Ципонь — счетовод.

** Дочэ — слиток серебра в 50 китайских ланов.

И вот по прибытии в Шигацзе амбань потребовал вместо 500 целых 750 рупий. Население, конечно, воспротивилось. И это понятно. Для жителей Шигацзе собрать такую сумму не так-то просто.

Но амбань даже не пожелал выслушать пришедших к нему старшин — цогпоней. Он велел просто выпороть их, а имущество и лошадей конфисковать в счет уплаты суточных.

На обратном пути амбань вновь завернул в Шигацзе и опять потребовал 750 рупий. Это вызвало всеобщее возмущение. Тогда амбань велел своему ципоню взять солдат и пойти по домам. Ципонь попробовал увильнуть от подобного поручения. Но не тут-то было, амбань пригрозил ему жестокими карами. Между тем возмущение нарастало. Люди потребовали от своих префектов — цзонпоней, чтобы те открыто отказали амбаню в его притязаниях. Амбань пришел в бешенство. Он арестовал цзонпоней, а своего слишком осторожного счетовода заковал в цепи. На другой день несчастного счетовода привязали к столбу и выпороли. Во время экзекуции в солдат полетели камни. Жители освободили своих префектов и окружили дом, в котором остановился амбань. Амбань попытался скрыться от разъяренной толпы, но чей-то камень пробил ему голову. Только прибытие тибетского генерала — дахпоня с отрядом солдат спасло тяжелораненого амбаня от смерти.

С вестью о случившемся в Лхасу был послан нарочный. Там ко всему отнеслись очень серьезно. Старший амбань — баншидачэнь, два тибетских министра и военный казначей далай-ламы незамедлительно прибыли для расследования инцидента.

Решением этой комиссии префекты были понижены в должности и получили по двести бамбуковых палок, деревенские старшины получили по два месяца тюрьмы и четыреста палок, старосты отделались 50 ударами.

Кроме того, было решено просить Лхасу впредь выплачивать суточные амбаням из казны. Это была единственная «уступка», которой тибетские министры добились у старшего амбана. Говорят, что она обошлась им в 1875 рупий.

Вот, господин пандит, как обстоят здесь у нас дела. Могу вам сказать только, что всемогущий выехал в Лхасу именно в связи с этими событиями. Можно лишь гадать, как долго он там пробудет. Пока же наберитесь терпения и ознакомьтесь со здешними святынями. Они того заслуживают.

— А нельзя ли мне сейчас получить разрешение на поездку в Лхасу, господин секретарь?

— Решительно невозможно, господин пандит... Кстати, завтра сюда прибывает кашмирское посольство, вам, верно, любопытно будет взглянуть...

В полдень на рыночной площади собралось несколько тысяч человек полюбоваться приездом кашмирского посланника. Все улицы, двор храма Гэсер-лхакон и прилегающие сады были заполнены народом, с нетерпением ожидавшим «тэмо». Это слово непереводимо, оно чисто тибетское, и его санскритский эквивалент «лицезрение» дает лишь слабый отзвук того, что вкладывают в это слово тибетцы.

Р. Н. удобно устроился под серебристой пихтой у самой стены храма. Он построен в XVI веке и посвящен «исполненному заслуг герою тибетских и монгольских племен Богды Гэсер-хану, истребителю 10 зол в 10 странах». Китайцы почитают в Гэсере бога войны, и нет, кажется, ни одного селения, где бы не было посвященной ему кумирни.

В конце улицы показалось шествие. Посланника кашмирского магараджи окружало 50 телохранителей в пышных тюрбанах, за которыми следовала сотня всадников. Здесь были мужественные сикхи и чернобородые

магометане, ладакцы в бараньих тулупах, непальские мурми и докпа из Чана. Посланника сопровождали также разряженные купцы, каждый с толпой одетых в суконные и шелковые ливреи слуг. Лошади были украшены серебром и парчой. Р. Н. слышал, что магараджа посылает подарки в Лхасу каждые три года. В Лхасе это именуется данью. Для приема посольства на всей дороге до Лхасы выставляется 500 лошадей и мулов, тысячи кули сгоняют для встречи важных гостей.

Едва ли это нужно везущему негромоздкие драгоценности посланнику. Да и дары не окупают расходов по встрече. Но так уж повелось с последней победоносной для Тибета войны. Впрочем, свита посланника очень довольна этим унижительным для ее страны варварским обычаем. Она ловко пользуется им для провоза в Лхасу и обратно собственных товаров и багажа.

Народ вокруг роптал, что за всю эту роскошь и великолепие придется платить тибетскому правительству. «Не правительству, а нам с вами», — возразил кто-то, и тут Р. Н. вновь услышал историю, которую рассказал секретарь министра. Но на сей раз с более яркими подробностями. Оказывается, наказание, которому подверглись префекты и старшины, было еще более суровым, чем сказал секретарь. У несчастных префектов содрали с рук кожу и мясо. Они предлагали амбаню по две тысячи рупий каждый, чтобы только избавиться от страшного наказания. Но жажда мести оказалась сильнее корыстолюбия.

Посланник уже проехал мимо, когда Р. Н. обратил внимание на ехавшего в свите человека в серо-угольном одеянии. На вид это был типичный лама из черношапочной секты ша-наг, исповедующей местную религию бонь. Но почему он вдруг оказался в свите кашмирского вельможи? Поразило пандита и сухое, с резкими чертами лицо ламы, властный, сосредоточенный взгляд.

Р. Н. невольно подался вперед, и глаза их встретились. В груди пандита всколыхнулось какое-то беспокойство, смутная тревога, усиленная тщетным желанием вспомнить что-то забытое, но очень важное, вспомнить именно сейчас, в эту минуту. Черный лама проехал мимо, и ни одна черточка не дрогнула на его лице, сухом и растресканном резкими морщинами, как глина в Гоби. Было ли это внезапно налетевшее беспокойство предчувствием? Кто знает...

Когда Р. Н. возвратился к себе, Пурчун доложил, что за ним дважды присылал господин секретарь. Р. Н. умылся, освежил запыхлившуюся одежду и отправился в его покои.

У секретаря оказался острый приступ диспепсии. Он спросил у пандита какого-нибудь лекарства. Р. Н. заколебался было, так как лекарства оставалось на самом доньшке, но не показал и виду.

Когда он принес дорожную аптечку и раскрыл ее, секретарь и его слуги стали с удивлением разглядывать искрящиеся на солнце разноцветные эликсиры.

Р. Н. открыл одну из склянок и приказал принести фарфоровую чашку. Три или четыре человека бросились на кухню и притащили оттуда гору самой разной посуды.

Он достал аптекарские весы и стал отвешивать необходимые лекарства. Блестевшие, как золотые монеты, разновески произвели на присутствующих самое сильное впечатление. Они приняли Р. Н. за изощренного чародея, пользующегося вместо гирек золотыми монетами.

— Сейчас я смешаю эти два лекарства, господин секретарь, и они тут же начнут кипеть, но это будет холодное кипение, которого не надо опасаться, — сказал Р. Н.

Послышались изумленные перешептывания, а бедный больной побледнел от страха. Он, видимо, уже раскаи-

вался в том, что послал за этим пандитом. Но лекарства были уже приготовлены, и он не решился вылить эти столь дорогие, как ему казалось, жидкости. Дворецкий опасливо прикоснулся к ним рукой и удивленно сказал:

— Они совсем холодные! Господин пандит, наверное, великий доктор, если думает вскипятить их без огня. Его надо слушаться во всем.

— Да, да, — подтвердил он. — Как только напиток начнет шипеть, выпейте его без опаски, господин секретарь.

Все с нетерпением ждали невиданного зрелища.

Р. Н. слил жидкости в чашку. Микстура мгновенно покрылась пеной, лопнувшие пузырьки углекислоты мелкими брызгами ударили больного в лицо. Он испуганно отшатнулся.

— Не надо бояться, — сказал Р. Н., — если угодно, попробуйте пальцем.

Больной опустил палец в чашку, поболтал им и, прошептал: «Ом-ма-ни-пад-мэ-хум», выпил. С минуту он сидел зажмурившись. Потом раскрыл глаза и удивленно прошептал:

— Приятно на вкус и освежает.

Он покачал головой и, сунув руку за пазуху, извлек оттуда хадак и несколько монет.

— Великий доктор, — сказал он, расстелив перед пандитом шарф, — примите от меня это скромное подношение как знак моей благодарности, хотя оно и недостойно вас. Но вы благочестивый человек, для которого деньги не имеют цены, поэтому я надеюсь, что вы его примете.

Р. Н. отказался от денег, но принял шарф. Молча раскланялся с потрясенными зрителями и удалился.

На другое утро он был разбужен ревом гонгов и хриплым пением труб. Начинаясь праздник новолуния —

один из самых священных дней месяца. Размахивая четками и молитвенными цилиндрами, богомольцы устроили бесконечный хоровод вокруг монастыря. Непальцы истошно выкрикивали санскритские мантры. Хриплые трубы настойчиво призывали лам на молитву.

Р. Н. быстро оделся и вышел во двор. Вся площадь между примыкающим к рынку большим мэньдоном и восточными воротами города была заполнена нищими. Глухие, немые, увечные, на костылях и на тележках, с тяжелыми цепями на груди, со страшными следами недавних пыток, они проходили мимо олицетворением всех горестей мира. С содроганием смотрел Р. Н. в это кривое зеркало человечества. Особенно страшно было видеть людей с пустыми, еще гноящимися глазами. По тибетским законам глаза выкалывают лишь за тяжкие преступления, как-то убийство ламы и тому подобное. Но на самом деле каждый феодал может подвергнуть столь жесточайшей каре любого неугодного. В центре этой толпы стоял старик, с поклоном вручавший каждому нищему по монете. Потом Р. Н. узнал, что это был хорошо известный в Ташилхунпо Лхагпа-цэрин. История его довольно примечательна. Когда-то Лхагпа-цэрин славился как искусный ювелир. Постепенно он сколотил себе приличное состояние и сделался ростовщиком. Дело его процветало. Он торговал фарфором, жемчугом, бирюзой, кораллами и яшмой, а пущенный в рост капитал ежегодно приносил ему 20, а то и 30 процентов. Он вел все дела с самыми влиятельными сановниками страны и пользовался благоволением лам за щедрые пожертвования монастырям.

Как-то Лхагпа-цэрин прослышал, что где-то в Шане живет святой лама по имени Чябтам, который прославился на всю провинцию Цан чистотой жизни и глубокой ученостью. Лхагпа-цэрин решил во что бы то ни стало умилостивить ревнивых к человеческому счастью

богов богатым подарком шанскому святому, втайне надеясь, что столь благочестивое деяние быстро скажется на росте и без того хороших доходов. Он отправился в Шан и поднес к стопам святого 1250 рупий, драгоценные четки и хадак, расшитый крупным жемчугом. Но лама не принял богатый подарок. «Я не беру даров, которые подносятся от нечестивого заработка нечестивым человеком, — сказал лама ошеломленному ювелиру. — Подумай о себе. В предшествующем перерождении ты был великим грешником, а в будущем ты воплотись в теле крокодила».

Ювелир был совершенно уничтожен. Впервые он встретил человека, который с презрением отверг сумму, которой бы хватило для безбедной жизни в течение многих лет. Это испугало бедного Лхагпу-цэрина едва ли не сильнее, чем кошмары грядущих перерождений. Но постепенно ужас перед собственной судьбой полностью завладел смятенной душой ювелира.

На следующее утро он босиком отправился к святому и стал умолять о спасении. Он готов был удвоить и даже утроить свой дар, пойти на любые добрые поступки, только бы отвести от себя страшное наказание. Но лама ничего не сказал ему в этот раз. И опять пришел босой богач к высохшему, как старая лоза, архату, и вновь вынужден был уйти в слезах. Так продолжалось несколько дней. Но однажды лама заглянул в волшебное зеркало и сказал: «Если ты до конца своей жизни будешь подавать милостыню бедным и беспомощным, не выделяя среди них молодых или старых, буддистов или огнепоклонников, тибетцев или шерпов, тогда ты спасешься от перерождения в крокодила. А делать это нужно в первый день каждой новой луны. Другого пути к спасению для тебя нет. Иди».

Больше ничего не сказал богачу святой и не принял от него подарка. С тех пор вот уже десять лет Лхагпа

неизменно раздает милостыню в день новолуния, в священный день полной ночи.

Его пример произвел большое впечатление на всех купцов провинции Кам, которые с тех пор стали несколько воздерживаться от обмана. Впрочем, ненадолго. Обычно, если торговец-буддист обманывает другого торговца, то считает про себя, что выгаданные теперь деньги просто были недополучены им в прежнем перерождении. Это опасный принцип. Но он столь же характерен для духовной жизни Тибета, как и легендарное бескорыстие шанского святого. Религия держится не только, вернее не столько, благочестивыми деяниями, сколько моральным оправданием пороков и слабостей человека. Оправданием, которое легко достигается жертвованием.

На другой день после праздника Р. Н. навестил благочестивого ювелира. Этот визит был обусловлен не столько любопытством, сколько вынужденными обстоятельствами. Взятые из Дарджилинга деньги кончились, и приходилось продавать золото. Он предложил ювелиру две пластинки. Ювелир тщательно взвесил их и, наморщив лоб, сказал:

— Золото идет у нас по двести за толу*.

— Но ведь это чистое золото из Бенареса, — возразил Р. Н.

— Все равно, — сказал ювелир. — Спрос на золото сейчас крайне незначителен.

Р. Н. осталось лишь согласиться. Отказаться от сделки — значило пойти на риск. Конечно, само по себе бенаресское золото не могло вызвать особых подозрений. Но лучше было не привлекать излишнего внимания. Р. Н. успокоил себя тем, что, наживаясь на нем, ювелир просто возвращает свои недополученные в прошлом во-

* Тола — индийская мера веса, равная 11,6 грамма.

площении деньги. Как-то ведь должен он компенсировать убытки от праздников новолуния.

Ожидая возвращения министра, Р. Н. всерьез принялся за изучение священных книг и истории Тибета. Он перестал вести регулярные записи, отмечая в дневнике лишь наиболее интересные сведения о нравах и обычаях тибетцев.

У одного ламы секты ниним ему удалось приобрести несколько священных сочинений, отпечатанных с досок XV века. Кроме того, рекомендация исцеленного секретаря открыла доступ в библиотеку «перерожденца» Палри. Р. Н. работал там до захода солнца, делая выписки из уникальных сочинений.

В монастыре Донцэ хранились древние священные книги, написанные золотом. Но доступ к ним крайне затруднен. Только личная рекомендация паньчэнь-ламы может здесь помочь. До возвращения министра нечего было думать даже о простой аудиенции у второго по значению властителя Тибета. Зато ему удалось ознакомиться с двумя печатными сочинениями о Чойчжял-раба-тане, славном короле, который построил Пакор-Чойдэ в Чжянцэ. Эти сочинения, равно как и история самого города Чжянцэ, считаются лхасским правительством «тэрчой», то есть совершенно секретными. Выписки из этих книг могли бы погубить пандита. Поэтому он делал их латинскими буквами на языке урду. Еще узнал он, что в строго закрытом монастыре Лхари-Зимпуг, расположенном на дикой горе к востоку от Панамчжона, хранится полное описание жизни и сочинений ламы Лхацунь-чэньпо, который ввел буддизм в Сиккиме.

В каждом монастыре есть библиотека, зачастую хранящая уникальные документы, музей местной фауны и флоры или собрание различных иноземных диковин, а также, естественно, священные реликвии.

Лама Лобсан-чжяцо посетил в стране Лхобрак зна-

менитое святилище Сэхгуру-чойван, где среди многочисленных реликвий особо почитается чучело лошади, принадлежавшей великому гуру Падма-Самбаве. Лошадь эта называется «чжамлин-нинькорэ», то есть «лошадь, могущая в один день объехать вокруг света». Заметив, что у знаменитой лошади недостает одной ноги, лама обратил на это внимание настоятеля. «О, это случилось давно, — сказал настоятель, — эту ногу украл один паломник из Кама, чтобы передать чудесные свойства этого благородного животного местным лошадям».

Любопытно, что этот благочестивый вор почитается у себя на родине за святого. Вот какие чудеса может сотворить прикосновение к реликвии.

Вообще Падма-Самбава почитался в Тибете наравне с Буддой или Цзонхавой. Ведь это он включил в буддийский пантеон всех местных божеств и разрешил монахам вступать в брак, положив тем самым начало многим нынешним сектам. Индийский монах Чжоу-Адиша попытался потом отвратить тибетский буддизм от шаманства и вернуть ему прежнюю чистоту. Он призывал монахов отказаться от грубых обрядов и возвратиться к аскетической жизни. Основанная им секта получила наименование кадам-па, что значит «связанные предписанием». Но не всем последователям Адиши по нраву пришлось строгие предписания «чистой махаяны». Поэтому вскоре двое из его учеников создали самостоятельные секты: саныю-па и карчжю-па, допускавшие различные послабления.

Так постепенно спадал покров тайны с загадочной страши небожителей. Побывав в монастырях, Р. Н. убедился, что они в настоящее время служат не столько убежищем отрекшихся аскетов, сколько духовными школами. Будущие ламы приобретают там все необходимые знания — от азбуки до высших пределов богословия. Главное внимание в высших монастырских шко-

лах уделяется богословской философии, включающей пять отделов догматики, составленных индийскими учеными и переведенных на тибетский язык. После реформ Цзонхавы тибетские ученые написали к этим отделам многочисленные комментарии, которые изучаются в специальных дацанах. Такие дацаны созданы в монастырях близ Лхасы: три в Дабуне и по два в Сэра и Галдане. Кроме богословских дацанов, существуют еще и тайные — мистические (наг-па), где изучаются тантры и мистическая обрядность. Несколько особняком стоят медицинские дацаны, где изучают тибетскую и китайскую медицину. Здесь, в Ташилхуньпо, есть три богословских факультета: Тойсамлин, Шарцэ, Килькан и один мистический — Нагкан.

Крупные монастыри обычно делятся на общины. Каждая община, как правило, образованная монахами-земляками, живет самостоятельной жизнью. У нее свое обособленное имущество и даже отдельный храм, вокруг которого и располагаются жилища монахов. Это делает общину, или кам-цань, своего рода территориально-административной единицей. В Ташилхуньпо насчитывается сорок таких общин. Несколько общин образуют более крупную единицу, которая управляется высшей богословской коллегией. Таким образом, кам-цань представляет собой первую ступень сложной иерархии Тибета.

Все эти сведения хотя и не считаются «тэрчой», но также не подлежат разглашению. Те же, кто сохранил верность учению Адиши, образовали потом секту ньиима-па. Так ветвилось древо тибетского буддизма. От главных ветвей во все стороны бежали маленькие побеги мелких сект (карма-па и т. п.). В XIII веке большое влияние приобрела секта сакьян-па. Это произошло потому, что овладевшие Тибетом монгольские императоры приблизили к себе тогдашних иерархов секты пакба-ламу и сакья-пандита, предоста-

вив им даже светскую власть. После изгнания монголов из Китая в Тибете появился Цзонхава, от которого и пошла главенствующая ныне желтошапочная секта гэлуг-па. Преемники Цзонхавы установили новый догмат о последовательных воплощениях божеств и выдающихся буддийских деятелей в образе людей. Благодаря этому желтошапочная секта и приобрела свое теперешнее влияние. Ведь великие цари, боги и святые никогда не переводились в ее недрах. Они лишь меняли свое мирское воплощение, не покидая, впрочем, своих желтых одежд. Поэтому, когда в Китае утвердилась Маньчжурская династия, во главе светской власти Тибета был поставлен один из главных иерархов желтошапочников — далай-лама, в котором жила неумирающая душа бодисатвы Авалокитешвары. Такое положение желтошапочной секты гэлуг-па позволило ей понемногу распространить свой авторитет и на другие секты. Поэтому ныне все тибетские секты очень приблизились к желтошапочникам, сохранив лишь немногие из прежних своих особенностей. По сути, наиболее важным отличием этих сект является собственный бог-покровитель. Кроме того, духовенству большинства из них разрешается жениться.

Так многочисленные беседы со сведущими людьми и древние книги открывали перед пандитом прошлое и настоящее Тибета.

Узнав случайно, что в монастыре города Донцэ хранится сочинение под названием «Общее описание мира», он решил предпринять туда поездку. Исцеленный секретарь его святейшества дал ему несколько рекомендательных писем, и он в сопровождении Пурчуна отправился в Донцэ.

Весь день они пробыли в дороге и только к вечеру добрались до деревни Нэсар, притулившейся у подножия большого холма. На холме возвышается прекрасный зелено-голубой храм, окруженный башенками, по-

священными лесным богиням мамо. Стены и башни украшали фигуры Авалокитешвары и Падма-Самбавы. В этом идиллическом месте сидели четверо уроженцев Кама. Они о чем-то беседовали, положив на траву длинные прямые мечи. Скорее всего это были разбойники. Поэтому Р. Н. решил заночевать в деревне. Но староста сказал ему, что до монастыря совсем уже близко.

Их встретили там очень приветливо. После вечернего чаепития и церемонии вручения подарков пандита провели в келью, к которой примыкала своя часовня, именуемая «комнатой для созерцания».

На другой день он отправился на поклонение божествам (чой-чжал), взяв с собой в качестве жертвы связку курительных свечей, дюжину разноцветных шарфов и на две таньки очищенного масла. Спустившись по крутой лестнице, он пошел в зал для собраний. Его поразили деревянные раскрашенные колонны, резные капители которых украшали головами фантастических зверей. Яркие настенные фрески изображали шестнадцать учеников Будды. Они влекли к себе какой-то грубой наивностью и простотой, хотя значительно уступали по мастерству индийским. Впрочем, толстый слой лака и сумеречный свет несколько скрадывали недостатки.

На великолепном алтаре из резного дерева и меди стояли статуэтки будд и бодисатв. Главные статуи покоились в отдельных нишах. Они были сделаны из позолоченной меди и казались очень древними. Настоятель сказал, что основатель монастыря Чже-Лхацунь обратился однажды к богам с просьбой ниспослать ему искусного художника. В тот же день монастырь посетил индеец, который изготовил статую Большого Будды и возвратился на родину.

— Может быть, вы, господин пандит, являетесь воплощением этого благочестивого мастера? — улыбаясь, спросил настоятель.

Р. Н. было приятно услышать эти слова. Он поочередно склонился перед главными божествами, коснувшись лбом их правых рук.

Обойдя святыни, остановился перед пятью колоннами, посвященными защитникам буддизма от демонов и еретиков. К ним были прибиты щиты и колчаны, полные стрел. С потолка спускались полотнища сверкающей китайской парчи, на которых золотом и серебром были вышиты драконы, изображения «пяти великих царей» — защитников учения — и первого далай-ламы Лобсанчжяцо, принимающего Тибетское царство от монгольского завоевателя Гуши-хана.

Перед каждым изображением он расстелил по хадаку и оставил горстку монет. Перед статуями Будды и Львиноголового положил еще и связки курительных свечей. Затем, как и положено правоверным буддистам, трижды слева направо повторил обход святынь. Лама семенил за гостем, перебирая длинные коралловые четки и без усталы выкрикивая мантры. Лишь в конце последнего круга Р. Н. попросил провести его в библиотеку.

По меньшей мере сотня лам сидели там за огненно-красными попитами. Ни один из них не поднял глаза от священных книг, чтобы посмотреть на вошедших, — так строго соблюдалась здесь дисциплина. Библиотека наполняла душу странным чувством благоговения и страха. Все книги здесь были очень старыми, с широкими листами; некоторые достигали в длину четырех футов. Р. Н. попросил показать написанное золотыми буквами «Общее описание мира».

— Сейчас это, к сожалению, невозможно, господин пандит, — сказал лама. — Указанное сочинение находится у монаха, готовящегося к получению богословской степени томрампа.

Р. Н. остро ощутил, что совершает какую-то непопра-

гимую ошибку. Но прежде чем осознать это, обратился к ламе-настоятелю с новой просьбой:

— В Индии мне довелось встречаться с госпожой Блаватской — у нас в Мадрасе она известна как Радда Бай, — учредившей некое теософическое общество. В недавно вышедшем труде «Тайная доктрина» госпожа Блаватская уделяет много внимания погибшему материку Атлантиды, причем она ссылается на «Книгу Дцьян», будто бы существующую в очень ограниченном числе экземпляров и практически недоступную. Один из экземпляров якобы хранится в каком-то тибетском монастыре, а другой — в Ватикане. Именно этот ватиканский манускрипт, кстати сказать, якобы совершенно исключенный из обращения, и прочла Радда Бай, конечно сверхъестественным способом. Признаться, я мало верю во все это. Но мне было бы очень интересно знать, существует или, быть может, существовала такая «Книга Дцьян» на самом деле?

— Мне ничего не известно об этом, — равнодушно ответил лама и заговорил о другом. — Не угодно ли вам присутствовать на танце великого ламы, господин пандит?

Р. Н. поблагодарил ламу, и они прошли во внутренний двор, где уже ревели запрокинутые в небо длинные и тонкие трубы дунчэнь.

Религиозные танцы принес в Тибет Падма-Самбава. Он ввел военный танец и знаменитый танец в масках баг-цам. В сегодняшнем Тибете основной священной мистерией считается ша-наг-цам — «черношапочный танец», введенный еще в XI веке в память убиенного царя Ландармы — иконоборца и гонителя буддизма. Собственно, царя этого звали просто Дарма, титулом Лан — (пес) его наградили уже потом. Лама Лхалун Палдор, надев черный плащ с белой подкладкой и вымазав коня сажей, подстерег и убил Дарму. Оторвавшись от погони,

он вывернул плащ наизнанку и вымыл коня в реке. Погоня не узнала его и пронеслась мимо. Все это в различных вариациях повторяет священный черношапочный танец.

Расположившись на балконе во втором этаже, лама и гость стали следить за приготовлениями. На длинных и тонких шестах из тополя подняли 24 атласных флага, на которых горели вышитые золотом всевозможные чудовища. Постом во двор вошли 12 монахов в кольчугах и страшных масках, изображавших орлиные и оленьи головы. Они образовали полукруг, куда выпрыгнули вдруг исполнители танца и один из главных монастырских лам в желтой остроконечной шляпе с длинными, свисающими на грудь завязками.

В правой руке он держал священный жезл — ваджру, в левой — медный колокольчик с длинной ручкой — дрилбу.

Музыканты ударили в бубны, и началось вступительное богослужение. Лама позвонил в колокольчик и поднял жезл. На середину двора выскочил монах в темной маске. Он изображал китайского ламу — хэшана Дарма-талу, посетившего Тибет в царствование Сронцзан-гамбо. Зрители бросали ему под ноги разноцветные хадаки. Но он, словно не замечая этих знаков внимания, с удивительной ловкостью перепрыгивал через колеблемые ветром полотнища. Из-за стены страшноголовых кольчужников появились два танцора в ярко-желтых женских масках — жены Дарма-талы. Они быстро подобрали хадаки и уступили место четырем царям стран света. Послышались восторженные крики. Действительно, великие владыки поражали диким и грозным великолепием масок. По преданию, великие цари живут на склонах горы Рираб (Сумеру), возвышающейся в центре мира. По-санскритски их имена звучат так: Вирудака — царь юга (зеленый цвет), Дритараштра —

царь востока (белый цвет), Вирупакша — хранитель запада (красный цвет) и Вайсравана — владыка севера (желтый цвет).

Грозные раджи обошли двор кругом, потрясая пиками, украшенными хвостами леопардов и лис. Их сменили сыны богов — толпа молодых лам, обряженных в шелк и самоцветы. За ними следовали индийские пилигримы, вызвавшие в толпе громкий смех своими черными бородатыми лицами и странными нарядами.

Опять зарокотали бубны, и двор опустел. Тогда лама высоко поднял дрилбу и затряс ею из всей мочи, словно хотел разбудить пронзительным звоном дремлющие потусторонние силы. И это ему удалось. В центре двора возникли четыре скелета — хранителя могил. Их прыжки и гримасы символизировали ужасы смерти. Но венцом всего явился костер. Прислужники подожгли снопы сухой осоки, и в гудящий огненный столб полетела кукла, изображающая демона. Это напомнило пандиту народные представления из «Рамаяны», ежегодно устраиваемые на родине. Суждено ли ему увидеть их еще раз...

— Вы интересовались древними книгами, господин пандит, — обратился к нему настоятель. — В нашей библиотеке есть несколько уникальных трудов, специально посвященных религиозным танцам и музыке. Вы можете посмотреть их.

И опять в нем всколыхнулось тоскливое чувство, какое-то подсознательное ощущение совершенной ошибки.

— Меня больше интересует история, — сухо ответил он. — Господин секретарь его святейшества заверил меня, что в вашем монастыре я смогу получить необходимые книги. После этого я охотно познакомлюсь и с трактатами о танцах. У вас, конечно, ведутся фондовые описи?

— Вы, верно, устали, господин пандит. Давайте

продолжим ученые разговоры завтра, — сказал настоятель. — А теперь прошу отобедать со мной.

Они прошли в покои настоятеля. Гостю подали чашу с водой и порошок какого-то растения, заменяющий здесь мыло. Лама лишь обмакнул пальцы.

— У вас очень четкие линии на руке, — сказал он, передав Р. Н. льняную салфетку. — Очень четкие... В священных книгах мы находим упоминание об индийских пандитах, которые трудились над распространением учения. Если вы действительно столь одарены знанием, как мне сообщил секретарь министра, то мы весьма счастливы видеть вас у себя. Я слышал также, что вы знаете медицину, и надеюсь воспользоваться вашими познаниями. А сейчас не откроете ли вы мне тайнопись линий моей руки?

Р. Н. почувствовал, как оборвалось сердце. Удар был нанесен быстро и совершенно неожиданно. Нужно было что-то ответить. Молчание становилось опаснее любого словесного промаха. Лама в упор смотрел на гостя. Ясно различались глубокие морщины вокруг холодных и усталых его глаз. Но дар слова покинул пандита. Разве мог он, которого принимают здесь за пандита-буддиста, сказать, что не знает такой важной науки, как хиромантия?

— Что с вами, господин пандит?

— Я думаю, святой настоятель.

Наконец-то он хоть что-то сказал! Дальше пошло легче.

— Я думаю, как не обидеть вас отказом. Видите ли, святой настоятель, хотя я и занимался немного хиромантией, тем не менее никогда не придавал ей большого значения. Притом эта область знания еще очень мало изучена, да, по моему мнению, и не заслуживает большого внимания. Согласитесь, что ничто не может быть более неприятно, нежели предвидение чьего-либо несча-

стью. Жизнь человека и так полна печали и треволнений. Затем и проповедовал Будда учение о нирване, чтобы избавить нас от возобновления этой жизни.

Лама внимательно слушал. Р. Н. не знал, убедил ли он его, но лучшие слова найти было трудно.

— Я во многом согласен с вами, господин пандит. Не могу лишь принять ваше убеждение, что человек не должен стараться узнать свою судьбу. Как тогда сможем мы изыскать способы устранения неблагоприятных случайностей? В некоторых книгах говорится о духовных средствах, которые могут предотвратить действия, причиняемые дьяволом — дэ. Так взгляните мудрым оком своим на мою ладонь. — И он протянул руку.

Теперь Р. Н. не мог отказаться. Бегло взглянув на темную, иссеченную резкими линиями ладонь, он заставил себя улыбнуться и сказал:

— У вас очень длинная линия жизни. Что же касается вашей судьбы, то ведь хорошо известно, что боги благоволят вам.

И тут словно молния вспыхнула в мозгу! Он вспомнил, как легко покашливал лама, читая сегодня мантры. Тогда он не обратил на это внимания. Сейчас обостренное чувство опасности превратило полузабытую и такую, казалось, пустяковую деталь в яркую вспышку.

— Но все это вам гораздо лучше расскажет любой хиромант, — продолжал он, повысив голос. — Мое искусство очень несовершенно. Правда, некоторые мелкие подробности, которые обычно ускользают, я иногда вижу лучше других. Вот линии, ответственные за состояние организма. Они говорят мне, что вас часто мучает кашель. Велите принести мне вечером черного перца и карамели, я приготовлю вам порошок... А вообще, не стоит полагаться на предсказания хиромантов. Не стоит...

Кажется, ему удалось вывернуться. Начался обед. Кушанья были приготовлены и подавались на китай-

ский лад. Ели палочками и ложками. На первое подали чжя-тунг — вермишель из пшеничной муки и яиц, сваренную с рубленой бараниной. Лама не притронулся к этому блюду, повинаясь запрету употреблять в пищу яйца. Р. Н., преодолев свое вегетарианство, съел целую чашку и, похвалив блюдо, сказал:

— Я предлагаю, нет большого греха в том, что даже духовные лица едят и мясо и яйца. Особенно в такой холодной стране, как Япония.

Ему казалось, что его безмятежное свободомыслие скорее рассеет подозрения, чем строгая, словно нарочитая, ортодоксальность. Но, может быть, он и ошибался.

Потом принесли рис, консервированные овощи, белые и черные грибы, зеленый салат, картофель и свежие ростки гороха. Волнение мешало пандиту ощутить вкус этих превосходных блюд. Но он делал вид, что ел с удовольствием.

Третьим блюдом был заправленный маслом и подслащенный рис, затем подали вареную баранину, цамбу и чай. На этот раз он не притронулся к мясу. Выпив положенную треть чашки, поблагодарил хозяина за угощение.

— До завтра, господин пандит, — сказал тот, проводя гостя до дверей. — Я пришлю вам все необходимое для лекарства.

Но утром, с поклоном приняв снадобье, лама сказал:

— Наверное, нам придется отложить посещение библиотеки, господин пандит. Меня просили передать вам приглашение на завтрак. Один наш почетный гость мечтает о счастье познакомиться с вами.

— Гость?

— Да, гость из далекой страны Ниппон.

— Японского гостя нельзя принять здесь, в вашем монастыре?

— Это едва ли возможно. Наш гость — первосвящен-

ник буддийской секты Сингон и настоятель старинного храма Сэйчо. У этой секты есть постоянное посольство при дворе паньчэнь-ламы. Вас приглашают посетить его. Это недалеко. Мулы ждут.

Р. Н. понял, что получил приглашение, которого нельзя не принять.

Они подъехали к маленькому уединенному храму, укрывавшемуся в расщелине красных гор. Сгущалась непогода, и черные ветви столетних деревьев метались в слепом белесом небе. Длинные хвойные иглы и сухие листья летели по ветру. Холодный туман выступил на золотой резьбе многоярусного субургана, на голубой глазурированной черепице шатровой крыши, резко загнутой вверх по краям. Это был храм. Храм и посольство секты Сингон.

Р. Н. немного знал об этой секте. Иероглифы, которыми пишется слово «Сингон», означают «истинное слово», или «действительная речь». Это влиятельнейшая в Японии секта, которой принадлежит много храмов в различных частях страны.

Его провели в большой низкий зал с окном во всю стену. В красном ущелье клубилась белая мгла. Черные кедры тихо раскачивались над невидимым горным потоком, шум которого слышался даже здесь.

В центре зала на шелковисто-блестящей циновке сидел человек в угольно-серой тоге. Тот самый, кто ехал недавно в составе пышной делегации в Ташилхуньпо. Р. Н. сразу узнал его.

Тот склонился головой до земли и указал пандиту циновку напротив.

— Пусть покой снизойдет на вас в этих стенах, — сказал он тихим и приятным голосом. — Если вы ищете покоя, — добавил он по-английски.

Опускаясь на циновку, Р. Н. быстро оглядел комнату. Они были одни. Он испытывал чувство величайшей

растерянности. Он перестал вдруг различать, что можно и чего нельзя. Не знал — плохо или нет для него владеть английским. Не знал, о чем говорить с этим человеком, не предвидел, какие вопросы тот задаст и что последует за этой беседой.

Р. Н. молча сел, пальцами изобразив фигуру внимания.

Но японец, казалось, говорил сам с собой. Речь его текла легко и свободно, хотя говорил он по-тибетски и по-английски, на языке хинди, бенгали и урду. Это казалось непостижимым. Поэтому Р. Н. следил за его речью, как за танцем кобры, почти не понимая смысла.

— Родниковый источник нашего покоя, — все так же тихо лилась и лилась многоязычная речь, — таится в извечном течении окружающих нас вещей, в естественном порядке живой природы. Сущность просветления и мудрости совершенного человека, путь к высшей стадии самопознания заключается в слиянии с природой, со всей вселенной. Вы согласны со мной? — вдруг резко спросил он.

Р. Н. вздрогнул и, путаясь, что-то залепетал о том, что буддийские храмы потому и строят на возвышенностях, чтобы ближе было до горных высот, куда не долетают звуки людской суеты, нескончаемых междоусобиц и распрей, что...

А тот вдруг тихо рассмеялся.

— Оказывается, вы уроженец Порбандара, господин пандит.

Не отдавая себе отчета, Р. Н. говорил с ним на языке родных мест. Что-то рушилось в сознании. Он все не мог понять, выдал ли себя этим или нет. Да, он говорил не по-тибетски, а на родном языке. Но он ведь и не скрывал, что родился и жил в Индии. И вряд ли бы это можно было скрыть. Получилось, что он не выдал себя. Но японец смеялся тихо и всепонимающе. Да

и на родном языке Р. Н. заговорил вроде бы не по воле своей. В чем же тут дело? Он попытался стряхнуть сковавшее волю оцепенение.

— Да, Порбандара, — сказал он. — Родители мои индуисты, но сам я с детских лет исповедую буддизм. Исповедую и изучаю путь великого учения в веках и странах, — последнюю фразу он сказал по-китайски, сожалея, что не знает японского языка.

— Вы прекрасно подготовлены, господин пандит, — японец внимательно посмотрел на него. — Вынужден отдать вам должное. Это очень трудно — бояться, но все-таки делать свое дело. И хорошо делать. Нам, японцам, легче, мы не боимся смерти.

— О чем это вы? — спросил Р. Н., тяготясь его прямым взглядом, беспощадным, но лишенным какой-либо неприязни или снисхождения.

— О чем? — Удивление казалось искренним. — Это хорошо известно нам обоим. К счастью, пока только нам.

— И все же я не понимаю, о чем идет речь.

— Понимаете. Вы шпион, господин пандит. Обыкновенный шпион. Что бы вы о себе ни думали, — он говорил с нарастающей громкостью. Последние слова почти прокричал. И вдруг голос его снова стал тихим, вкрадчивым. — Я ценю, что вы питаете хорошие чувства к этой несчастной стране и не хотите вредить ей. Меня также подкупает и то самообладание, которое помогает вам преодолеть страх. Но это же ничего не меняет. Вы шпион, господин пандит, — закончил он с улыбкой.

Р. Н. все время безотчетно ждал этих слов. Кто-то должен был ему их сказать. Его подозревали, он боролся и выпутывался из паутины подозрений, но кто-то все равно должен был сказать ему эти слова. Теперь это случилось. И он больше ничего не боялся.

— Вы ошибаетесь, ваше святейшество, — сказал

он. — И я не знаю, зачем вы говорите то, что все равно не сможете доказать.

— Доказать? Я и не подумаю доказывать! Если я скажу, что вы шпион, то в этой стране вас будут считать шпионом и никто даже не подумает спросить о доказательствах. Поймите, что никого здесь не интересует ни то, на кого вы работаете, ни те цели, которые преследуете. Достаточно знать, что вы шпион, чтобы поступить с вами соответствующим образом и перестать думать о вас. Таков Тибет.

И это была правда. А Р. Н. молчал, потому что не знал, о чем говорить. Страх не было. Все казалось слишком сложным, чтобы закончиться так безвыходно просто. Он понял, что сейчас ему что-то предложат, станут что-то требовать, играя старой как мир альтернативой «или-или».

— Конечно, вы ожидаете, что я обращусь к вам с определенным предложением, господин пандит. Не так ли?

Р. Н. молчал. Перед ним сидел человек с интеллектом на ступень выше. Или более — как это сказано? — подготовленный, вот как! К той роли, которую он взял на себя. В данном случае разницы не было. Кроме того, японец, видимо, знал о нем многое. Японец даже говорил на его родном языке, а он не мог ответить по-японски. Потому и не вступал он в неравную схватку. Просто ждал.

— Итак, вы ждете предложения, господин пандит. Ну что ж, все в мире подчиняется закону причин и следствий. И все же мне бы хотелось, чтобы вы поняли одну существенную разницу между нами. Выслушайте меня внимательно, господин пандит. У нас, в стране Ниппон, стар и млад знает такие стихи:

Выйдешь к морю — трупы плывут,
Выйдешь в горы — трупы лежат,

Но не бросят назад свой взгляд
Те, кто смерти почетной ждут.

Слова «бросить взгляд назад» означают просто подумать о себе. Так вот, мы не думаем о себе. Мы приносим себя в жертву по зову необходимости, не раздумывая и без страха. Наша жертва ничто в сравнении со счастьем родиться на японской земле. И мы уходим с благодарной памятью об этом счастье. Уходим с улыбкой. Конечно, так может сказать каждый человек, и вы, господин пандит, в том числе. Вы тоже любите свою родину и тоже готовы отдать жизнь за счастье родиться на индийской земле. Ваши сипаи, восставшие против владычества иноземцев, тому пример. И все же есть разница. Природа моей страны и понимание ее людьми сокровенного смысла учения Будды воспитали в нас приятие смерти. Мы всегда готовы умереть. Хотя бы от землетрясения, которое случается у нас чуть ли не каждый день. Поэтому японцы так легко говорят о своей смерти. Согласитесь, это не очень присуще другим народам. Другие знают, что когда-нибудь умрут, но живут так, как будто они бессмертны. Мы же знаем о неизбежном конце и ведем себя как смертные люди. У нас есть тонкий этикет смерти. До эпохи Токугавы наши дети обучались в школах способам самоубийства. Мальчиков учили харакири, девочек — закалываться кинжалом. А буддизм научил нас «умирать с улыбкой», «умирать словно засыпая», «умирать подобно засыхающему дереву», «умирать невозможно».

Постарайтесь уловить смысл этой разницы, господин пандит. И наконец, еще одно. Я здесь служу моей стране, а что делаете здесь вы? Выполняете волю англичан?

— Англичане пришли, англичане уйдут, ваше святейшество. Индия — великая страна. Никто не сможет долго противостоять ее стремлению к свободе. Поверьте, что стремление это гнетет англичан даже в тех местах,

где внешне они встречают только покорность. Вечен и свет Индии, святой настоятель японского храма, тот свет, который озарил этот край и вашу страну, тот свет, который, как вы сами говорите, научил вас «умирать с улыбкой». Люди должны жить, а не умирать. Не всем пригодна истина великого учителя, что смерть избавляет нас от страданий. Будда это знал лучше и прежде всех. Есть люди, которые не могут иначе. Я это допускаю. Но их очень, очень немного. Остальным нужно иное. Кров и огонь в очаге, еда, лекарства на случай болезни, теплая одежда в снежную пору — вот что нужно людям. И тихий свет истины, который, пролившись в их души, опустит занесенную руку с острым камнем. Не по воле народа эта страна отгородилась от мира. Заставы на ее дорогах не спасают от чумы. А кто придет на помощь, если случится беда? Люди должны знать друг друга, чтобы уметь вовремя помочь. И я один из тех, кто хочет знать. В этом и только в этом смысл моей миссии. Я не поведу за собой английских солдат, святой настоятель храма Сэйчо.

— Хочу верить, что вы заблуждаетесь честно, — сказал японец, подымаясь с циновки.

— Я не заблуждаюсь, ваше святейшество. Но разве для Тибета или, скажем, близких к вам Маньчжурии и Кореи желанным гостем будет японский самурай с мечами за поясом? Кого вы поведете за собой? Или вы считаете, что местное население обрадуется вам больше, чем англичанам?

— Вы забыли, господин пандит, о чем я сказал вам в начале беседы. Речь идет только о вас. У меня особая миссия здесь и особые отношения с властями. Я могу распорядиться вашей судьбой, вы же не властны даже говорить с кем-нибудь обо мне. Об этом не совсем приятно напоминать, но это так, и ничего тут нельзя поделать. Наконец еще одно. Меня не очень интересуют

ваши доводы и внутренние мотивы. Они не могут повлиять на решение, которое я принял. В свое время я вам его сообщу. Пока же прошу разделить со мной утреннюю трапезу.

Японец раздвинул шелковую ширму, на которой были вытканы серые цапли в залитых утренним туманом камышах. У стены, расписанной блеклыми фресками, изображающими заросшие цветами скалы, стоял на низеньких драконовых ножках зеркально отполированный стол красного дерева. Рядом находилась жаровня, на которой грелся старинный оловянный сосуд с сакэ. Молчаливый монах в такой же угольно-серой тоге принес бамбуковые палочки — хоси и деревянные черно-золотые чашки с едой.

Они ели молча, пока не подали наконец деревянный жбан с распаренным рисом, символизирующий окончание трапезы. Положив в свои чашки по горсточке этого риса, отпили по последнему глотку теплого сакэ и сложили палочки.

— Я не предложу вам ничего такого, что шло бы вразрез с вашей совестью, господин пандит, — сказал японец, ополаскивая руки. — Возможно, вы будете удивлены, узнав, что я вообще ничего вам не предлагаю. Что ж, считайте, что, по совершенно не зависящим от вас обстоятельствам я заинтересован в успехе вашей миссии. Заинтересован в вашей поездке в Лхасу, заинтересован в благополучном возвращении на родину. И если до сих пор я не мог облегчить вам столь трудный путь, то сейчас у меня есть такая возможность.

Он открыл черную лакированную шкатулку и извлек оттуда свернутый в трубку лист с красным шнурком и сургучной печатью.

— Это паспорт, разрешающий вам поездку и трехмесячное пребывание в Лхасе. Можете считать его даром японского народа соотечественнику великого учите-

ля Будды. Не стану разуберять вас, если вы расцените мой поступок как своего рода аванс. Одним словом, думайте все, что вам угодно. Но настанет день, когда я пожелаю вновь свидеться с вами. И еще одно, совсем пустяк. Я попрошу вас дать мне рекомендательное письмо тому высокому лицу в Китае, которое удостоило вас своего покровительства.

— Имя того, кого я должен рекомендовать? — спросил Р. Н., с трудом шевеля губами.

Он согласился. Согласился, не раздумывая. Другого выхода не было. И знал, что от него потребовали слишком мало. Пока...

— Имя? — японец на секунду задумался. — А любое! Впрочем, оставьте лучше место, — почтительным жестом он указал на скамеечку с письменными принадлежностями. — Да, чуть было не забыл. Теперь вы можете быть совершенно спокойны относительно монастырского ламы. Все его подозрения на ваш счет рассеялись. Завтра он покажет вам «Общее описание мира». Книги же Дцьян в этом монастыре нет, и, честно говоря, я вообще не уверен, что такое сочинение есть на свете.

Р. Н. написал письмо и поторопился покинуть храм. Сгущалась грозная мгла. В монастыре зажглись первые огни.

И все же путь в Лхасу был открыт.

*Так низким душам суждено:
Высоких духом ненавидеть.
Стремленьем гибельным обидеть
Все сердце их измождено,
Но неожиданным ответом
К ним возвращается назад
Бездумно пущенный по ветру
Песок и ранит им глаза.
И никуда им не укрыться,
Их зло обратно к ним придет.
И в море рыбой, в небе птицей
В урочный час их смерть найдет.
Но им не слиться со вселенной,
Перерождаясь вновь и вновь
В зверином облике презренном,
Им сеять смерть и множить кровь.*

**ОПАСЕН
ПУТЬ,
СТОКРАТ
ОПАСНЕЙ
ПОДОЗРЕНИЕ**

и Цыбиков, ни Цэрен в лицо друг друга не знали. Было решено, что объединятся они

только у заставы Саянчжин, но и там знакомиться друг с другом и говорить не станут. А пойдут одним караваном, как люди совершенно незнакомые и друг другу вовсе неинтересные. И так до самой Лхасы. Только там, когда все опасности дороги останутся позади и паломники разойдутся кто куда захочет, они смогут открыться друг другу и поселиться, что называется, бок о бок.

Под видом бурятского ламы Цыбиков ехал на покло-

нение лхасским святыням. Купив в Урге четырех верблюдов и наняв двух погонщиков, он примкнул к каравану алашанских монголов, торгующих рисом и просом. Хозяин каравана, человек добрый и недалекий, специально завернул в Ургу поклониться здешнему «перерожденцу» Чжэбцун-дамба, слава о котором идет по всей Монголии, от Цайдама до Гоби.

Синим застывшим утром 25 ноября вышли они в дорогу. По шершавому льдистому насту сухо шуршала снеговая крупа. Грустно позвякивали верблюжьи колокольцы-боталы, наигрывая однообразную мелодию пустыни. Из-под снега чернели сухие верхушки прошлогодних колючек. Где-то далеко впереди занималась малиновая полоска хмурой зари.

Цыбикову было очень трудно приноровиться к верблюду. Сначала он уселся, широко растопырив ноги по обеим сторонам необъятного верблюжьего живота, но быстро устал. Потом попытался сесть боком, по-дамски, но это угрожало падением при первом же серьезном толчке. Он совсем измучился, пока кто-то из погонщиков не надоумил его усестись прямо на тюках. Мерное покачивание и заунывный звон колоколец навевали сон. Заночевали посреди голого снежного поля, обдуваемого ночным ветром.

Развьючили припасенные в Урге дрова. Желто-красное пламя рванулось к еще не остывшему до конца небу. И небо сразу сделалось совершенно черным и непроницаемым. Тьма сжала со всех сторон.

Ночью ветер утих, и стало заметно теплее. Крупу сменил лохматый медленный снег. Когда утром люди вылезли из палаток, все кругом стало пушистым и белым: верблюды, поклажа, шапки и плечи ночных часовых. Быстро растопили в чайниках этот свежеевыпавший снег, приготовили цамбу и чай. От вчерашней грусти не осталось и следа. Сегодня караванный перезвон по-

казался веселым и бодрым. Но не прошли и двадцати верст, как снова задул ветер. Холодный и сухой ветер с Гоби. Он нес глинистую пыль и мелкий колючий песок. Внизу началась поземка. Сдуло выпавший за ночь снег. Он унесся стелющимся по земле паром. Ноздреватый наст быстро забило пылью. Он стал грязно-желтым. Песок першил в горле, резал глаза. Еле добрались в тот день до колодца Хара-толгой, где и заночевали. Костра из-за сильного ветра не разводили. Так и шли вперед, чередуя одинокие ночлеги в степи с короткими дневками. Грифы следовали за караваном, подбирая баряньи кости. Одинокий след тянулся через снежное поле, не пересекаясь ничьим следом. Только отпечатки волчьих лап находили люди поутру на снегу. Петляющие парные отпечатки, смыкающиеся в замкнутый круг. За две недели прошли путь от Хутера до колодца Добойн-изак, откуда начинается хошун алашанского вана.

Лишь 15 декабря добрались до монастыря Тукумунсумэ, основанного шестым далай-ламой Цан-ян-чжяцо. По преданию, этот великий лама нарушал все мыслимые и немыслимые принятые обеты. Не остановился он и перед нарушением обета безбрачия. Он не делал секрета из своей разгульной жизни, и поэтому весь Тибет знал, что избранница живого бога забеременела. Узнали об этом и в Пекине. Китайские астрологи прочли по звездам, что женщина эта родит будущего царя мира, и поспешили с донесением к богдыхану. Богдыхан распорядился немедленно вызвать далай-ламу в Пекин и послал людей убить женщину. Последнее, очевидно, и было в точности исполнено, поскольку предание больше не упоминает о будущем царе мира. Что же касается далай-ламы, то он сумел перехитрить китайского императора. В дороге один из спутников далай-ламы заболел и умер. Цан-ян-дзяцо велел обрядить труп в свое одеяние и везти его к богдыхану, а сам ушел бродить

по дорогам Индии, Монголии и Тибета, как простой нищий. Он ночевал в горных пещерах, питался скудным подаянием и творил чудеса. Слава о них дошла и до жены алашанского вана. Вот почему, когда нищий далай-лама забрел случайно в столицу правителя алашанских земель, жена вана признала владыку Лхасы и оказала ему все подобающие почести. Примеру княжеской семьи последовал и простой народ. Поэтому Цан-ян-чжяцо, чей прах как будто давно покоился в Пекине, спокойно жил себе в алашанской земле, окруженный всеобщей любовью и преклонением. Новый далай-лама не нарушал уже запретов и предписаний, став образцом аскетизма и святости. Он основал в алашанских степях несколько монастырей, в том числе и Тукумун-сумэ.

Монастырь этот возвышается на небольшом холме посреди пустого поля: несколько глинобитных домиков, стены которых чуть сужаются под плоскими крышами, хвосты яков на длинных шестах да заборы из бараньих рогов.

Паломники прошли мимо, решив заночевать у колодца Цзуха. Оттуда недалеко до стойбища где можно купить баранов и пива из проса.

Колодец, по-монгольски «го», можно увидеть еще издали. Он расположен в святом месте, рядом с мерой — круглой грудой валунов, в которую воткнуты шесты с белыми лентами. Вокруг колодца растет местный саксаул узак — незаменимое зимой топливо.

Пока люди рубили сухой саксаул, осыпающийся легкими, как стрекозные крылья, семечками, Цыбиков вместе с хозяином каравана поехал в стойбище.

Над черными войлочными юртами курился легкий дымок. Пахло навозом и свежерастопленным маслом. Стреноженные лошади выщипывали из-под снега клочки прошлогодней травы. У алашанских монголов всегда много

скота, и они не отказываются продать сотню-другую баранов. Еще более охотно обменивают они их на ару — китайский спирт.

По обычаю алашанские князья женятся на дочерях богдыхана. Конечно, на приемных дочерях. Сначала князь выбирает себе подходящую невесту, а уж потом, перед самой свадьбой, ее удочеряет богдыхан. Но даже такое чисто формальное удочерение делает местных владык как бы родственниками китайского императора. Тем более что алашанские ваны быстро перенимают все дурные черты образа жизни пекинской знати: деспотизм, крайнюю жестокость, коррупцию, курение опиума и разврат. Сын дочери китайского императора и будущий муж дочери китайского императора ни в чем не хочет уступать китайским принцам. Поэтому жизнь простого монгольского кочевника так трудна. Он старается подальше держаться от знатных хозяев, которые могут отобрать дочь или жену, а то и убить в минуту внезапного гнева. Монгольский кочевник отдает им баранов и спешит затеряться в степи. Много баранов отдает он своему вану. Оставшегося стада часто не хватает, чтобы прокормиться в долгую холодную зиму. Но вану действительно нужно много баранов. Много лошадей, верблюдов, яков, цамбы, овощей и, главное, много денег. Иначе не сможет он вести подобающую ему жизнь, не сможет — не дай бог! — послать ежегодный подарок в Пекин. Такой подарок, о котором никто не посмеет сказать, что он недостойн зятя китайского императора.

Вот и несет монгольский кочевник налоги своему вану и налоги на подарок в Пекин несет. И все чаще увозит с собой в стойбище деревянную бутылку с огненной арой, липкие, резко пахнущие шарики опиума, на которые ушли два десятка баранов и последний лан серебра. А порой он увозит еще и бесплатный подарок: занесенную из столицы Небесной империи дурную болезнь. Он

передаст ее жене и неповинным ребятишкам своим, которых родит ему жена.

Будет судьбу и жестоких богов винить монгольский кочевник во всех несчастьях своих и горестях. Потому продаст последний припас, соберет последние крохи и, купив курительных свечек и хадаков разноцветных, пойдет с жертвой к ламам в ближайший монастырь, а то и в саму Лхасу соберется, на что уйдут все деньги кочевника и родни его.

Через год возвратится, если возвратится, назад в родные кочевья монгол-паломник. Может, кого и в живых не застанет из близких. На то воля божья! Но привезет зато из священной Лхасы богов-заступников из дорогого колокольного металла, позолоченных и раскрашенных в уставные цвета. Щедро одарит святостью родных и соседей и вместе с хадаком в монастырскую божницу Лхасскую статуэтку отнесет. Каждому даст приложиться лбом к шнурку с печатью, освященному — и выпадет же человеку счастье такое! — самим богом живым.

А там, как знать, может, и повернется судьба в благоприятную сторону, станет он смиренно ждать исцеления от болезней и приумножения стад. Если не выпадет ему благоприятной перемены, значит так вышло в предшествующем рождении, что суждено ему ныне искупать прошлые грехи.

Конечно, трудно думать об ужасе перерождений и сладко верить в иную, легкую и свободную, жизнь, которую принесет грядущий Будда-Майтрея, которую обещает Будда-Амитаба в своем раю, которая настанет когда-нибудь в прекрасной стране великого Ригден-Джапо, стране по имени Шамбала. Но ведь и теперь, сейчас, в этом воплощении на этой земле, поросшей сочной, хрустящей, в теплой душистой росе травой, хочется хоть немного пожить без болезни и горя. Потому все чаще смиренный монгольский кочевник свертывает свою юрту и

отправляется куда-нибудь подальше, на другие земли и пастбища, где можно легче прожить именно эту теперешнюю жизнь. Находит ли он такие места? Кто знает... Но все больше людей покидают алашанский хошун.

Видно, притеснения ваша преодолевают даже буддийский фатализм смиренного и кроткого кочевника. И то правда! Монголы, у которых паломники купили скот, рассказали, что недавно князь продал сто женщин. Поступок для относительно свободных и независимых кочевников неслыханный! Весть об этом вызвала настоящее смятение в стойбищах! Решились даже отправить жалобщиков в Пекин. Вана срочно затребовали для отчета. Но на вызов из имперской столицы он ответил по примеру шестого далай-ламы. Послал весть о своей внезапной смерти вместе с завещанием, в котором вся власть передавалась старшему сыну. И все продолжалось по-прежнему. Может быть, шестой далай-лама и вправду сумел провести тогдашнего богдыхана, но вану вряд ли удалась бы его проделка, не внеси он крупную взятку в инородческий приказ. Он отлично знал, что делал. Любой, даже самый безумный, поступок его покроют пекинские чиновники за соответствующую мзду. А теперь берегитесь, жалобщики, дойдут и до вас руки!

Путь каравана пролегал уже через обитаемые районы, и паломники разбивали лагерь вблизи кочевий. Здесь всегда можно купить сухой навоз на растопку, пиво и верблюжье молоко.

Цыбиков не упускал случая поговорить с кочевниками. Расспрашивал их о быте, местных обычаях, памятных исторических эпизодах. Гостеприимство — святой закон для монгола. Без чая и цамбы из юрты не выпустят. Благодаря этому прекрасному обычаю Цыбиков узнал много важных подробностей, которые могли пригодиться в дальнейшем и облегчить путь тем, которые пойдут вслед.

В одной юрте ему, между прочим, рассказали об оро-се (так монголы зовут европейцев), который собирал здесь шкуры диких животных, камни, растения. Цыбиков сразу понял, что речь идет о Н. М. Пржевальском, но, конечно, не подал и виду. А в другой раз он встретился с остановившимся на ночлег бурятским ламой. Лама вез в Лабран списки новорожденных мальчиков. По этим спискам предстояло указать «перерожденца» ширетуя * цугольского дацана Забайкальской области Иванова. Цыбиков знал Иванова и искренне пожалел о его смерти. Этот ширетуя был человеком поистине безгрешной жизни и кроткой святой души. Все, что у него было, роздал он неимущим и жил как самый настоящий аскет. Встреча с соотечественником да еще с ламой, явилась для Цыбикова первым настоящим экзаменом. Кажется, он его выдержал блестяще. Лама ни на секунду не заподозрил, что молодой бурят-буддист не тот, за кого себя выдает. Собеседник видел в Цыбикове такого же бурятского ламу, как и он сам, может быть только немного более ученого. И лишь посетовал, что дела не позволяют отправиться в святое паломничество.

На том и расстались.

Первого января нового года караван достиг Тенгри-элису, что по-русски означает «Небесные пески». Этот участок самой настоящей пустыни считается священным. Тем, кто проходит пески пешком, прибавляется столько же блаженства, сколько дает его чтение 8 тысячи стихов «Праджня-парамиты». Для неграмотных паломников это совершенно исключительный шанс обрести святость. Но и ученый лама не пренебрегает случаем пополнить запас блаженства. Святость не деньги, карманов не оттянет. Поэтому все спешили и зашагали рядом с верблюдами. Серо-желтый песок тихо урчал под ногами. По обычаю

* Ширетуя — настоятель.

каждый бросил в кусты саксаула и верблюжьей колючки по горстке чохов. У паломников было по несколько связок этих китайских медяков с квадратной дыркой посредине. Кусты у Небесных песков обычно полны чохов. Считается большим грехом взять тут хотя бы одну монетку. Только нищие монахи могут подбирать эти валяющиеся в песке чохи, чтобы немного облегчить себе часть бесконечного пути. Даже разбойники гологи не рискнут прикоснуться к жертвенным деньгам. Таков Тибет, где грозные невидимые боги стерегут перевалы и носятся над пустыней в причудливых, крутого замеса облаках.

Паломники приближались к границе земель алашанского вана и собственно Китая. Уже недалеко до Цагансонджа («Белая пирамида»), где они могли встретить летучие пограничные отряды. У колодца Чулан-онгоца (каменная колода) остановились напоить животных. А потом решили устроить здесь ночлег, так как уже стало смеркаться. Хозяин не любил, чтобы ночь заставляла его в пути.

Застава Са-ян-чжин пользуется у паломников особенно дурной славой. Необузданный произвол китайских стражников пришлось испытать и в этот раз. Они назначают плату за переход границы в зависимости от погоды, настроения и других не поддающихся учету факторов. Стражники берут от 100 до 200 чохов с человека. Сегодня они определили 140. Но, боже мой, как они считали! Каждая третья монета исчезала в широких рукавах их халатов. Они вспарывали тюки, ожесточенно рылись в мешках с провизией. Видимо, искали водку.

А тут подоспел еще один караван, верблюдов в сорок. Цыбиков знал, что с ним едет тайный друг его Цэрен — ученый монгол.

Сразу же за военным постом лежала нищая деревенька Сунчан, населенная тангутами и китайцами. Она славилась тайными притонами курильщиков опиума. Власти

давно собирались прикрыть эти ужасные курильни, но местные пограничники — основные клиенты опийных ночлежек — вовремя предупреждали хозяев о готовящейся облаве. Сейчас в деревне жили ламы разоренного мусульманами монастыря Даг-лун (Тигровая падь). По улицам слонялись толпы голодных нищих. Они окружили караван, протягивая худые, грязные руки.

— Не надо денег! — заплакал старый, болезненного вида китаец, когда Цыбиков достал связку чохов. — Дайте мне хоть что-нибудь поесть!

Разбив лагерь, паломники наварили для несчастных людей котел с похлебкой из цсамбы, заправленной бараньим жиром. Больше они ничего не могли для них сделать. Опасаясь, что голодные нищие растащут все припасы, хозяин велел собираться в дорогу. Выступили после полудня, не досчитавшись трех баранов...

— Жаль, не успели достать ружье! — с жаром сказал Цыбиков ехавшему рядом одноглазому монголу, указав на стадо чернохвостых антилоп — харасулыт у застывшего ручья. Прекрасные животные копытами разбивали смерзшийся снег и слизывали с засоленной земли белые шарики соли.

— Разве бурятские ламы охотятся? — с нескрываемым удивлением спросил монгол, вперив в него карий, в желтых крапинках глаз.

— Конечно, нет, — сказал Цыбиков, мысленно проклиная себя за оплошность. — Но ведь среди нас далеко не все ламы. Разве не так? А двух-трех антилоп хватило бы, чтобы хоть немного откормить нищих в той страшной деревне.

— Все равно, — угрюмо сказал одноглазый, — ни один паломник не осквернит себя убийством антилопы.

Цыбиков промолчал, решив держаться подальше от этого человека и вести себя впредь осторожней.

Перейдя по льду реки Чжон-лун, а потом и Дайтун,

караван стал медленно взбираться вверх по узкому ущелью к «Небесному перевалу» — Тенгри-даб.

На этот подъем потратили почти четыре дня. Только к 19 января караван вышел на широкое горное плато. Ветры сдули отсюда почти весь снег. Черно-коричневые пластинки окаменевших сланцев гулко постукивали под ногами верблюдов. Они прошли узкой тропой мимо замерзшего озера. Черная остановившаяся вода и каменистое дно тускло просвечивали сквозь удивительно чистый лед. У разрушенных непогодой скал можно было укрыться от ветра, и все решили немного передохнуть. Тем более что шел первый день китайского нового года, или «цагалгана» по-монгольски. В цагалган люди обмениваются добрыми пожеланиями и табакерками. «Отведайте новогоднего табаку», — говорят они друг другу, искренне веря, что это поможет дожить до следующего цагалгана.

Закончив таким обменом празднование нового года, навьючили верблюдов и отправились к Тенгри-дабу, до которого оставалось около трех верст узкой, круто уходящей вверх дороги. На самой вершине перевала стоит станция таможи и несколько постоянных дворов, за которыми тянутся тщательно обработанные под различные посевы поля. Вниз, прямо к реке Синин, вела хорошая дорога. Семь верст прошли за каких-нибудь два часа.

Вдоль другого берега Синина тянутся красные выветренные скалы. Потоки железных и марганцевых солей исполосовали их желтыми, бурыми, красно-фиолетовыми слоями. Но под низким багровым солнцем скалы кажутся залитыми застывшей кровью. Параллельные друг другу горизонтальные трещины и причудливые сплетения голых древесных ветвей у подножий придают какую-то изощренную законченность этому странному, неземному пейзажу.

В плоской скальной нише приютился маленький мо-

настырь Марсан-лха, что означает «Красное божество». Здесь хранится прах ламы Бал-дорчжэ (Палдора), убившего царя Ландарму — приверженца местных языческих культов и яркого гонителя буддизма. В честь этого события в монгольских монастырях тоже ежегодно устраивают красочные танцевальные мистерии.

Верстах в десяти выше монастыря, где отвесные скалы с обеих сторон сжимают реку, перекинут широкий деревянный мост. На противоположном конце моста — таможня, где осматривают идущие из Монголии караваны в поисках кирпичного чая. Китайцы свято блюдут свою чайную монополию.

При приближении каравана из таможни выскочил молоденький чиновник. Не обращая на паломников никакого внимания, он поднял шлагбаум и, пропустив караван, вернулся в дом. Он весьма своеобразно понимал свой долг. Спутники Цыбикова беспрепятственно провезли по 50 кирпичей чая, засунув их в мешки с цамбой.

Переночевав вблизи гостеприимной таможни, паломники вышли на прямую дорогу, ведущую на знаменитый монастырь Гумбум, где им предстояло прожить до конца апреля. Тому было несколько причин. Во-первых, караванщики, люди большей частью торговые, надеялись распродать здесь свои товары и закупить новые, высоко ценимые в Тибете. Кроме того, животные, да и сами люди нуждались в основательном отдыхе. Но самое главное препятствие заключалось в том, что высокогорные перевалы можно было взять лишь весной. Поэтому Цыбиков решил употребить все свободное время на знакомство со святынями Амдо — монастырями Гумбум и Лабран.

Монастырь, который тибетцы и монголы называют Гумбум, а китайцы Та-Сы (монастырь ступы), стоит над самым оврагом, дно которого поросло диким луком. Овраг этот так и зовут «Падь дикого лука», цзонха по-монгольски. Кстати, имя реформатора буддизма Цзонхавы

тоже происходит от названия этого растения. По-русски Цзонхаву следовало бы называть Диколукским.

Господин Диколукский и был основателем монастыря Гумбум, точнее Гумбум-Чжамба-лин, что означает «Мир Майтреи с 100 тысячами ликов».

Цзонхава родился в 1375 году. Кровь от его пупка была пролита как раз над обрывом, где теперь возвышается памятный субурган. Через три года, уверяет легенда, на священном месте выросло ароматное сандаловое дерево (цандан), на листьях которого явственно проступили изображения великих божеств Львиноголового, Манджушри, Ямантаки, Махакалы и др.

Ведь вся религиозная жизнь Монголии и Тибета связана со всевозможными буддами, бодисатвами и охранителями. Для того, кто не разбирается в пантеоне местных богов, Тибет останется тайной за семью печатями. Жизнь этого теократического государства так же тесно связана с религией, как это было когда-то в Египте, Вавилоне и в государстве народа майя. Может быть, даже, влияние религии на жизнь тибетцев еще более велико, чем в доколумбовой Америке и Египте.

Ни один народ, ни одно государство не имели такой большой и могучей касты жрецов, какая существует в заоблачном Тибете. Притом между простым народом и духовенством нет резкой разграничительной черты. Ламой может стать всякий, кто возьмет на себя труд заучить сотню страниц священных текстов. Тем более что большая часть лам влачит столь же жалкое, полунищенское существование, как и рядовой тибетский крестьянин или ремесленник. Тибет в полном смысле этого слова государство служителей бога, точнее — на лотосах сидящих, ибо «ом-ма-ни-пад-мэ-хум» означает «сокровище на лотосе» богов. Поэтому нужно сказать несколько слов о местных богах.

Статуи и иконы буддийских божеств украшены узор-

ными орнаментами или разноцветными нимбами с цветами, указывающими на особую святость. Троном им, как правило, служит цветок лотоса, говорящий о божественном происхождении, об особой сопричастности к Будде. Поза божества, или по-санскритски «асана», так же как и положение его рук («мудра»), строго определены каноном и имеют скрытый символический смысл. Знатоки мудры насчитывают сотни значений, скрытых в различных фигурах пальцев. Будда-Амитаюс чаще всего изображается держащим одну раскрытую ладонь над другой. Это означает бессмертие. Другие фигуры мудры символизируют милость, внимание, размышление и др. Есть мудра колесницы, мудра лотоса и много других мудр, имевших большое значение в культе брахманистских божеств, но в Тибете они утратили свой первоначальный смысл.

Часто тибетские боги держат в руках особые атрибуты власти, устрашения или милости: символ грома — ваджру, нищенскую чашу, или чашу-череп-габал, колесо закона, лук и стрелы, цветы. Боги-устрашители иногда сжимают в кулаке мерзких животных, не то скорпионов, не то каких-то личинок. Лики богов, их волосы, руки, одежды раскрашиваются в уставные цвета, имеющие магическое значение.

Главные божества ламаитов — будды. Время от времени спускаются они на землю проповедовать учение и спасти людей от мук низших перерождений. Чаще всего изображают наиболее чтимых земных будд, которые когда-то жили на земле в образе людей. Первый из таких будд отличался гигантским ростом.

Но постепенно снисходившие до земной жизни будды делались все меньше, и последний из них — Будда-Сакья-Муни, ничем не отличался от обычных людей. Различные секты дают различное число существовавших до Сакья-Муни земных будд: 4, 7, и даже 24. Наиболее ка-

нонизировано число 4. Таким образом, Гаутаме предшествовали Амитаба, Вайрочана и еще, по меньшей мере, два будды. Пяти этим земным буддам соответствуют пять будд созерцания, которые всегда живут на небесах. Каждого будду характеризуют уставные поза, мудра и раскраска.

Будда-Сакья-Муни чаще всего изображается сидящим на алмазном престоле и достигшим высшего просветления. Тело этого Алмазопрестольного Будды покрывают позолотой либо, на худой конец, желтой краской. Красная тога оставляет непокрытым правое плечо. У ног божества лежит жезл громовержца — ваджра.

В медицинских дацанах можно увидеть изображения Будды-Бхайжаджамура — «Владыки врачевания», учителя и покровителя лам-лекарей. Тога этого божества красится в синий цвет. В левой руке Будда врачевания держит чашу. Большим почитанием окружены в Тибете и непосредственные участники спасения всех буддистов — бодисатвы, или будущие будды.

Наследником Сакья-Муни — последнего земного будды — считается Майтрея. Этот грядущий будда, с именем которого простые люди Тибета связывают надежды на лучшую жизнь, должен, как и будды первых воплощений, явиться в мир великаном. Его изображают с маленькой ступой на голове и в золотистых одеждах. Перед тем как сойти с неба на землю, Сакья-Муни возложил свою диадему бодисатвы на голову Майтреи. Когда придет черед Майтреи появиться на земле, раскроется священная гора Кукупада, чтобы новый будда смог взять спрятанные там монашеские одежды и чашу Сакья-Муни. «Не раскрылась ли гора Кукупада?» — спрашивают друг друга простые люди, ощутив толчок землетрясения или большой горной лавины. Но Майтрея-победитель все еще пребывает на небесах. Все бодисатвы изображаются в виде индийских принцев с пышными диадемами и

драгоценными браслетами на руках и ногах. На них надеты богатые одеяния. С плеч свешиваются развевающиеся шарфы или шкуры антилоп.

Наиболее чтимым в Тибете бодисатвой является Авалокитешвара, «перерожденцами» которого считаются далай-ламы. Авалокитешвара, он же Арьяболо Львиноголосый и пр. — духовный сын «Владыки Западного рая» Амитабы, одного из пяти будд созерцания. Авалокитешвара сходит со священного лотоса на землю, чтобы уничтожить страдание. Он отказывается превратиться в будду до тех пор, пока все люди земли не встанут на путь высшего познания, избавляющий от страданий, рассеивающий власть иллюзии — Майи. Священные книги говорят, что великий бодисатва, «обладая могущественным знанием, замечает создания, осажденные многими сотнями бед и огорченные многими печалью. Поэтому он является спасителем мира, людей и богов». Недаром на ступнях и ладонях его открытые к страданиям мира глаза.

Вот куда завел широкий путь большой колесницы махаяны. Скромный бодисатва становится спасителем богов. Распространяется ли это и на Сакья-Муни, возвестившего когда-то в Оленьем парке о пути спасения от страданий?

Авалокитешвару часто изображают с одиннадцатью головами. Это напоминает о том, что спаситель мира так горько рыдал от жалости к людям, потрясенный их жестокими страданиями, что голова его раскололась на десять частей. Амитаба собрал осколки и сделал из них новые головы, прибавив к ним изображение своей собственной.

Так и рисуют теперь Авалокитешвару. Головы его суживаются кверху, как многоэтажная остроконечная пагода. Три трехликих этажа увенчивает голова страшного вида, на которой вырастает голова Амитабы с остроко-

нечным пучком волос. Каждый лик раскрашивается в особый цвет. Основная голова Авалокитешвары белая, лик справа от нее зеленый, слева — красный. Следующие два этажа содержат иные комбинации тех же цветов, устрашитель выкрашен в черный цвет, Амиитаба — в красный. Каждая из десяти голов (кроме Амиитабы) увенчана золотой диадемой, усыпанной самоцветами. У такого одиннадцатиголового Авалокитешвары восемь рук.

В ламаитских монастырях хранится множество изображений и других бодисатв (Манджушри, Ваджрапани, Падмапани и пр.). Отдельную группу составляют женские божества — Милосердная Тара, она же Долма, богиня любви и богатства Курукулла.

Тара родилась из одной только слезы Авалокитешвары, когда тот рыдал над ужасами мира. Из сострадания к людям Тара сама ведет их через мучительную цепь перерождений. Зато и зовут ее Тара Милосердная. Вместе с Авалокитешварой она защищает бедный человеческий род и всегда откликается на молитвы несчастных. Она часто спускается с небес на гору Потала, откуда внимательно следит за каждой слезой, оброненной страдающими людьми. В священных гимнах сказано, что богиня может быть красной, как солнце, синей, как сапфир, белой, как пена в океане, и сверкающей, как золото. Зеленая Тара пользуется особой любовью. Считается, что она пришла на землю в образе непальской принцессы, ставшей женой царя Сронцзан-гамбо, основавшего в Тибете буддизм.

Тара изображается сидящей на лотосе с маленьким цветком лотоса в руке. Одна нога ее спущена с трона и опирается на такой же цветок лотоса.

Любопытно, что монголы считают русских царей воплощением Белой Тары. Дело в том, что впервые ламаиты познакомились с русскими во время царствования

Екатерины II, и долго еще продолжали считать, что Россией правит красивая женщина в короне (они видели изображение государыни на монетах), очень похожая на Белую Тару.

Кроме будд и бодисатв, пантеон ламаитов состоит из сотен других, часто очень причудливых, божеств. Многорукие и многоголовые, похожие на ужасных колючих чудовищ, зачастую они выглядят весьма устрашающе. Но к буддистам эти страшные боги весьма милостивы. Ведь чем больше рук у бога, тем больше он сможет принести добра. Это древнее языческое верование усвоили многие религии. Следы его легко найти и в православии («Троеручица»).

Со страшными лицами рисуют божеств — охранителей закона (кала), хранителей веры — докшитов и царей — хранителей стран света. Эти устрашающие демоны изображены в доспехах, с грозным оружием в руках. Они скачут на разъяренных львах, огнедышащих конях или разгневанных буйволах, подминая под себя поверженные тела врагов. Зачастую их тоже изображают с оскаленной буйволиной головой. Демоны-охранители предстают порой совершенно обнаженными, украшенными колесами судьбы на вздутом животе и запястьях, с черепами на лбу и волочащейся по земле перевязи.

Каждый буддист в Монголии и Тибете выбирает себе личного покровителя — юдама. Порой такой юдам берется на всю жизнь, порой только на время, для выполнения той или иной цели. Он призван помогать в делах и семейной жизни, охранять путников на полной опасностей горной тропе. Как правило, юдам изображается все в том же устрашающем облике.

Для того чтобы умилостивить страшного защитника, совершают сложные, большей частью тайные обряды.

Считается, что особенное могущество бог-покровитель обретает в момент соединения со своей шакти. По-

этому часто можно видеть изображения сплетенных в самых откровенных позах богов, многоликих и многоруких, оскаливших страшные рты. Таковы и трехликий Дэмчок со своей шакти, якоглавый Ямантака в короне и ожерельях из человеческих черепов. Развевающимися волосы и высунутые острые языки таких устрашителей раскрашивают красным цветом. На иконах они представлены на фоне языков пламени или кладбища, где дикие звери разрывают могилы и рвут мертвецов. И не мудрено. Ведь божества эти призваны прогонять орды демонов, несущих болезни и смерть.

Примерно та же задача возлагается и на докшитов с той лишь разницей, что они должны охранять не отдельного буддиста, а весь священный закон. Поэтому и они предстают в тех же устрашающих позах, с теми же ужасными атрибутами, к которым добавляются еще змеи, свисающие с шей, оплетающие могучие ноги страшных богов. Такова, например, «Веприца-молния» — Ваджраварахи. Это отвратительная краснокожая женщина, которую часто изображают с синей свиной мордой. На шее богини традиционное ожерелье из черепов, в руках жезл в виде детского скелета, унизанного все теми же черепами, наполненная кровью чаша из черепной коробки грешника и острый жертвенный нож. Как и положено, «Веприца-молния» пляшет на трупе поверженного демона.

Тибетские божества часто изображаются с третьим глазом на лбу. Это «урна» — третий глаз Будды, знак особой мудрости и могущества. О нем мне предстоит еще рассказать. Иногда этот глаз изображают как бы в зачаточном состоянии — красная точка наподобие индийского кастового мазка или драгоценный камень у наиболее чтимых статуй; порой это вполне сформировавшийся глаз, расположенный либо параллельно линии бровей, либо вдоль линии носа. Многие видели у лам и маски в виде черепов с тремя пустыми глазницами.

В истории буддизма важную роль играли учителя-проповедники, которые часто основывали многочисленные секты. По сути, сам Гаутама, сам Будда-Сакья-Муни, был первым из проповедников. Буддисты почитают своих учителей за святую жизнь, глубокую мудрость и за то, что те несли свет учения другим народам. Поэтому изображения великих лам-учителей, далай-лам и святых «перерожденцев» почитаются наравне с богами. Высоким культом окружены и многочисленные субурганы с мощами и прахом святых, а также магические мандалы. Мандала—это и лотос и круг, в который вписан квадрат с отходящими от него фигурами в виде буквы Т и маленьким кругом посередине. Мандала — это символическое изображение мира. В центре ее — изображение божества, которому она посвящена, или горы Сумеру, где живут хранители стран света.

При богослужении лама сжигает перед мандалой благовония, приносит дары и непрерывно читает мантры, выкликая время от времени нужное ему божество. Часто он впадает при этом в экстаз, начинает шаманить, изменившимся голосом выкрикивает пророчества. Считается, что в эти минуты на него находит божественное откровение, а выкликаемое божество вселяется в ламу.

Мандалы и субурганы, как и статуи божеств, создаются по самым строгим канонам. Размеры и раскраска, божественные атрибуты, позы, число голов и рук, даже выражение лиц — все это раз навсегда определено и не подлежит изменениям. Лишь изображения учителей, паломников и монахов канонизированы не столь строго, хотя в том же Гумбуне Цзонхаву чтили наравне с Авалокитешварой.

Когда реформатор Цзонхава пребывал в Центральном Тибете, престарелая мать его, скучая по сыну, послала письмо, в котором просила хоть ненадолго приехать в родные края. Цзонхава ответил ей, что пусть она

поставит над священным деревом субурган со ста тысячами изображений Львиноголового (отсюда и название Гумбум) — это и будет равносильно их свиданию.

И мать Цзонхавы построила этот знаменитый субурган, от которого, как уверяют священные книги, «была большая польза для всех живущих существ».

В 1560 году вблизи субургана построил свою келью святой отшельник, а еще через двенадцать лет, в год огненной коровы, здесь возвели храм со статуей двенадцатилетнего Майтреи (по-тибетски Чжамба-гонбо).

В 1583 году третий далай-лама — Соднам-чжяцо — основал и сам монастырь.

Вокруг священного субургана стоит ныне храмовая постройка из серого гранита, увенчанная двойной золоченой крышей. В нише субургана покоится золотое изображение Цзонхавы, под которым на мраморной ступеньке установлены маленькие субурганы с прахом лам и постоянно горящие светильники.

Паломники растягиваются здесь на земле всем телом. Это благочестивое поклонение «вростяжку», когда человек превращается в гусеницу-землемера. Считается, что оно особенно угодно богам. Последовав примеру остальных, Цыбиков тоже распростерся в пыли, после чего получил право зажечь еще один светильник. У самого входа в этот храм стоит высокое сандаловое дерево. Говорят, у него один корень с тем священным деревом, которое находится теперь внутри субургана.

Совершив поклонение субургану Цзонхавы, паломники направляются в храм Майтреи, крытый такой же двойной шатровой крышей из золоченой черепицы, после чего, опять-таки совершив поклонение «вростяжку», идут почтить страшных охранителей Чжигжэда, Чагдора, богиню Лхамо на лошади, нагруженной трупами, Махакалу, Кшэтрапалу и Дэмчока.

Цыбиков видел желтые тибетские буквы на коре сан-

даловых деревьев. Говорят, они обновляются каждую весну. Но листья выглядели совершенно обыкновенно. Ни на одном из них он не увидел даже намека на силуэт устрашителя. Может быть, со времен Цзонхавы дерево утратило часть своей волшебной силы, возможно же, что ламы разучились уже творить чудеса. Но это ничему не мешает. Если легенда говорит, что изображения на листьях выступали, то отнюдь не важно, случается ли это теперь или нет. От семян священного дерева, занесенных на дно оврага, уже выросла целая роща. Листья с этих растущих среди дикого лука деревьев тщательно собирают и высушивают. Ламы продают их многочисленным паломникам. Листьям приписываются чудодейственные свойства. Особенно незаменимыми они считаются при трудных родах. Монголы-паломники вывозят их целыми тюками. Чтобы хватило на все стойбище и было чем поделиться со спутниками по весенним кочевьям.

В монастыре Гумбум четыре дацана: богословский, медицинский и два мистических: дийнхор и чжюд. Когда-то здешним ученым ламам покровительствовал один из хранителей учения — царь Бэхар. Ему даже посвящен маленький храм на дне оврага. Над входом в храм надпись: «Величественная добродетель блестяще правит». Изображение Бэхара — скачущего на льве устрашителя с туго натянутым луком — все еще хранится в этом храме. Но божественный дух навсегда отлетел отсюда. Рассказывают, что, когда в монастырь ворвались разъяренные мусульманские фанатики, лама-прорицатель, схватив статую царя-хранителя, бесстрашно бросился в толпу врагов. И был убит. С той поры Бэхар разгневался на монахов, которые, оказав активное сопротивление фанатичным убийцам, нарушили созерцательные заветы буддизма.

Но даже покинутый божеством храм все равно остается священным. И в этом отличие ламаизма от всех миро-

вых религий. Здесь чтят проявление божественной воли независимо от того, что оно несет людям. Нарушивший обеты лама-прорицатель считается святым, несмотря на то что вызвал божественное неудовольствие. Одним этим он стал как бы сопричастен к царю-хранителю. А за нарушение обета он расплатился жизнью. Только и всего.

У самого обрыва стоит здание мистического факультета чжюд, основанного в 1649 году по образцу лхасского дацана. Здесь хранится много чудес, о которых почтительно шепчутся друг с другом паломники. Весь Тибет знает об отделанном в золото габале, изготовленном из черепа матери Цзонхавы. На нем якобы само по себе появляется священное слово «хум». В габале хранятся рисовые зерна, которые «сами собой множатся». Эти необыкновенные зерна исцеляют болезни и приносят богатые урожаи.

Цыбиков попросил показать ему священную реликвию. Но факультетский лама дал лишь одно-единственное зернышко.

Простое рисовое зернышко, точно такое, как продают богомольцам по десять чохов за штуку. Вообще, этот факультет славится своей строгой дисциплиной. Может быть, именно поэтому в нем обучается лишь двенадцать (из 2000!) монахов Гумбума.

Все местное духовенство возглавляет хамбо-учитель, которого официально именуют «первопрестольным».

Его избирают из «перерожденцев» прежних хамбо, но всего на три года, а не пожизненно. Выбранный «перерожденец» живет в отдельном дворце, выкрашенном в ослепительно красный цвет.

Внешними атрибутами должности «первопрестольного» служат желтый зонтик и такая же, как у Цзонхавы, желтая остроконечная шапка с длинными наушниками, которую тибетцы называют банша-нэрин. Когда этот лама появляется на улице, то его сопровождает целая про-

цессия: ламы несут зажженные курительные свечи, музыканты непрерывно дуют в медные трубы.

Хамбо — первое лицо в Гумбуме. Он распоряжается всей жизнью монахов, присуждает ученые степени, выступает с проповедями. Мирские дела вершит цокчэн-гэбкой, или «правитель добродетели». Обычно он носит перед хамбо курительные свечи. «Правитель добродетели» следит за дисциплиной и разрешает все судебные дела, возникающие вне монастыря. За небольшие проступки он прямо на месте наказывает своим распорядительским жезлом, для более серьезных случаев у него припасены длинные плети. Власть «правителя добродетели» весьма велика, и во избежание злоупотребления этой властью он назначается только на один год.

Административное же управление полностью находится в ведении трех чиновников, называемых китайским словом «лао-е» со степенями: «да» — старший, «эррл» — второй, «сан» — третий. Как это иногда бывает, высшая степень дает большой почет, но не дает власти. Всем вершит эррл-лао-е, или второй чиновник. Он заведует общемонастырским имуществом, земельными угодьями и крестьянами, которые живут на них. Он непосредственно сносится с сининским амбанем и несет ответ перед ним одним. Понятно поэтому, что чиновника степени эррл всегда назначают китайские власти.

Нет слов, самоуправление в монастырях очень велико, но китайцы знают буквально о каждом шаге местной власти и в любой момент могут взять все бразды правления в свои руки.

Цыбиков бродил по узким и кривым улочкам монастыря, стараясь понять, почему столько здоровых и сильных мужчин добровольно отрекаются от активной жизни. Во имя некой высшей истины? Во многих странах есть монастыри. Но нигде монахи не составляют столь значительного процента населения. В этой стране нет ни

школ, ни музеев, ни больниц, ни театров. Все сосредоточено в монастырях. Обучение грамоте, исследование природы, хранение знаний, ведение исторических хроник, врачевание и красочные ритуальные танцы. Словно целый народ добровольно отрекся от реальной жизни ради невероятной цели, смутно мерцающей впереди. Но разве не то же было в Египте, где служение мертвым заставляло забывать о нуждах живых? Да и можно ли говорить о каком-то добровольном решении народа? Нет, простой люд, хотя и чтит богов, принося им непосильные жертвы, мало расположен сменить простор степей на монастырскую келью. Если бы не полная изоляция от внешнего мира и не изоциренная политика китайских властителей, законсервированный порядок здешней жизни рассыпался бы, как извлеченная на свет мумия. Он и так подорван изнутри. Разбой по дорогам страны, где даже сам далай-лама не чувствует себя в безопасности, народные волнения, чудовищная коррупция и жестокость китайской администрации — все это вместе подтачивало основы векового миропорядка. Если чуть-чуть облегчить жизнь монгольского скотовода, заставить его поверить, что лекарства вернее спасут от болезней, чем священные глупости, если научить его детей грамоте не в горных монастырях, а на родном стойбище, то он сумеет стряхнуть сонное оцепенение. Степной житель не стремится к нирване. Он даже не понимает, что это такое. Изоциренная метафизика буддизма чужда и непонятна ему. В душе он все такой же язычник, приносящий жертвы стихиям земли. В святом архате он все еще видит шамана с бубном. Недаром религия ламаитов поражает своей варварской пышностью и причудливой фантастичностью, столь чуждыми созерцательному буддизму. Именно такую форму религии и поддерживает пекинский двор. Поверхностному наблюдателю кажется, что в вопросах веры далай-лама является полным властелином в своем государстве.

Возможно даже, что так кажется и самому далай-ламе. Но и буддизм в Тибете испытывает влияние Небесной империи. Китайские богдыханы неоднократно посылали в подарок лхасскому двору священные буддийские книги, в том числе свод канонов «Трипитаку».

Главным божеством в китайском буддизме считается «владыка Запада» Амитаба, который царствует в «Стране совершенного блаженства». Верующие в Амитабу попадают в Западный рай Сукхавати, где перерождаются для высшего бытия. На иконах китайской школы часто можно видеть различные вариации одной и той же сценки: «Будда Амитаба встречает душу умершего праведника».

Обыкновенно Амитаба изображается стоящим на лотосе. Крутыми спиралями идут от него лучи благодати. Будду сопровождают бодисатвы с цветами лотоса в руках. На один из цветков всходит крохотный ребенок, символизирующий безгрешную душу. В раю этот несущий праведную душу лотос распустится, а праведник обретет блаженство.

Иногда на иконах рая Сукхавати будду и бодисатв сопровождают музыканты и прекрасные танцовщицы. Вообще рай часто условно изображается в виде чудесных, летающих в небе музыкальных инструментов, которые «некасаемые сами звучат». В прекрасных синих озерах, поросших огромными розоватыми лотосами, покоятся праведные души. Над зеркальной водой пролетают пестрые птицы. Вот как говорят о рае сутры:

«В стране совершенного блаженства есть семь драгоценных прудов, наполненных водой восьми заслуг... В пруду лотосы с большое колесо, благоухающие тонким ароматом. В стране совершенного блаженства, в чистой земле Будды есть всевозможные красивые птицы разных цветов — домашние и дикие гуси, цапли, аисты, журавли, павлины, попугай, калавинки, двухголовые птицы

минмин и другие. Во все часы дня и ночи они общим хором стройно поют».

Как это удивительно по-китайски! Дело не только в том, что китайские чиновники хотят дать задавленному нуждой тибетскому ремесленнику и монгольскому айрату надежду на лучшую жизнь. Это и так одна из основных, пусть не всегда осознанных, целей ламаизма.

Постепенное проникновение культа Амитабы в Тибет проливает свет на конечные цели пекинского правительства. Цели эти вполне конкретны и ясны. Далай-лама и другие иерархи, безусловно, понимают, что Китай стремится к полному присоединению Тибета. Для этого используются все средства: искусственная изоляция страны от внешнего мира, дублирование всех ключевых постов китайскими чиновниками, военное и политическое давление. Но, только хорошо зная тонкости буддийского культа в Китае и Тибете, можно понять, что ту же цель преследует и постепенное внедрение культа Амитабы. На первый взгляд ничто не может вызвать здесь тревоги у Лхасы. Амитаба хотя и не главное, но все же исключительно почитаемое здесь божество. Он является духовным отцом Авалокитешвары-бодисатвы, «перерожденцами» которого считаются далай-ламы. Поэтому даже если главное божество китайцев и расширит свое влияние, из этого еще не вытекает, что Китай делается центром религиозной догматики. Далай-лама все равно останется духовным владыкой ламаитов, будь то тибетцы, непальцы или китайцы. Операция задумана куда более тонко. Дело в том, что культ Авалокитешвары (по-китайски Гуань-инь) и в китайском буддизме занимает очень важное место. Более того, на китайской почве Гуань-инь превращается в женское божество и становится богиней милосердия. Многочисленные иконы, которые китайцы жертвуют в тибетские монастыри, позволяют проследить все этапы такого превращения. И в нем

вся суть тайной религиозной диверсии. Превратив Авалокитешвару, душа которого воплощается в тибетских первосвященников, в женское божество, пекинские политики надеются подорвать сами основы власти далай-ламы!

Но понимают ли это в Лхасе?

И не в этом ли заключается самая сокровенная тайна китайцев, которые так ревниво оберегают Тибет?

Цыбиков записывал священные легенды, просматривал древние летописи, а Цэрэн тайно фотографировал монастыри, предметы культа и быта. Весь этот чрезвычайно интересный этнографический материал, безусловно, окупал все трудности тайной поездки. Но постепенно, как бы помимо всего, ему становились понятны истинные тайны этой страны. Они касались не столько религии, сколько политики, и охранялись куда строже, чем самые священные реликвии.

Гумбум поразил Цыбикова своей запущенностью и нечистоплотностью. Нечистоты выбрасывались здесь прямо на улицу. Гигиену поддерживали только стаи бродячих собак и крестьяне с огромными плетеными корзинами за спиной. В эти корзины они подбирали всевозможные отбросы, чтобы хоть как-нибудь удобрить год от года тощающую землю. Бережно собирается здесь и навоз, который высушивается и идет на топливо. Этот навоз усердно подбирают и сами ламы, чтобы топить печи под нарами и на кухне. Только очень зажиточные люди могут позволить себе топить мелким кустарником, который стоит дорого.

Гумбум расположен на стыке караванных путей между Монголией и Тибетом. Это центр всей местной торговли и опорный пункт ламаизма в Монголии. Все это наложило своеобразный отпечаток на жизнь монастыря и китайской слободы.

Именно отсюда ввозятся в Тибет китайские иконы и

статуэтки. Благодаря особому положению Гумбума его посетили в разное время третий, четвертый, пятый и седьмой далай-ламы, что сильно возвысило этот монастырь над другими. Скамейки, на которых сидели владыки Лхасы, ниточки из их священных одеяний — все привлекает толпы паломников. Одни только цайдамские монголы ежегодно присылают сюда целое посольство, которое пригоняет лошадей, верблюдов, сотни голов крупного и мелкого скота.

Монахи живут в святом Гумбуме припеваючи. Может быть, поэтому монастырь и не отличается особой строгостью не только в нравственных, но и в религиозных вопросах. Многие монахи не умеют здесь даже читать. Вещь, конечно, неслыханная! Женщин свободно допускают в обитель и разрешают остаться на всю ночь. В кельях часто устраивают выпивки, не стесняются даже осквернять священные стены табачным дымом.

Получается, что чем больше святынь в монастыре, тем больше он собирает паломников, а следовательно, и приношений, и тем в большем небрежении оказываются нравственная и религиозная дисциплина. Лишь факультет чжюд еще как-то противостоит лени, невежеству и пороку, обуявшим Гумбум. Недаром там только двенадцать учеников. Одни они не побоялись строгой аскетической жизни, которую предписывает ламам устав Цзонхавы. Не утратило их и то, что лишь первоначальное обучение на факультете длится свыше восьми лет. Таковы контрасты этой непостижимой страны.

За месяц Цыбиков хорошо изучил Гумбум и решил посетить другой знаменитый монастырь, Лабран, — один из немногих, которые могут присуждать высшие ученые степени. Он нанял проводников — китайских татар-сараров.

Эти подрядчики-монополисты установили твердую таксу за проезд до Лабрана: 3 лана 5 цингов серебра за

каждые 150 китайских фунтов * веса. Причем учитывается не только вес вьюков, но и человека. Так что ему пришлось заплатить еще за 120 фунтов.

Салары ходят между Гумбумом и Лабраном партиями в 5—6 человек с 10—12 мулами. Получив половинную плату вперед, они сажают путешественников верхом, а сами отправляются пешком. Ежедневно они проходят определенное расстояние и устраиваются на ночлег в одних и тех же постоянных дворах.

Наняв таких саларов, Цыбиков выехал из Гумбума 6 февраля.

В китайской деревне Дама его проводники взяли фитильные ружья на случай, если нападут тангуты-грабители. Магометанам разрешается носить оружие лишь на опасных участках пути. На следующем постоялом дворе они его оставили. Путь до Лабрана не труден и занимает около недели.

Ехали по левому берегу реки по черной равнине, где в ямах и у валунов лежал снег. Видимо, здесь часто дуют сильные ветры.

У излуки дорога свернула к скалам. Здесь в Хуанхэ вливался горный поток. Незамерзающая вода яростно прыгала по камням, наращивая широкий галечный берег. Еще издали Цыбиков заметил человека, сидящего у самой воды.

Он подумал, что это какой-нибудь магометанин, по обычаю пришедший к реке с ковриком и четками, чтобы совершить утренний намаз.

Когда же подъехали ближе, стало ясно, что человек этот абсолютно гол. Он сидел на покрытой ледяной коркой гальке, и у ног его бушевала пена. И человек этот был жив, ибо легкие струйки пара уходили в небо от его обнаженного тела.

* Около 88 килограммов.

— Кто это? — спросил Цыбиков салара, державшего уздечку его лошака.

— Респ, — коротко ответил проводник. — Они часто приходят сюда.

Он уже слышал о респях — адептах высшего посвящения, достигших огромной силы самовнушения. Говорят, они голыми проводят целую ночь на морозе, воображая, будто изнывают от жары, и не замерзают. Это самые настоящие аскеты, вроде индийских йогов. Респы живут в пещерах, едят только овощи и болтушку из цзамбы, приготовленной из высокогорного ячменя грима.

Цыбиков проехал мимо респы, но тот даже не пошевельнулся. Ослепительно сверкала ледяная корка на камнях, и грохотал пенистый поток.

— В этих скалах много пещер, где живут святые отшельники, — сказал салар, когда они уже порядком отъехали от грохочущей воды. — Их называют ри-год. Тангуты всегда приносят им пищу. Оставляют у скал и уходят. Но те берут очень мало. Они не пьют даже молока яков, чтобы не отнимать его у сосунков.

Салары одеваются по-китайски, но носят свои особые остроконечные колпачки из синей шерсти, которые украшают золотыми нитками. Их женщины ходят в шароварах и прикрывают нижнюю половину лица. Между собой говорят по-тюркски, но хорошо знают китайский и тангутский языки. Цыбиковский проводник знал еще монгольский и тибетский, хотя и не очень хорошо. Цыбиков для практики изъяснялся с ним по-тибетски.

— А вы, салары, — спросил он, — разве не приносите еду отшельникам? Тут же вокруг много саларских деревень?

— Нет бога, кроме аллаха, — сухо сказал он. — Аллах велик, и Мухаммед пророк его.

Это был все тот же мусульманский фанатизм, который вызвал здесь в 70-х годах такие волнения, пожары,

убийства, избивание лам и разграбление монастырей. Та же мрачная, до поры затаившаяся нетерпимость.

Они проехали знаменитую Хатунгай-гол, что по-монгольски значит «Река царицы», где прекрасная царевна, полоненная в чужих землях Чингисханом, нанесла ненавистному повелителю коварный удар кинжалом, от которого тот вскорости и скончался. Теперь места эти считались мирными, хотя стояли тут тангутские и саларские поселения, столь яростно враждовавшие друг с другом в былые времена. Медленно умирает старая вражда.

На четвертый день пути поднялись на перевал. Суевверная и загадочная, полная седых тайн, лежала под ними эта скованная морозом земля. Словно сама мать-Азия, дремлющая в связанном оцепенении.

Каменные алтари, на которых неведомые народы приносили жертвы неведомым богам. Сбросившие листву священные деревья, расцветшие предвесенней пестротой сотен разноцветных лоскутков. Собранные в груды рога яков. Таинственная глубина пещер, где сумрачные стены еще хранят копоть давно отгоревших костров. Даже улыбки на лицах высеченных в скалах будд похожи здесь на сладкую языческую дрему. Это не отсвет познания, не мудрость отречения. Просто сладкий тысячелетний сон. О чем? Может быть, ни о чем...

Лабран, точнее Лабран-дашийнчил, означает «ламский дворец — круговорот благ». Прежде всего он поражает какой-то немислимой чистотой. Ни гниющих зловонных куч, ни смрадных луж, ни бродячих собак — ничего из того, что казалось раньше непременно принадлежностью монастырей. Строгие глинобитные стены и такие же домики под соломенной кровлей окнами во двор. Аскетические субурганы и мэньдоны, на которых уставными красками выведены магические знаки. Ничего лишнего. Все в образцовом порядке. Зато храмы

и дворцы «перерожденцев» восхищают паломника так же, как в Гумбуме.

Самой большой святыней считается здесь храм, в котором стоит отлитый из позолоченной меди 80-футовый Майтрея. Именно таким великаном и должен явиться на землю этот победоносный будда грядущего мирового периода. Конечно, на самом деле статуя много ниже. Здесь, как и в других посвященных Майтрее храмах, несоответствие размеров объясняют тем, что статуя изображает не зрелого Майтрею-победителя, а восьми- или двенадцатилетнего мальчика.

Рядом с храмом Майтреи стоят каменные храмы, посвященные Цзонхаве и Таре, и субурганы с прахом лам. Лабран славится по всему Тибету ученостью священных коллегий, образующих пять высших дацанов, и безупречной дисциплиной. Каждое утро монахи приходят здесь на общее собрание, где разбираются все поступки за прошлый день. Каждый обязан рассказать все, что он знает дурного о себе и своих товарищах. Совершивших прегрешение тут же наказывают розгами. Не проходит и дня, чтобы кого-нибудь не высекли. Интересно, что такие собрания — дело абсолютно добровольное. Но почти все монахи приходят на них. Это единственная возможность получить к утреннему чаю шарик масла из жирного якового молока. В отличие от Гумбума ламы живут здесь почти впроголодь и не обладают никаким личным имуществом, кроме чайника, глиняной чашки и крохотной печурки, топить которую устав предписывает только сухим овечьим навозом.

На север от монастыря лежит каменное ущелье, над которым постоянно кружится воронье, подымающее страшный крик, когда с неба камнем падает гриф или ягнятник.

Здесь кладбище, куда, как на пир, слетаются хищные птицы, приходят собаки и шакалы.

Остановка пульса и прекращение дыхания еще не считаются здесь свидетельством полного прекращения жизни. Тибетцы считают, что дух (нам-шэ) остается в теле не меньше трех дней. Только у лиц, достигших высоких степеней святости, душа отлетает с последним вздохом, спеша присоединиться к обитателям рая. Но ведь всем известно, что случаи такой святости в нашем мире встречаются нечасто.

Поэтому великим грехом считается переносить, даже просто трогать тело сразу же после смерти. И три дня вокруг покойника горят курительные свечи, и сменяя друг друга родственники и друзья молятся о ниспослании усопшему счастья в будущей жизни.

Утром четвертого дня составляют гороскоп умершего и того, кому первому предстоит прикоснуться к нему. Только после этого начинается погребальный обряд. Первым делом обращаются к душе покойника, умоляя ее выйти через одно из отверстий в черепе. Это очень важная часть обряда. Ведь душа может заблудиться, выйти совсем через другие двери и обречь себя на вечное мучение.

Один за другим выходят родственники из комнаты. У трупа остается только лама. И пока он не объяснит всем, откуда вылетела душа, никто не смеет войти.

За исполнение столь ответственного обряда лама получает корову, яка, барана или же несколько ланов серебра — в зависимости от состояния покойного. Затем астролог отмечает даты рождения всех присутствующих. Если выясняется, что кто-нибудь родился под тем же созвездием и планетой, что и покойный, то этому человеку приходится уходить домой. Иначе дух покойного может убить его. Естественно, что «спасенный» родственник отдельно благодарит бдительного астролога, который и без того получает хороший подарок.

После всех церемоний тело плотно бинтуют холстом

и укладывают на носилки лицом туда, куда укажет астролог. Вокруг головы зажигают пять масляных лампад, после чего загораживают носилки ширмами, за которыми ставят лампу и чашки с любимой едой покойного. Только на другой день, обычно рано утром, тело переносят на кладбище. Участники процессии совершают перед носилками почтительные поклоны. За гробом следуют два близких родственника, которые несут чай и блюдо с цамбой, и лама, держащий в левой руке конец привязанного к носилкам шарфа. Он выкрикивает на ходу похоронные мантры, вращая правой рукой молитвенный барабан. Время от времени он оставляет шарф и звонит в колокольчик. Поставить носилки на землю до прибытия на кладбище считается дурным знаком. Если же это почему-либо случается, то погребение совершается прямо гут же.

Впрочем, погребение не совсем уместный термин для описания ламаитских похоронных обрядов.

На каждом кладбище лежит большая каменная плита, на которую лицом вниз кладется обнаженное тело. Затем лама проводит на нем линии, вдоль которых и разрубает его длинным мечом, шепча при этом специальные мантры. Первый отрубленный кусок он бросает самому большому и старому грифу — завсегдатаю кладбища. Остальные куски достаются прочим птицам. Стаи ястребов и грифов (танькары) постоянно кружатся над кладбищем. Это совершенно ручные, если только позволено так говорить в столь исключительном случае, птицы. Одна за другой подлетают они к мертвому телу, повинуясь зову ламы.

Когда на месте ужасного пиршества остаются одни лишь кости, приступают к заключительной части обряда. Дробят эти кости камнями и, смешав их с мозгом из разбитого черепа, бросают птицам.

Затем лама берет новый, не побывший в употребле-

нии, глиняный сосуд и наполняет его сухим коровьим навозом, цамбой и маслом. Он бросает в сосуд раскаленный уголек и ставит его так, чтобы жертвенный дым курился в ту сторону, куда предположительно отлетела душа покойного.

Погребение окончено. Все присутствующие моют руки и, отойдя немного от кладбища, усаживаются завтракать. В полдень они возвращаются домой. Сорок девять дней после этого на кладбище носят еду и питье в самых лучших сосудах и возжигают курения из цамбы, масла и можжевелевой хвои.

По поверьям, в период бардо (так называют промежуток между смертью и возрождением) дух покойника блуждает возле дома. Чтобы не причинить ему вреда, на сорок девятый день принято взять одежду покойного и кошелек с деньгами и отнести тантрическому ламе. Этот лама особыми мантрами отгоняет демонов и голодных духов от дома.

Особые моления совершают также на седьмой день после смерти и повторяют их каждые семь дней периода бардо. В эти дни монахам раздают щедрое подаяние: золото, серебро, масло и чай. В особо святой сорок девятый день дается большой обед всем ламам общины.

Только тогда родственники могут быть уверены в благополучии души покойного.

Обычай разрубать умерших на куски и отдавать их на съедение хищным птицам проистекает из основного убеждения ламаитов, что милосердие — величайшая из добродетелей. Человек, на похороны которого слетается особенно много птиц, считается добродетельным. Если же птицы и даже собаки почему-то не дотрагиваются до останков, то это указывает на порочную жизнь умершего.

Тела прокаженных, а также беременных или бесплодных женщин считаются нечистыми. Их зашивают в кожаные мешки и бросают в воды великих рек.

Зато воплощенных лам сжигают на специальных кострах, после чего бережно собирают пепел в субурган. Останки же святых, являющихся, по поверью, воплощениями бодисатв и будд, сохраняют подобно египетским мумиям. Их тщательно бальзамируют и усаживают потом в субурган, придав телу созерцательную асану и мудру будды. Эти святые обычно сами указывают перед смертью, где, когда и в какой семье вновь воплотятся их души...

С первыми днями ослепительной монгольской весны паломники стали готовиться к дальнейшему пути.

Для пути в Тибет лучше брать мулов, чем лошадей. Они, во-первых, выносливее, а кроме того, их можно выгоднее продать в Лхасе. Цыбиков купил четыре лошади и десять мулов, что обошлось ему почти в 500 ланов. Затем пришлось приготовить полный комплект верховых и вьючных седел, закупить для четырех погонщиков сушеного мяса, крупы, цзамбы и масла, а также дробленого гороху для животных. На все это пошло, включая плату погонщикам, еще 600 ланов. Он истратил почти половину своих денег, а путь, в сущности, только начинался. Если животные падут в дороге и он не сумеет продать их в Лхасе, на возвращение не хватит средств. Разве что придется пустить в ход неприкосновенный резерв — золотые пластинки, спрятанные в каблуках сапог.

Все богомольцы решили идти в Цайдам по южному берегу Кукунора. На этом пути легче достать корма для животных и меньше шансов встретить людей Рабтана. Этот тангутский лама самовольно взимает налог со всех монголов, едущих через его кочевья. В молодости он учился в Гумбуме, но оставил тихую монашескую жизнь ради разбойничьих подвигов в степи. Он воевал с соседями, нападал на караваны, совершал лихие набеги на чужие стада. Однажды он напал даже на караван,

везший из Тибета в Монголию ургинского хутухту. Приближенные монгольского иерарха и даже ехавший с ним китайский амбань ничего не могли поделаться с отважным разбойником. Пришлось заплатить большой выкуп. Чтобы сохранить хорошую мину при плохой игре, хутухту назвал этот выкуп «подарком» и попросил Рабтана оказывать покровительство всем проходящим через его владения монголам. Тангутский атаман быстро понял, какую выгоду даст ему такое покровительство, и, воздав хутухту подобающие почести, любезно согласился. С тех пор он регулярно стал брать с каждого богомольца 2 цина серебром в качестве платы за хлопоты. Плохо приходилось тем, кто отказывался платить. Рабтан грабил тогда караван подчистую.

Теперь Рабтан сделался слепым и немощным стариком, но лучше было обойти его стороной. Поэтому, пройдя по дороге Гумбум — Донкор только шесть верст, караван свернул влево и, перевалив через хребет, вышел на речку Раку. Здесь был объявлен сбор всех паломников. Поджидая запаздывающих, провели у реки три дня. Молодая трава только-только пробилась из-под оттаявшей земли. Лошади меланхолично жевали сухую, прошлогоднюю. Мутные глинистые воды несли ветки, стебли отмерших камышей, мелкий степной сор. Но где-то внизу уже начинала цвести полынь. Горьковатый, зеленый от пыльцы ветер бил в лицо порывистыми волнами. И лошади поворачивались ему навстречу, раздувая ноздри, и замирали, словно к чему-то прислушивались. Где-то уже началась настоящая весна.

Когда прибыли наконец последние паломники, старшины стали собирать оружие. На каменный жертвенник побросали фитильные ружья, винтовки-берданы, револьверы, сабли и пики. Предстояла церемония освящения. Зажгли благовонную смесь из цамбы, масла и можжевельника и устроили шумный хоровод. Лама без пере-

рыва читал сан — молитву о благополучном пути. После молитвы паломники разобрали оружие и, уже вооруженные, обошли дымящийся жертвенник, выкрикивая: «Лха-ржял-ло!» — что значит «Божество победило!», или, точнее, просто «ура».

Затем приступили к избранию начальника каравана. Это весьма ответственная должность. Начальник каравана ведет все переговоры с властями, от его авторитета во многом зависит размер многочисленных налогов и поборов. Вот почему на этот пост стараются выбрать людей богатых и бывалых, внушающих уважение.

Многие паломники ратовали за некоего Ешейтамба, побывавшего в Лхасе уже девять раз. К своему неудовольствию, Цыбиков узнал в этом Ешейтамбе того самого одноглазого, со следами оспы на лице паломника, с которым так неосторожно заговорил об охоте на антилоп. Поэтому он подговорил знакомых алашанских монголов отдать голос за другого кандидата — казначея, «перерожденца» Чэшой из Кумбума. Его и выбрали. Он сразу же занял место впереди каравана. Глава каравана ехал на хорошей лошади, зорко поглядывая из-под ладони на синие полосы горизонта. За спиной его болталось ружье, в левой руке была пика с флажком. Столь же воинственно выглядели и другие амдосцы. Зато почти безоружные монголы мирно покачивались в седлах и, казалось, готовы были покорно снести любые обиды.

Но пока судьба хранила паломников. За несколько дней они не встретили на дороге ни одного человека. Плоская желто-бурая равнина незаметно покрылась зеленой пылью нарождающейся травы.

Перевалив хребет Алтан-сорго, люди увидели синее переливчатое стекло Кукунора. На всех языках зовут это озеро синим: Кукунор по-монгольски, Циньхай по-китайски, Цо-Нонбо по-тибетски. Густые индиговые струи муаровым узором расходятся по всей поверхно-

сти озера. Оно кажется синим и под бездонным народившимся небом весны, и в огне заката, и в желто-зеленом свете раннего утра. Меняются лишь оттенки и освещенность. Синева может казаться угрюмой и мутной, кристально чистой, ослепительно радостной, но всегда остается синевой.

Решили немного задержаться у озера, воды которого считаются целебными. Лагерь устроили под стенами старой крепости. Серая, высушенная веками глина расстрескалась и осыпалась. Возведенные когда-то из глины стены медленно и неуклонно превращались в первозданный прах.

Эти развалины уже не принадлежали человеку, они сделались достоянием земли, таким же, как пещерные галереи или каменные леса в недоступных ущельях.

Запалили костры. Густой сладковатый дым полетел на закат, лиловея и тая в пути.

А ночью пошел сухой колющий снег. Температура резко упала. Животные забеспокоились. Трубный рев мулов далеко прокатился по ложбине. Цыбиков выглянул из палатки. Мертвая луна изливала на развалины колдовской пепельный свет. Льдисто блестело озеро. Даже ночью оно казалось синеватым.

Сильное майское солнце быстро растопило выпавший ночью снег. Дрожащие ручейки пара весело потянулись к небу. Не успели сварить сушеное мясо, как все вокруг вновь стало сухим и пыльным. Эта земля легко брала и столь же легко отдавала воду.

Цыбиков спустился к озеру. Оно выглядело по-весеннему мутным. Шелестела белая прошлогодняя осока. Посреди озера темнел остров, на котором стоял небольшой монастырь. В нем живут всего лишь шестеро лам. Никто не мог сказать, что они изучают в тиши и какими святыми деяниями прославили свою уединенную обитель. Почти круглый год монастырь отрезан от

мира. Только зимой, когда озеро замерзает, монахи отправляются в ближайшие деревни за провизией три или четыре раза за всю зиму. Денег у них нет, домашних животных и огорода тоже, и живут они подаением. Совершенно бескорыстным подаением, потому что они не лечат и не предсказывают будущее, не совершают тантрических церемоний, не участвуют в свадебных и похоронных обрядах. Молча принимают милостыню и, не благодаря, уходят по льду на мохнатый камень, угрюмо чернеющий посреди застывшего озера.

Ему очень хотелось бы посетить этот монастырь, но он понимал, что это совершенно невозможно. Паломники оставили на прибрежных камнях мешок цамбы в надежде, что зимой его подберут монахи, и снялись с места.

16 мая начались соляные болота Цайдама. Непроходимый губительный край. Решили обойти болото стороной, по пескам. Сделав трудный переход около 35 верст, достигли реки Шара-гол. Измученные животные кинулись к воде. Решено было заночевать на берегу, прямо в зарослях сухая. Начальник каравана созвал совет. Предстояло выбрать дорогу, по которой идти. Главных дорог, ведущих из Южного Цайдама в Тибет, две: через перевал Бурхан-будай и через Найчжи.

Одноглазый настаивал, чтобы шли через Найчжи. Он говорил, что все девять раз ходил в Лхасу этой дорогой, поскольку она обильна травой. Но начальник, помня, очевидно, недавнее соперничество, не склонен был уступить сразу. Он долго морщился, вздыхал, но в конце концов согласился.

И вправду, вскоре открылось зеленое поле, поросшее яркими весенними цветами. Белые разлохмаченные дорожки пересекали его из конца в конец. Они собирались в тугие жгуты и расходились потом в разные стороны. Но где-то далеко-далеко они соединялись вновь.

Таково свойство монгольских дорог. Многие из них ведут в одно место. Надо только выбрать лучшую — крагчайшую, безопасную, богатую водой и пищей. Но как тут выбрать? Степной кочевник не ищет чужих дорог. Он странствует по зеленому полю, оставляя за собой примятый, быстро зарастающий след. У каждого здесь своя дорога. Только паломники бредут к лхасским святыням одним и тем же, в незапамятные времена проторенным путем. Таков обычай. Может быть, он возник не случайно. Чтобы легче было выявлять лазутчиков.

Тревожно и сладко пахло весной. Над головой танцевали облака комаров. В ушах стояло их зудящее пение.

Караваны из Гумбума в Тибет обычно отдыхают здесь недели две, чтобы получше откормить животных перед трудной дорогой, перед Северным Тибетским плоскогорьем, где сквозь сланцевые плитки пробиваются колючки да жалкие кустики сорных трав.

За время стоянки каждый несколько раз съездил к летникам местных монголов, чтобы выбрать лошадь и купить с десятков баранов. Цыбиков тоже купил мерина-трехлетку и восемь баранов. Все стоило 25 ланов. Гораздо дешевле, чем в Гумбуме.

Но теперь караван не мог идти столь быстро, как раньше. Его сковывало баранье стадо, которое не поспевало за лошадьми и далеко растягивалось по дороге. Еще хуже приходилось на переправах. Бараны не хотели лезть в воду, и их нужно было тащить за рога. Они часто вырывались и убегали в степь. Приходилось снаряжать погоню и долго гоняться за упрямяцами. Иногда животные останавливались на самой середине пенящегося потока, и никакой силой их не удавалось стронуть с места. Не мудрено, что в первый же день не досчитались десяти голов. Зато потом кто-то углядел на высокой скале несколько чужих баранов, отбившихся от какого-то каравана. Трех изловили, а одного подстрелили.

Поэтому только на пятый день добрались до переправы Ного-тохой. Это место показалось раем: сочная молодая трава и никаких комаров. Этот и весь следующий день все отдыхали.

Впредь решено было делать короткие переходы, большую часть дня оставляя для отдыха. Не удивительно, что редко теперь удавалось сделать за день больше 15 верст. И это по хорошей, безопасной дороге!

Трудности начались 15 июня, когда отвесные скальные берега с обеих сторон сжали реку Найчжи. По узкому карнизу, нависающему над самым потоком, можно было провести только мула или лошадь. Верблюды там уже не пройдет. А в караване было тридцать верблюдов, в том числе два цыбиковских.

Поневоле приходилось карабкаться на горный перевал, идти в обход. Но едва взобрались на этот перевал, как пришлось из-за крутого спуска развьючить животных и взвалить тюки на себя. Нет ничего труднее этого головокружительного спуска по великанским каменным ступеням с грузом на голове. Они проделали этот путь дважды. Одолев перевал, сразу же стали готовиться к новым испытаниям. Всю ночь и весь следующий день жгли угли. В горах нечего было даже надеяться раздобыть топливо. Четырех вьюков древесного угля должно было хватить на десять стоянок.

27 июня начали подъем на перевал Найчжи. По оценкам Пржевальского, он лежит на высоте в 14 600 футов. Здесь уже ощущается влияние разреженного воздуха. Степные монголы тяжело переносят горную болезнь. Они называют ее «сур» — «сила земли». Считается, что она возникает от запаха травы, выросшей по заклятию нечистого духа. На протяжении всего пути жгли курения и читали молитвы. Паломники просили у горных богов дать им силы вынести сур.

Цыбиков стоял у огромного камня, на котором были

высечены и обведены белой краской знаки Гэсэра: огромный меч и бараны с круто изогнутыми рогами. Цветные пятна лишайников забрызгали серые скалы.

Они достигли вершины перевала, где находилось маленькое озерцо дождевой воды. В нем отражались туманные снеговые вершины.

29 июня вышли к реке Чу-мар. Кровавый поток перерезал желто-серые пески. Вязкий, красный, как киноварь, ил придавал реке зловещий вид. Мулы испуганно кричали и не хотели сдвинуться с места. Погонщики пинками загнали их в воду. Животные вязли в иле. Ложились на бок. Обтекающие их кровавые потоки пеннились. Люди выкрикивали проклятия и молитвы, иступленно хлестали кнутами по мокрым лошадиным спинам. Казалось, что все вдруг сошли с ума. Двух мулов унесло потоком вместе с поклажей.

Пройдя десять верст, остановились лагерем у подошвы Куку-шилэ. В этот день некоторые амдоские ламы ходили на охоту. Они принесли трех антилоп оронго. Всех паломников пригласили на угощение.

— Почему вы убиваете животных? — спросил Цыбиков одного из лам, с которым ему уже приходилось беседовать и раньше. — Разве у лам Амдо свои особые законы?

— Закон для всех один, — строго ответил лама. — Все мы еще на родине отказались от духовных обетов. Лишь вернувшись назад, мы вновь примем их. Путь в Тибет труден. Редко кому удается соблюсти монашеские правила. Может случиться всякое... Порой придется воевать с разбойниками, а в перестрелке не мудрено и убить человека. Поэтому мы, будучи теперь обыкновенными людьми, позволяем себе охотиться на антилоп.

В чем-то лама был, несомненно, прав. Дорога в Тибет трудна и жестока. Одолеть ее может лишь человек,

свободный в своих действиях. Но Цыбикова поразила та удивительная легкость, с которой ламы отнеслись к охоте. Караван не испытывал пока недостатка в еде. Убийство оронго было вызвано не нуждой, а лишь желанием послать пулю в легкую добычу. И это желание, очевидно, возникло сразу же, как только ламы сложили с себя обет. Значит, ахимса была для них не глубоким нравственным убеждением, а всего лишь темным языческим табу, которое ничего не стоит снять.

Постепенно он начал понимать, что представляет собой буддизм в Тибете. Теперь он понял всю глубину своей ошибки. Заговорив тогда с одноглазым об охоте, он допустил промах, который можно было бы легко исправить, зная он про обычай слагать обет. Но он не знал об этом обычае. И его ответ одноглазому становился от этого ошибкой вдвойне. Оставалось надеяться, что тот ничего не понял и забыл про разговор. С тех пор им не пришлось поговорить вновь.

Они преодолели еще одну красную реку и, поднявшись по пади перевала Дун-буре, стали готовиться к длительной стоянке. Пошел снег. Холодный, пронизывающий ветер гасил пламя и сдувал жалкие уголья. Пришлось сложить из камней загородку. Только тогда костер разгорелся.

Цыбикова сильно лихорадило. Голова просто раскалывалась от боли. Он измерил себе температуру. Оказалось — 38,5°. Пришлось проглотить порядочную дозу хинина. Но только он собрался закутаться потеплее и заснуть, как к нему подошел одноглазый.

— Что это за стеклянная палочка, которую ты сначала спрятал под чубу, а потом вытащил и разглядывал на свет? — спросил он. — При этом ты еще качал головой от огорчения?

Он видел, как Цыбиков ставил себе термометр!

— Это священный амулет, который дал мне один ве-

ликий лекарь, — ответил Цыбиков. — Он показывает, как сильно хворает человек.

— А мне можно посмотреть?

— Нет, — сказал Цыбиков, проклиная в душе шпиона, который всюду сует свою одноглазую рябую морду. — Амулет теряет силу от чужого глаза.

— Тогда ты повесь на него черную бусинку с белыми пупырышками, которая предохраняет от сглаза. Могу тебе дать такую.

— Это не поможет. Я не хочу испортить амулет.

— Еще я хотел спросить тебя про деревянный ящик, который ты устанавливал на трех палках в Лабране. Это тоже твой амулет? Такой же ящик есть еще у одного алашанского монгола.

Оказывается, он следил за ним и Цэреном еще в Лабране. Жаль, что они его там не видели. И вообще, им казалось, что, фотографируя тамошние святыни, они были совершенно одни. Какая неосторожность! Отныне уже не удастся играть роль темного провинциального ламы... Что же делать? Конечно, и образованный человек может оставаться буддистом, хотя это и подозрительно. Но что сказать одноглазому?

— Почему ты молчишь?

— Не знаю, как ответить тебе, чтобы ты понял. У нас в Бурятии, а Бурятия входит в состав Российской империи, есть много чудес, которые принесли оросы. Это одно из таких чудес. Больше я ничего не могу сказать тебе.

— А это чудо не от злых демонов?

— Нет, оно от милосердных богов.

— Оно портит наши святыни.

— Нет. Оно лишь увеличивает их силу. Оно делает так, что люди, которые не смогли пойти на поклонение, тоже приобщатся к святыням Тибета, — до сих пор Цыбиков говорил чистую правду.

— Почему же ты, залезая головой в ящик, накрывался черной материей?

— Разве у вас в Амдо не чтят одинаково лам различных сект? — он сделал вид, что очень удивлен. — Буряты в каждом ламе видят святого. Вот и это чудо, которое доверили мне в черношапочном монастыре, для меня свято. Поэтому я обращаюсь с ним по черношапочному уставу.

Одноглазый ничего не ответил и ушел. А лихорадка усилилась. Но он боялся спать, чтобы не проговориться случайно в бреду.

Тишина стояла такая, что слышно было, как на камни ложится игольчатый снег. Быстро темнело. Незаметно для себя он заснул. Утром встал совершенно здоровым. Сильное горное солнце растопило снег, а вода быстро впиталась в песок. Но на душе осталось щемящее чувство затаившейся опасности.

Караван спустился по небольшому распадку к реке, за которой тянулась холмистая песчаная равнина, поросшая твердыми стрелами горного лука — мангира. А рядом, в тени скал, медленно таял скопившийся за зиму лед. В синих студеных лужах падали в бесконечную глубину зубчатые твердыни Тибета. Когда лошадь вступала в такую лужу, страшно было даже глянуть вниз.

— Эта талая вода обладает большой целительной силой, — сказал Цыбикову знакомый лама-охотник. — Она помогает победить сур. — Он слез с лошади и, опустившись перед лужей на корточки, зачерпнул воду чашей своих рук. Караван остановился, и многие паломники последовали примеру ламы. Цыбиков тоже напился из лужи. Вода дышала запахом снежных вершин и гроз. Она казалась удивительно легкой. В груди стало свободно и холодно.

Река была глубокая, и погонщики стали искать

брод. Целую версту прошли по берегу, часто останавливаясь и входя в воду. Наконец в самом широком месте, где поток разбивается на шесть отдельных русл, нашли хорошее дно. Лошади шли вплавь под грузом. Вьюки сильно подмокли. К тому же опять пошел снег. Пришлось разбить лагерь, хотя не было ни корма для животных, ни топлива.

От всего стада осталось не больше двадцати голов. И то за эту ледяную голодную ночь шесть баранов пали. Пришлось выступить на ранней заре с непросохшим грузом. Идти собирались до первой травы. Баранов решили заколоть на ближайшей стоянке. Думали лишь о том, чтобы сохранить лошадей. На Тибетском нагорье растет лишь жесткая, с твердым прямым стеблем трава бухачигирик — «сила яка». Только молодым животным удается прожевать ее. Старые быстро теряют зубы и погибают. Паломники убедились в этом довольно скоро. Те из них, кто поскупился в летниках на молодых лошадей, горько раскаялись. Им пришлось оставить большую часть груза. Хорошо еще, что над ними сжалились более удачливые товарищи. Цыбиков тоже отдал им одного верблюда.

15 июля сильно поредевший караван подходил к перевалу Дан-ла. Здесь впервые за все время пути от Найчжи встретили людей. Они выбежали из своих черных палаток — банаков и с любопытством уставились на потрепанный караван. Это были еграи, принадлежавшие к разбойничьему племени гологов. Но паломники не опасались нападения. Стойбище насчитывало не более 50 банаков. Гологи же любят воевать лишь при сильном численном превосходстве.

Каменистый Дан-ла лежит на высоте в 16 700 футов (здесь тоже бывал Пржевальский). Но разреженный воздух тут особенно сильно дает о себе знать. Многие богемольцы так и не пережили Дан-ла. Недаром, завидя

идуший над перевалом караван, слетаются грифы. Они редко остаются голодными. На каменных алтарях можно видеть пятна копоти от сожженных здесь жертвоприношений отлетевшим душам.

Паломники приближаются к этому месту со страхом. Задолго до того, как начнется подъем, стараются умиловить здешних духов. Никто не решается даже назвать перевал его настоящим именем. «Убаши хайрхан», — шепотом говорят богомольцы, одним лишь взглядом указывая вверх. «Убаши хайрхан» — «милостивый мирянин с духовным обетом».

Груда камней — обо, украшенная рогами яков, цветными лоскутками и хадаками, символизирует начало владений «милостивого мирянина». Все спешили здесь и зажгли курения. Каждый молился про себя.

Вдруг один из лам-охотников заметил приставшую к баранам чужую овцу. Он так обрадовался, что позабыл о грядущих опасностях и тут же хотел ее забить. Но какой-то благочестивый амдосец заплатил ему богатый выкуп в два лана. Привязав на шею овце цветные ленточки, он прогнал ее назад в горы. Теперь ей суждено было либо приспособиться к дикой жизни, либо околеть. Никакой буддист не решится убить животное, у которого привязан цэтар — охранение жизни.

Так ознаменовалось начало восхождения. Потом пошел дождь и загасил огни на каменном алтаре.

К вечеру дождь сменился мокрым липучим снегом. Он тяжело оседал на крыше палатки, и было слышно, как стекают талые ручейки. Эта ночь стала роковой для доброй половины измученных животных. Словно ища у людей защиты, бросались они на палатки и тут же околевали. Последний крик и стук упавшего тела, и каждый мысленно повторял: «Еще один». После этой ночи у Цыбикова остался один верблюд, четыре мула и три лошади. Стоя у входа в палатку, он смотрел, как его люди

перераспределяют груз. Тут кто-то окликнул его. Он повернулся и увидел своего недруга.

Выгадывавший каждый чох одноглазый потерял всех своих мулов. Теперь он пришел к Цыбикову.

— Вели своим людям взять мой груз, — сказал он, глядя на бурята мутным от злобы глазом.

— Сочувствую твоим несчастьям, — ответил Цыби-ков, — и охотно возьму часть твоей поклажи, хотя это вынудит меня оставить кое-что из моих вещей. Но, как ты сам понимаешь, все взять я не смогу. Попроси еще кого-нибудь помочь тебе

— Нет, ты возьмешь мой груз, хотя бы тебе пришлось для этого бросить все свои тюки.

— Тогда я не возьму ничего, — сказал Цыбиков и отвернулся.

— Хорошо же! — зашипел амдосец, подходя с другой стороны. — Только не жалея потом! Я пойду сейчас к начальнику каравана и скажу ему, что ты русский шпион. Мы сдадим тебя пограничникам в Донкоре. Они знают, как обходиться с такими, как ты!

— Убирайся! — закричал Цыбиков, тщетно пытаясь унять охватившую его ярость. — Я сам пойду сейчас к начальнику и...

Но что «и»? С чем он мог пойти к начальнику каравана? И все же другого выхода не было. Он заставил себя успокоиться и, лихорадочно отыскивая спасительную мысль, пошел к палатке начальника.

Войдя внутрь, он поклонился и, достав из-за пазухи хадак, расстелил его перед казначеем святого «перерожденца». Сверху положил три лана серебра.

— Пришел искать у тебя защиты, господин, — сказал он с поклоном.

Тот милостиво принял дар и разрешил говорить.

— Ты знаешь, начальник, — начал Цыбиков изда-лека, — как много я сделал, чтобы выбрали именно тебя.

И ты знаешь, господин, что я поступил так, совершенно не зная, кто ты. Только слепой может не увидеть твоей храбрости, только невежда не сумеет почувствовать исходящую от тебя великую мудрость. Поэтому я сразу понял, что только такой человек может стоять во главе столь большого каравана. И я сумел убедить в этом всех алашанских монголов, которые сами быстро уверились в твоём превосходстве. Ты знаешь об этом, начальник.

— Я знаю об этом, — он, в свою очередь, поднес Цыбикову хадак, положив на него медное колечко с бирюзой. — Говори, кто обидел тебя. Мой долг защищать святых лам.

— Я сказал, что только слепой может не увидеть твоих достоинств, господин. В нашем караване есть такой человек. И хотя он слеп всего на один глаз...

— Так это одноглазый посмел обидеть тебя? — Казначей с гневом вскочил с одеяла.

— Это так, господин, — сказал Цыбиков, печально кивая головой. — Зная, что это я добился твоего избрания, он затаил на меня злобу. Боги наказали этого человека, который наверняка был в прошлом собакой или крокодилом. Ночью он потерял своих животных. Поэтому он хочет забрать себе моих, угрожая в случае отказа оболгать меня перед тибетскими пограничниками.

— Какая пустая тревога, — рассмеялся казначей. — Что может сказать этот вздорный человек, обреченный стать слепым кротом?

— Он хочет сказать, что я шпион русских, а ты, за которого я так горячо стоял на выборах, знаешь об этом.

— Это опасный оговор, — нахмурился казначей. — Ты ведь бурят, и земли ваши принадлежат русскому царю. Пограничники же не станут особенно разбираться. Они считают, что всегда лучше задержать правого, чем пропустить виновного. Поэтому одноглазый может причинить тебе неприятность.

— Потому и пришел я к тебе, что он может причинить нам неприятность. Ведь слава о тебе, господин, твое влияние...

— Конечно, в Лхасе меня хорошо знают, — не очень уверенно протянул казначей, — но здесь, на местах... Чего можно ждать от простого солдата? Конечно, я скажу, что все это ложь, что ты правоверный буддист-бурят и посвященный лама... Ты ведь действительно лама?

— Чжу-ше! — торжественно произнес Цыбиков самую священную в Тибете клятву, что значит: «Будда знает!»

— Ну вот. И еще я подговорю моих людей сказать, что этот одноглазый — лгун и обманщик, совсем помешавшийся от выпавших на его долю несчастий, которые он сам накликал на себя нечестивой жизнью.

— Как ты мудр, господин! — восхитился Цыбиков. — Недаром твоя мудрость сразу бросилась мне в глаза! После твоих слов я понял, что этот злобный обманщик действительно помешался от горя. Более того, у меня закралось подозрение, что он сам шпион! И правда, господин, вспомни, как он хвастался на выборах, что девять раз ходил в Лхасу! Да он повторяет это при каждом случае! Возьми хоть тот раз, когда мы выбирали дорогу. Помнишь, господин?

Начальник кивнул, не понимая еще, куда гнет бурят.

— А зачем он девять раз ходил в Лхасу? — спросил Цыбиков и замолк.

— Действительно, зачем? — все еще неуверенно улыбаясь, повторил казначей.

— В том-то и дело. Видишь, как хорошо изучил он все дороги? Девять раз побывал в Лхасе! Подумать только, какой святой! Много мы знаем настоящих святых в монгольских дацанах, которые столько раз отправлялись на поклонение? И похож ли одноглазый на святого? Где же вся его святость, которую он должен был обрести от многократного посещения святынь?

А боги? Разве они станут так карать человека, который... Что же тут говорить... Суди сам, господин, на то и дана тебе великая мудрость. А я все сказал. Ударяя меня, этот шпион метит в тебя, к которому преисполнен низкой зависти. Но ты могущественный человек, а где искать защиту скромному бурятскому ламе? Знаешь, господин, я ведь даже не снял с себя обет на время пути, как это делают ваши амдоские ламы. Поэтому я не могу защищаться от гонений и клеветы. Смиренно приму я все, что пошлют мне боги. Даже гибель. Жаль только, что не сумею исполнить мечту всей жизни — удостоиться лицезрения живого бога.

— Никто не причинит тебе зла! — сказал казначей. — Я обещаю тебе, что ты достигнешь Лхасы. Я даже сумею помочь тебе испросить аудиенцию. Что же касается этого одноглазого...

В палатку протиснулся одноглазый.

— Я нарочно пришел к тебе, господин, — сказал он, кланяясь, — чтобы при тебе задать этому человеку несколько вопросов.

— Убирайся отсюда! — закричал казначей. — Я хорошо знаю этого человека, святая жизнь которого могла бы служить примером для тебя. Ты же осмеливаешься клеветать на него. Убирайся и не смей даже мысленно оскорблять святого ламу, иначе я прогоню тебя из своего каравана.

— Хорошо же! — прошипел одноглазый и выполз из палатки.

Первый натиск был отражен. Но Цыбиков знал, что основные испытания впереди. Следовало готовиться к самому худшему. Понимал это и казначей. Хотя он и уверял, что все обойдется, призывая при этом гнев богов на одноглазого, Цыбиков видел по насупленным бровям его, что и он опасается всяких неприятностей.

Последние события только лишний раз укрепляли

казначей в уверенности, что одноглазый действительно шпион. Доверенный человек, которого лхасское правительство или же китайские власти послали в караван для выявления лазутчиков.

— Ладно, что-нибудь придумаем! — сказал казначей, прерывая тяжелое молчание. — А сейчас пора собираться в дорогу.

Конечно, у одноглазого нашлось немало верных приверженцев. Ни один из его выюков не остался на стоянке. Кто-то даже одолжил ему сильную молодую лошадь, хотя раньше этот скупец ехал на муле. Он больше не подходил ни к буряту, ни к начальнику каравана. Но все время держался где-нибудь поблизости. Не выпускал Цыбикова из виду.

Дан-ла прошли удивительно счастливо. Никто из паломников не хворал. Пришлось забить на мясо двух захромавших лошадей. Внизу растянувшийся караван вновь собрался, и, дав отдых животным, паломники направилась к реке Санчу.

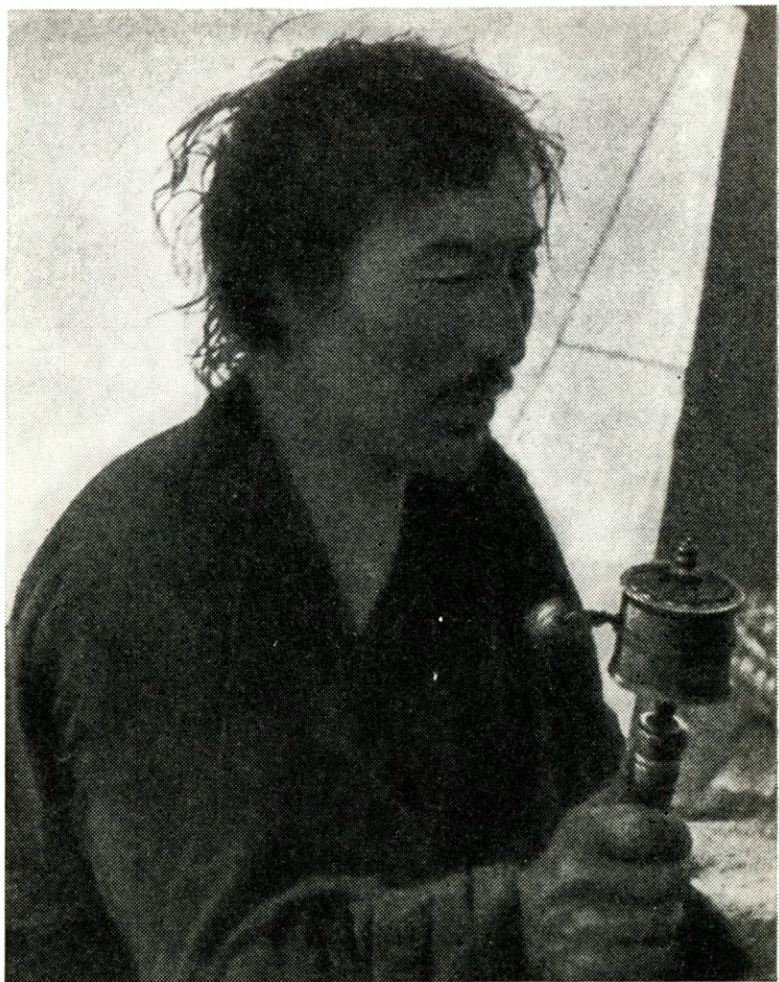
Гнет надвигающейся беды тяготил и Цэрена. Он совсем ушел в себя и перестал замечать, что творится вокруг. Но внезапные выстрелы прервали его невеселые мысли.

Он вздрогнул и огляделся. Посреди равнины караван сбивался в темную испуганную кучу. Сзади были горы, а впереди, вздымая облака пыли и стреляя на скаку из ружей, караван окружили какие-то всадники.

В караване началась паника. Одни рванулись к горам, другие шарахнулись в стороны, но быстро вернулись, внося еще большую смуту. «Гологи! Гологи!» — кричали паломники. И впрямь, это были разбойники-гологи. На всем скаку неслись они к каравану, стреляя беспорядочно в бесцветное предвечернее небо. Разбойники здесь тоже буддисты. Они стараются не отягощать без надобности свою душу убийством. Убивают редко.

Храмовый алтарь.

Молодой лама с молитвенной мельницей.

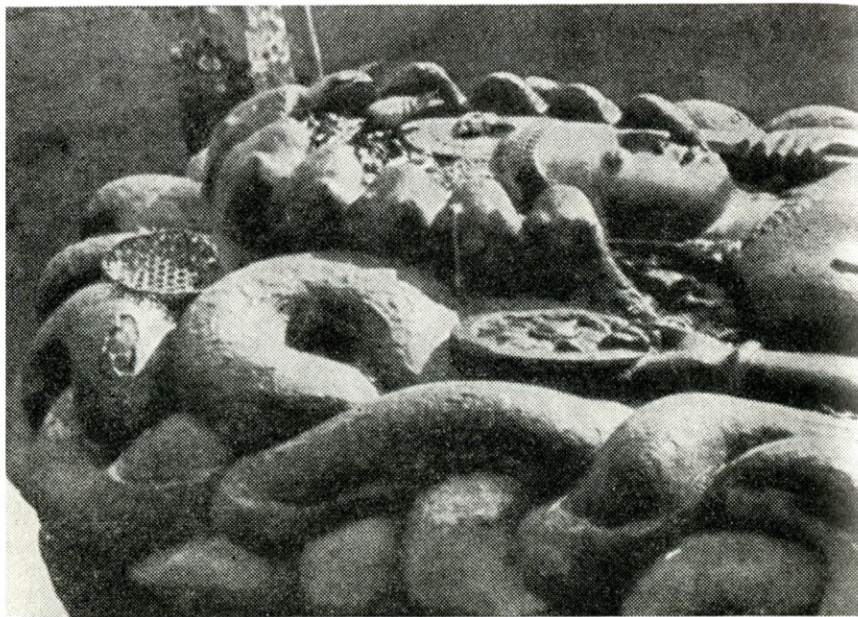
Трехликая богиня.

Ѓмантака в виде орла (храмовая фреска).

Грозный Ямантака.

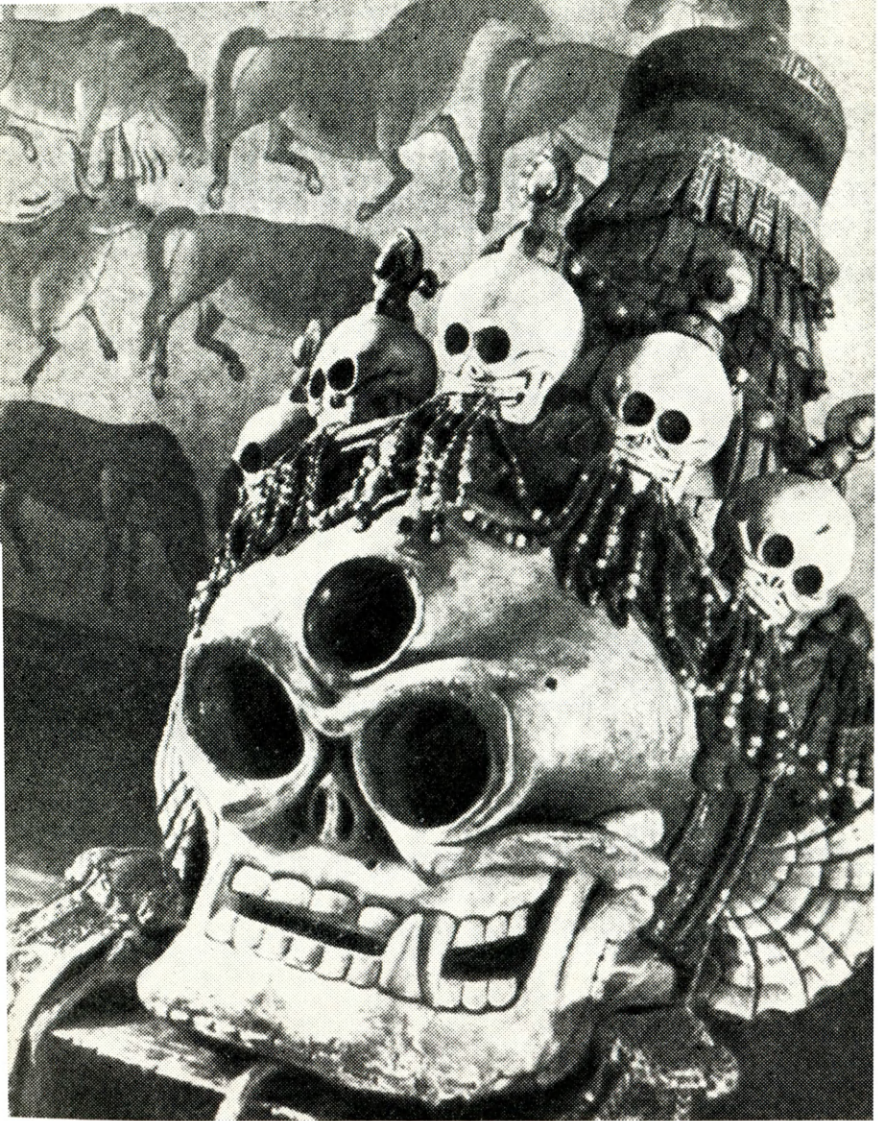

Сон божества.

«Стража духов».

Крыши Поталы

«Третий глаз».

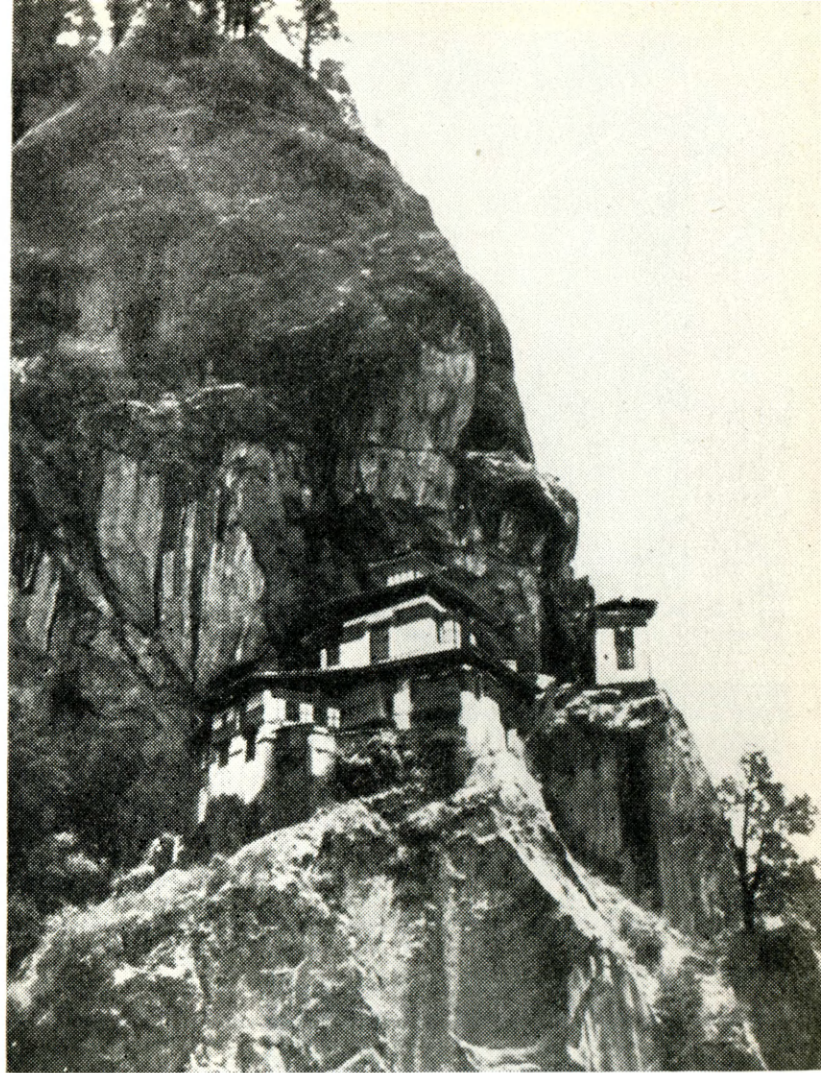
**Непальский
Будда-Санья-
Муни.**

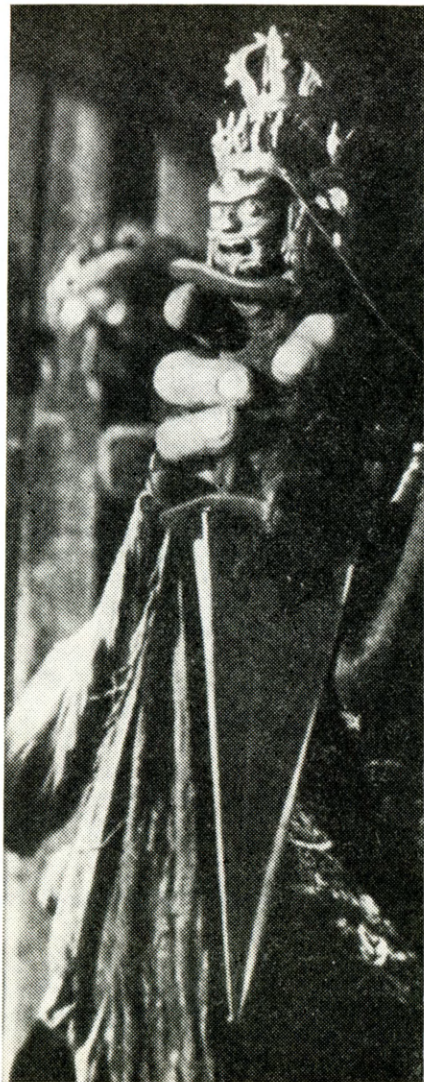
Одиннадцатиликий Авалокитешвара.

Лама.

Храм над пропастью.

Ритуальный нож пурбу.

Монастырь

Потала.

Чаще грабят дочиста. Паломники могли особенно не бояться за свои жизни, но, потеряв деньги, им следовало забыть о Лхасе и благодарить богов, если они помогут возвратиться домой. Может быть, эта мысль вселила мужество в сердца некоторых. Сначала кто-то робко выстрелил, потом загремели нестройные залпы.

Но гологи подошли уже слишком близко. Они разрезали караван надвое и с гиканьем закружились. С обеих сторон не утихала пальба. Ржали бившиеся в испуге лошади. Где-то кто-то упал, на него наскочили другие, и скоро все смешалось в беспорядочный клубок.

Постепенно, словно по воле невидимого режиссера, накал «боя» стал стихать. Гологи перестали стрелять и, отъехав немного поодаль, вновь растянулись по равнине. Словно чего-то ждали. И видимо, недаром. Вскоре от каравана отделились три всадника. В одном из них все узнали казначея. Ружье и пику он потерял в пылу битвы. Очевидно, делегация ехала сговориться о выкупе. Цэрен не взял с собой никакого оружия и во время всей этой сумятицы старался держаться в стороне. Поэтому он видел, как протекала баталия, и с не меньшим интересом следил теперь за тем, как идут переговоры. Издали они напоминали яростный базарный торг.

Руководители каравана проявили чудеса героизма. Когда они возвратились, все узнали, что назначен выкуп в одну треть лана с человека. Это означало, что караван потерпел поражение в битве и должен теперь платить контрибуцию. Впрочем, не слишком большую, поскольку, надо понимать, героическое сопротивление произвело на противника должное впечатление.

Получив свое серебро, гологи с гиканьем ускакали. Паломники же стали осматривать раны и считать убытки. Кто-то сказал, что одного человека убили. Двоих немного придавили упавшие лошади. Пока никто не знал имен жертв.

Цэрен поскакал узнать, что случилось. Крики, стоны и смех торжества, казалось, могли бы заглушить даже шум недавней битвы. И вдруг то, что он увидел, заставило его рвануть поводья и поднять коня на дыбы. Ламы-охотники несли одноглазого.

Это он был тот единственный, кого потеряли в битве. Пуля вошла в его невидящий глаз и разнесла ему затылок. Мертвое лицо его как-то разгладилось. Рябины выступали не так заметно, на концах губ исчезли складки, придававшие лицу выражение лютой злобы. Пристально и долго смотрел Цэрен в мертвое лицо. Он испытывал огромное облегчение, к которому примешивалась и легкая жалость к убитому. От гнета же, который давил его весь день, не осталось и следа.

А Цыбиков, когда узнал о том, кто именно был сегодня убит, подумал, что одноглазый и впрямь был большим грешником.

— Какой святой человек погиб! — убивался начальник каравана. — Девять раз лицезрел он лик живого бога! Девять раз коснулся лбом святых рук большого и малого Чжу! Не иначе душа этого праведника сама уже нашла выход из тела.

С этой мыслью все согласились. Поэтому церемония погребения заняла немного времени. Еще не отпылал закат, как все уже поставили палатки и принялись готовить пищу.

Начальник каравана к Цыбикову не подходил.

Тот же старался не думать больше об одноглазом. Впереди была река, а за ней граница. Следовало хорошо подготовиться к ее переходу.

Паломники остановились на берегу реки как раз напротив банака тибетской стражи. Еще в Гумбуме Цыбиков узнал, что именно отсюда было послано донесение в Лхасу о подходе большой русской экспедиции. Он сразу понял, что речь шла об отряде П. К. Козлова.

Тибетское правительство строго приказало всем местным жителям сторожить границу и немедленно сообщать в Нагчу, а оттуда в Лхасу о каждом появлении русских. Конечно, будь сейчас с ними одноглазый, Цыбикову, а может быть, и Цэрену не пришлось бы переправиться через Санчу. Вполне понятно, что Цыбиков с волнением разглядывал большую черную палатку, стоящую на зеленом холме. Мысленно он готовился к долгим расспросам, испытаниям по ламаитским уставам. Но все оказалось значительно проще.

Только они стали лагерем, как тибетские пограничники поспешили навестить их. Конечно, они спрашивали начальника каравана, что за люди, откуда и куда идут. Но по всему было видно, что пограничники относятся к таким расспросам чисто формально и не питают ни на чей счет никаких подозрений. Основной целью их визита была продажа масла, которое они захватили с собой. Взамен они брали тибетские деньги, материю и главным образом китайскую водку. В поисках этой водки они учинили маскарад таможенного досмотра. Равнодушно взирая на явную контрабанду, они остервенело набрасывались на каждую стеклянную бутылку. Обнаружив водку, они не отставали до тех пор, пока владелец не соглашался продать ее.

Глядя на все это, Цыбиков совершенно успокоился.

Пришел и его черед подвергнуться досмотру. Он указал пограничникам свои вьюки и отошел в сторону, чтобы не мешать. Тут-то они и обнаружили фотокамеру, штатив и запас сухих пластинок.

— Что это? — спросил предводитель отряда.

— Наш монастырь посылает это в подарок великому ламе, — сказал Цыбиков.

— Но все-таки что это? — не отставал пограничник.

Цыбиков установил штатив и направил камеру на пограничный банак.

— Поглядите сами, — сказал он, накрывая голову пограничника черной накидкой.

Увидев в матовом стекле перевернутое изображение палатки, тот вскрикнул.

— Великое чудо! Конечно, его нужно показать великому ламе.

После этого Цыбиков подарил ему бутылку с медицинским спиртом. У них установились великолепные отношения, и все бы сошло прекрасно, если бы... Цыбиков почувствовал на себе чей-то взгляд и обернулся. Сзади стоял начальник каравана. Цыбиков ничего не сумел прочесть в его глазах. Казначей повернулся и ушел. И снова вернулось тоскливое ощущение тревоги.

После осмотра все получили дозволение следовать дальше. Переправа прошла благополучно, и караван стал подыматься на хребет Бум-Цзэй. Сразу же после перевала к Цыбикову подъехал начальник каравана и отозвал его в сторону.

— Я должен огорчить тебя, — сказал он, — со смертью одноглазого не умерли мои подозрения на твой счет. Среди наших монголов прошел слух, что в бурятской общине едет ученый человек с русскими привычками. Конечно, они не знают еще, что это именно ты, но подозревают каждого бурята. Если слухи дойдут до властей в Нагчу, всей бурятской общине придется повернуть обратно.

Тайный смысл его слов был понятен: «Покамест я один подозреваю (или знаю), кто ты есть на самом деле, и, если ты не сделаешь (или не дашь) то-то и то-то, я раскрою твою тайну». Цыбиков не сомневался, что ему предложат какую-то сделку, иначе зачем было тянуть до Нагчу. Казначей давно мог донести на него пограничникам.

— Ты сам знаешь, начальник, насколько безосновательны такие подозрения. Но я согласен, что всякий

дурной слух может повредить. Поэтому я полагаюсь на твою мудрость и заранее согласен со всем, что ты придумашь. Ведь не может быть, чтобы ты не сумел найти выход из положения? Да по тебе видно, что ты уже нашел его! Говори же, господин. Осчастливь своей мудростью твоего приверженца.

— Не скрою, — сказал тот, сокрушенно разводя руками, — что я долго думал об этой новой неприятности. Думал, потому что хотел помочь такому достойному человеку, как ты. Но так ничего и не придумал, — казначей замолчал на минуту и вдруг стал говорить шепотом: — Мне кажется, есть лишь один выход. Надо вручить при моем посредничестве — меня, как ты понимаешь, хорошо знают в Нагчу — хотя бы 50 ланов серебра тамошнему хамбо. После моего доклада ты и еще кто-нибудь из бурят нанесете хамбо визит.

И тайный смысл этих слов тоже был ясен. Хитрый казначей хотел получить крупную взятку, не становясь при этом соучастником. Более того, прикарманив предназначенные для хамбо 50 ланов, он готов был даже намекнуть тому, что в караване есть человек, внушающий некоторые подозрения. Иначе зачем тогда нужен визит? Да еще вместе с поручителем! Если хамбо задержит Цыбикова, то он, казначей, здесь ни при чем; если разрешат следовать далее, то вся ответственность ложится на того же хамбо.

— Нет, господин, — сказал Цыбиков. — Твой план слишком мудрен для столь простого дела. Если уж мне надо показаться хамбо, то лучше я сам и отдам ему подарок. Кроме того, столь большая сумма может внушить хамбо подозрения, что дело здесь нечисто. Мне же нечего скрывать, господин! Вся душа моя как на ладони. Подумай сам, господин, все подозрения на мой счет проистекают лишь оттого, что я получил некоторое образование. Но я и не думаю скрывать того, что

учился в русской гимназии. Разве это так уж плохо для буддиста? Или от этого я меньше привержен к вере, хуже знаю традиции? Совсем напротив! Так не лучше ли будет, если я чистосердечно все расскажу хамбо? Про одноглазого, про нелепые слухи... Попрошу у него помощи и совета. Как ты полагаешь, господин?

— Я не согласен с тобой. Конечно, если ты лично вручишь хамбо 50 ланов, он может что-то заподозрить. Иное дело, если это сделаю я, человек известный и уважаемый. Не надо и рассказывать хамбо про одноглазого. Вся эта история может произвести неблагоприятное впечатление. Поступим лучше так: я сам представлю тебя хамбо, а уж потом вручу ему твои 50 ланов.

— Это уже лучше, господин. Ты представишь меня хамбо в качестве бурятского ламы, коим я и состою, который интересуется святынями местных монастырей. Хорошо бы при этом испросить у хамбо разрешение на осмотр монастырских музеев. Согласись, господин, что такое стремление весьма естественно для буддийского ламы. А вручить пожертвование... ну, скажем, в десять ланов, ты сможешь уже наедине.

— Не стоит обременять хамбо просьбой осмотреть монастыри. И ни в коем случае нельзя дать ему меньше 30 ланов.

— Буряты нашего дацана затем и снарядили меня в путь, чтобы я, приобщась к святости тибетских монастырей, смог принести эту святость в родные места. 20 же серебряных ланов вполне могут сгладить неловкость такой просьбы.

— Ты умный человек, — сказал казначей, трогая поводья. — И мне приятно покровительствовать тебе. Пустив лошадей, они быстро догнали караван.

— Когда ты намереваешься передать мне подарок для хамбо? Теперь или в Нагчу?

— Сразу же после Нагчу. Как ты знаешь, там

обычно продают тех животных, которых не берут с собой в Лхасу. Вырученные от этой продажи деньги я благоговейно передам тебе.

— Тогда ссуди мне сейчас десять ланов. А после Нагчу ты добавишь еще десять.

На том они и поладили.

Караван между тем уже достиг южной подошвы хребта. От широкой равнины Нагчу-Цонра их отделял теперь один дневной переход в 35 верст.

Хамбо жил в двухэтажном доме тибетской архитектуры. Перейдя через быстрый ручей по горбатуму мостику, паломники вышли прямо к резиденции. У входа ее висели ременные плети для наказания виновных.

Казначей покосился на них и опять предложил Цыбикову немного подождать, пока он, как свой человек, поговорит немного с хамбо с глазу на глаз.

— Это будет выглядеть неприлично по отношению ко мне, — сказал Цыбиков, — ученому буддисту.

По наружной каменной лестнице они поднялись на второй этаж. Казначей толкнул украшенную изображением священного колеса дверь и первым вошел в комнату. Цыбиков поспешил за ним. Справа у окна сидел старенький лама в потертой красной одежде. Перед ним стоял письменный прибор китайской работы и большой серебряный чайник, от которого подымалась струйка пара. Рядом с ним стоял писец с бамбуковым пером в черных засаленных волосах.

Они с поклоном вручили хамбо подарки. Он принял их, не глядя, продолжая о чем-то беседовать с писцом.

— Я слышал, в вашем караване убит один паломник? — внезапно спросил, он, легким кивком отсылая писца. — Кто он?

Казначей побледнел. Цыбикову тоже было не по себе. Он не мог понять, каким образом весть о смерти одноглазого опередила их. Никто из паломников еще

не навещал хамбо. За это можно было ручаться. А они поспешили сюда сразу же по приходе в Нагчу.

— Это так, это так, — залепетал казначей. — На нас напали грабители. Они стреляли. Все перемешалось! И надо же, чтобы пуля сразила самого святого, самого уважаемого человека, девять раз совершившего паломничество.

— Как вам это стало известно, святой отец? — решил спросить Цыбиков.

Тот удивленно взглянул на него.

— Разве это такое чудо для вас? — спросил он. — Или в бурятских монастырях никогда не слышали об астральном колокольчике Тибета?

— Конечно, слышали, святой отец, — ответил Цыбиков. — Но разве подобные чудеса совершаются и теперь? Наши старики говорили, что только в прежнее время святые буддисты...

— Я вижу, вы лама новой формации, — прервал хамбо бурята, — предпочитающий все приписывать лишь естественным причинам. Это, может, и не так плохо само по себе. Но подобный образ мыслей разрушает веру у народа. Тем более что чудеса совершаются и по сей день.

И тут раздался звон, пронзительный, как от медного гонга, и чуть дребезжащий, как от надтреснутого колокола. Цыбиков вздрогнул и огляделся. Никого, кроме них, в комнате не было. Но он мог дать клятву, что звонят у него над самым ухом.

— Когда еще раз услышите астральный колокольчик, — сказал хамбо, — припомните мои слова.

Казначей трясся от страха.

— Пространство — не преграда для посвященных, — продолжал хамбо. — Но посвящение достигается созерцанием, отречением и верой. Смотрите не потеряйте веру. Вы, я вижу, получили светское образование.

— Он у-учился в ру-у-сской гимназии, — пролепетал казначей. — Я говорил, что ему лу-у-чше не идти дальше...

— Отчего же? — удивился хамбо. — Франги много знают и многое умеют. Правоверный буддист не должен закрывать глаза на окружающий его мир. Только тогда он сможет нести свет блуждающим во тьме душам. Но знания, каков бы ни был источник их, должны служить на укрепление веры, а не на расшатывание ее. Ваше образование, — обратился он к Цыбикову, — не может служить препятствием к достижению святых целей. Вопрос лишь в вашей вере, в вашем соответствии священному сану ламы.

На миг Цыбикову показалось, что этот седой, почти высохший старик знает о нем все. К счастью, так показалось только на миг.

— Кто мог бы поручиться за вас? — спросил хамбо. — Причем имейте в виду, что я снесусь с поручителем вашим гораздо скорее, чем идут караваны из Монголии в Тибет.

— Лама Чойнжон Аюшев, известный святостью и благочестием далеко за пределами нашей родины, — твердо ответил бурят.

— Этого достаточно, — сказал хамбо. — Я знаю о святом ламе. Рад буду услышать от него хорошие слова о вас. — Это было сказано так просто и буднично, что Цыбиков опять ощутил сомнение и страх. Словно и впрямь отсюда можно было мысленно перенестись через стены, горные перевалы и бурные потоки в скромную обитель ламы Аюшева, который и не подозревал о его существовании. Неужели такое возможно? Господи, какой вздор!

И сейчас же вновь задребезжал у него над ухом невидимый колокольчик.

Казначей опять затрясся.

— Правду-у, правду-у надо говорить в этих святых стенах! — завыл он.

А Цыбиков подумал, уж не сами ли разбойники-гологи донесли хамбо о перестрелке, в которой был убит одноглазый? Какая-то шторка приподнялась в его сознании. Брызнул ослепительный свет, и он испытал предчувствие откровения. Сейчас он поймет, что случилось тогда и почему лишь один одноглазый нашел смерть в той взаимной перепалке в воздух, и откуда обо всем этом узнал хамбо, и почему он... Но он не смог додумать, не сумел удержать мысль. Вопрос хамбо спугнул ее. Она ускользнула, оставив в груди чувство недоумения и досады.

— На что надеются правоверные ламаиты в ваших степях? — спросил его хамбо.

— На пришествие Майтреи, который отведет их в блаженную страну Шамбала, — рассеянно ответил Цыбиков, все пытаясь схватить что-то навсегда ускользнувшее, припомнить мучительно знакомое, но непокорное, провалившееся в черноту.

— А вот интересно, — оживился хамбо, — как вы, человек, так сказать, просвещенный, понимаете эту как будто мифическую страну? Где она, по-вашему? Как ее можно достичь?

Цыбиков решил ответить ему в соответствии с философской традицией буддизма.

— Шамба, или точнее Чамба, это по-тибетски Майтрея, — сказал он. — Ла — означает перевал. Как же можем мы видеть в перевале Майтреи нечто иное, кроме как превращение его в Будду. Для святых буддистов это последний перевал, за которым лежит нирвана, за которым исчезает двойственность мира и кончается цепь перерождений.

— Так я и знал, что вы являетесь фи-ло-соф-ствующим ламой! — пренебрежительно протянул хамбо. —

Вы идете опасным путем, который ведет к неверию. Вам остался лишь один шаг до страшного заблуждения увидеть в нирване простую смерть. Поймите же, пока не поздно, и передайте мои слова другим, люди тянутся к свету веры, потому что хотят уйти от смерти. Поэтому преступно даже намекать на то, что и в конце этого пути их ждет смерть. Людям надо проповедовать о Западном рае Амитабы, а не о нирване. Нирвана — удел избранных. Это эзотерическая тайна, которая должна оставаться лишь среди нас, посвященных. Бедному же человеку нужен рай! Запомните это... Я не имею намерения воспрепятствовать вашему дальнейшему продвижению. Там, где иные, — он метнул взгляд на казначея, — могут усмотреть злую волю, я вижу лишь заблуждения юности и плоды просвещения франгов. Помните же, юный лама, что образованность ваша ни на шаг не приблизит вас к конечной цели существования. Раскройте сердце навстречу вере, ищите ответы внутри себя.

С этими словами он весьма милостиво отпустил их. Очевидно, Цыбиков правильно повел себя в беседе с ним. Изображай он из себя догматичного фанатика или просто невежественного бурятского ламу, его быстро разоблачили бы. А так налицо оказался европейски образованный лама-вольнодумец, только и всего.

Согнувшись в глубоком поклоне, они попятились к двери.

— Нет ли у вас каких-нибудь просьб ко мне? — спросил хамбо, когда они уже достигли двери.

Казначей отрицательно затряс головой, продолжая отбивать поклоны.

— Можно мне осмотреть библиотеку и музей в Нагчу-гомба, святой отец? — спросил Цыбиков.

— Тайные наши святыни предназначены для посвященных, — назидательно сказал хамбо, — лицезреть

их можно лишь сообразно со степенью посвящения. Но пусть вам покажут все. Вы увидите, что время чудес не миновало, и это послужит вашей вере!

Цыбиков молча поклонился ему.

— Помогайте этому молодому ламе, — сказал хамбо, обращаясь к казначею. — Талант и знание оживают лишь под четкими гранями веры. Тибет рассеивает многие заблуждения. — Он крутил настольное молитвенное колесо. — И еще одно... Скромный наш монастырь не нуждается в богатых подарках. Приберегите их до Лхасы. И помните, что боги принимают подношения только из первых рук.

Казначей буквально зашатался. Это был прямой удар. И в третий раз Цыбикову почудилось, что хамбо знает о них все. Конечно, здесь могло быть и случайное совпадение, но он все же был склонен считать, что хамбо просто исключительно пронизательный человек. Двух-трех фраз, произнесенных казначеем, очевидно, оказалось достаточно для него, чтобы читать в душе этого человека как в открытой книге. Но что сказать тогда о самом Цыбикове, о его душе?

Он вышел отсюда в сильном смущении.

— Все равно, начальник, — сказал он казначею, — ты получишь обещанные десять ланов. Я знаю, что ты сумеешь обратить их на благочестивые цели.

Эти слова, синее весеннее небо и блестящая молодая трава на заваленном обкатанными ледником камнями дворе вернули казначею прежнее жизнелюбие. Он глубоко вздохнул, поежился, словно стряхивая с себя темное наваждение, и сказал:

— Теперь ты видишь, что я желал тебе добра, когда настаивал на посещении святого хамбо. Вот все и уладилось. Никто не станет больше распространять о тебе лживых слухов. До самой Лхасы охранит тебя благословение хамбо. Что же касается 20 ланов, то я

их все же передам ему. Но, конечно, не сейчас, а потом, наедине.

Цыбиков рассыпался в благодарностях и, отделавшись от казначея, поспешил в монастырь, о котором с благоговением говорят все буддисты. До него надо было проехать верст десять к северу от реки, вдоль каменистой ложины, которая приютилась меж отвесных склонов. Дорога постепенно забирала все выше, и он вскоре остался наедине с горами. Внизу грохотал в галечных берегах стремительный поток. Над лошадиным скелетом все еще кружил гриф, словно никак не мог позабыть о вкусном угощении. Искалеченный абрикос тянулся к небу всеми лепестками полураскрывшихся цветков. Горные осы гудели над ним, а в ветвях трепетал запутавшийся бумажный конь. Может, ветер занес его сюда, а может, в священный праздник приношения коней счастья его выпустили с этого обрыва вместе с табуном таких же вырезанных из красной бумаги коней, которые спасут застигнутых непогодой путников.

Значит, кто-то не дождался своего счастья. Оплакивает злую судьбу, не догадываясь, что его красный конь запутался среди ветвей абрикоса.

Сразу же за абрикосом открылся мэньдон, сложенный из серо-коричневых сланцевых плит. На нем были нарисованы мани и вертикальные полосы желтых и красных уставных цветов. Потом показался и суровый, величественный, как сами горы, субурган, на котором застыл в небесном полете красный облачногривый конь. Это было трудное горное счастье, которое никогда не прилетает само. А там пошли заросли кизила, сквозь которые, извиваясь, уходила в поднебесье тропа. Пришлось спешиться и повести лошадь на поводу.

Сотни ручейков сбегали по складчатым этажам. Рыжие и фиолетовые подтеки рисовали на скалах

насыщенные солями воды. Звоны и шелестящие вздохи принес сюда теплый ветер. В синем ослепительном небе метались черные хвосты яков. Тихо раскачивались струганные тополевы́е шесты. И только субурганы стояли недвижно и бесстрастно, неподвластные времени и настроению тибетские потомки древних индийских ступ, олицетворяющих, согласно тайным учениям, пустоту.

Но почему-то не вошел в монастырь Цыбиков, раздумал и повернул назад. Может, тайные думы его смутили, а вернее всего, заметил он на кустарнике свежие изломы. Что-то такое особое сказали ему тонкие надломленные веточки. Только что? Об опасности предупредили? Или просто сообщили, что этим путем уже прошел тайный друг, ученый монгол Цэрен?..

Смирненно склонившись, вошел Цэрен в горную обитель. Его ожидали, и он не удивился этому. Акустические эффекты в горах позволяют иногда передавать сообщения на несколько верст. Ламы часто строят свои монастыри вблизи таких акустических фокусов. В такой точке явственно слышен далекий шепот, тогда как стоящий вблизи абсолютно ничего не слышит. Все монголы и буряты знают о таком свойстве гор. Правда, они считают, что свойство это горы обретают благодаря святому влиянию монастырей. Следствие здесь, как это часто бывает, принимается за причину. Ламы провели его по всем помещениям, показали библиотеку, музей, трапезную, рассказали о местных святынях. Библиотека оказалась довольно бедной. Он не обнаружил в ней ни одного действительно интересного сочинения. Зато собрание ритуальных масок буквально потрясло его. Прежде всего он обратил внимание на маску-череп с третьей пустой глазницей над переносицей.

— Скажите, святой отец, — спросил он настоятеля, — как следует понимать третий глаз, буквально или аллегорически? Я до сих пор полагал, что это лишь

символ присущей богам мудрости, недоступного нам провидения внутренней сущности вещей.

— Вы глубоко заблуждаетесь, вознесенный, — ответил настоятель. — Санскритские источники утверждают, что богам физически присущ третий глаз. У святых архатов глаз этот как бы обращен внутрь, чем и достигается удивительная сила самопознания и отречения от действительности. Зато охранители учения должны быть особенно зоркими именно к проявлениям внешнего мира. Третий глаз у них развит поэтому столь же хорошо, как и два других. Больше того, как вы знаете, у некоторых охранителей глаза расположены еще и на каждом пальце многочисленных рук.

— Судя по этим тигровым клыкам, трехглазые черепа принадлежат охранителям учения?

— Да, это слепки с черепа охранителя, душа которого покинула тело и воплотилась в более высокой сущности.

— Вы говорите — слепки, святой отец, — весьма непритворно удивился Цэрэн, — значит ли это, что где-то хранятся подлинные мощи охранителя? Может быть, в вашем музее?

— Сие есть истина недоказуемая и тайна непроизносимая, — сухо ответил настоятель. — Пройдемте лучше вниз, и я покажу вам скелет великана.

По наружной лестнице они спустились на монастырский двор. Там шли приготовления к какой-то тантрийской церемонии. Ламы раздвигали длинные медные трубы, благоговейно извлекали из чехлов оправленные в серебро трубы из человеческих берцовых костей. Пробовали флейты и барабаны. Легкий ветер лениво прокручивал молитвенные колеса, трепал пестрые хоругви. Они прошли через весь двор к стене, примыкающей прямо к скалам.

Согнувшись, пролез Цэрэн вслед за настоятелем в

черную дыру. Неровные, сглаженные временем ступени вели в темноту. Лама спускался легко и уверенно. Видно, ходил сюда часто, а может быть, просто умел видеть в темноте. Цэрен же, цепляясь за шероховатые стены, осторожно нащупывал ногой ступеньку и только потом так же осторожно ставил другую ногу. Вероятно, этот слепой лаз в монастырской стене вел внутрь горы. Ступеньки были разной высоты, и Цэрену иногда казалось, что под ногой пропасть.

Все же он одолел этот спуск и медленно пошел вдоль узкого коридора. Идти приходилось пригнув голову и на полусогнутых ногах. Внезапно в затхлый мрак подземелья просочилось дуновение свежего воздуха. Он шел навстречу этой холодной струе, напряженно вслушиваясь в могильную тишину. Больше всего ему хотелось сейчас услышать шаги своего проводника. Но настоятель словно сквозь землю провалился. Жарким удушьем опалила мысль, что он добровольно сошел в заготовленный для него склеп. На секунду он потерял всякий контроль над собой. Что-то в нем сорвалось, и полетело, и понеслось, как валун по отвесному склону. Страшная мысль, подобно начавшейся лавине, обростала лихорадочными подробностями. Он уже не сомневался в том, что разоблачен и идет теперь на вечное заточение. Неведомо куда завело бы его это минутное замешательство, если бы он не ударился лбом о каменную стену. Острая боль пронзила насквозь. Лунная вспышка прорезала темноту и рассыпалась холодными, медленно затухающими искрами.

Подземный ход делал крутой поворот. Задыхаясь от боли, он повернул навстречу потоку свежего воздуха. Резкий удар и холод погасили лихорадочный жар. Расходившееся сердце медленно возвращалось к привычному ритму. Впереди колыхался ржавый огонек. Очевидно, настоятель запалил какую-то плошку.

— Здесь находятся кельи тех, кто избрал для себя полный отход от мира, — прошептал настоятель, когда Цэрен подошел.

Он увидел темные пятна замурованных лазов и черные дыры под ними, куда, верно, просовывали чашку с цзамбой и кувшинчик воды.

— Когда душа покидает кого-нибудь из этих святых, — вздохнул лама, — мы узнаем о том лишь по нетронутой чашке с едой. И то не сразу... Они порой не едят много дней. Довольствуются глотком воды.

В шепоте настоятеля почудилась искренняя зависть. Они шли вдоль этих каменных могил навстречу бьющему откуда-то ледяному потоку. В подземелье было так холодно, что Цэрен с трудом сдерживал дрожь. Лишь темные пятна более свежей кладки свидетельствовали об ужасных могилах, в которых добровольно заточили себя архаты, мнящие превзойти в подвижничестве самого Будду.

Он вспомнил того голого отшельника, которого видел недавно сидящим на льду, когда по следам Цыбикова ездил в Лабран, и подумал, что замурованные за этой стеной продвинулись куда дальше по пути избавления от страданий. Здесь никогда не бывает лета. Всегда только ночь и холод. Холод и ночь. Уход от мира, умерщвление плоти, изуверство — они присущи, наверное, всякой религии. Но только в ламаизме эти стремления определенной части людей обрели законченное выражение. Только у ламаитов монах-отшельник вознесен над богами. Недаром само слово «лама» означает «выше нет». Бесстрастный холод и высота Гималаев.

Ламаитское учение делит все стоящие над обычным человеком существа на восемь классов. И к первому классу причисляются ламы. Они первые в великом стремлении к спасению. Ламами были и Будда-Сакья-

Муни, и восемнадцать его ближайших учеников. Потом на землю спустились и другие ламы, чтобы напомнить людям о законе, растолковать им великое учение. Это были проповедники и основатели сект: создатель махаяны Нагарджуна и его любимый ученик Адиша, распространивший буддизм в Тибете, реформатор Цзонхава и другие высшие ламы. Ведь, строго говоря, рядовое духовенство нельзя относить к ламам. Лишь из уважения людей в желтых или красных шапках именуют столь высоко. И даже это чисто формальное употребление титула ламы как бы приобщает священнослужителей к миру высших существ. Но простой народ не подозревает о таких тонкостях догматики, а сами ламы не стремятся их ему растолковать.

Второй класс составляют «юдамы», или «охраняющие божества». Главный юдам — непостижимый Адибудда, «первейший из будд и господин и хранитель всех тайн».

Третий класс объединяет многочисленный пантеон «специализированных» будд — будд врачевания, покаяния, желаний, созерцания, 1000 будд текущего мирового периода, будд, предшествовавших Сакья-Муни, и грядущего Будду-Майтрею.

Затем следует класс бодисатв, класс женских божеств, класс хранителей закона — чойджинов, которых тибетцы именуют «драг-шед» — ужасные палачи. Ламаиты считают, что все чойджины были когда-то богами других религий, которые обратились в буддизм и стали ревностными его хранителями.

Второстепенные местные боги чужих народов тоже вошли в тибетский пантеон. Они составляют седьмой класс — юлла. Последний, восьмой класс объединяет сабдыков — хозяев земли. Это духи-божества рек, гор, лесов, источников, стран света и деревень.

Вот как высоко вознесены ламы! Лишь где-то в са-

мом низу под ними находятся будды и бодисатвы, ужасные устрашители, некогда грозные Брама и Индра, духи пустыни и духи гор.

Столь же строгой иерархии подчиняется и закон перерождения. Магическое тело будды или бодисатвы — это нить, на которую нанизываются жемчужины жизней их человеческих воплощений.

Первоначально право на божественное перерождение принадлежало лишь главам желтошапочников. Но вскоре оно распространилось и на духовенство второго ранга — настоятелей знаменитых монастырей, заместителей далай-ламы в провинциях, высших красношапочных иерархов. Тибетское название таких «перерожденцев» — ринпочэ, что значит «великая драгоценность». К этому титулу часто добавляют еще и слово «пагба» — благородный, возвышенный. Монголы называют «перерожденцев» — хутухту.

За ринпочэ-хутухту следуют тулку-ламы, или хублиганы по-монгольски. Это «перерожденцы» настоятелей крупных монастырей. И если ринпочэ почитаются как воплощения будд, бодисатв, юдамов и знаменитых индийских проповедников, то тулку рассматриваются в качестве «перерожденцев» более «простых» богов и святых. Наконец, сравнительно недавно возник и четвертый ранг «перерожденцев». Теперь уже всякий влиятельный лама мог рассчитывать на то, что его станут рассматривать как воплощение какого-нибудь прославившегося благочестивой жизнью монаха.

Одним словом, ламы стремятся придать реальный смысл высокому своему званию. Те же, кого будущее воплощение заботит куда больше, чем нынешнее, уходят в ледяной мрак этого коридора.

Они медленно шли вдоль страшной стены. У одной из келий настоятель поставил светильник на пол и опустил рядом с ним на колени. Знаком он предло-

жил Цэрэну последовать его примеру. Потом распластался по земле и далеко задвинул шаткий огонек в какое-то отверстие. Стало темно. Тот сначала не мог понять, чего от него хотят, но вдруг увидел впереди какое-то светлое пятно — крохотное оконце в кладке, освещенное снизу светильником. Цэрэн заглянул туда и чуть было не вскрикнул от удивления. В красноватом сумраке он разглядел исполинский скелет. Он вытянулся на полу во всю длину кельи. Тускло блеснули истлевшие лоскутья желтой ткани. Оловянная чаша. Колокольчик.

— Это великан! — прошептал настоятель. — Когда-то их было много в Тибете. Они восприняли учение из уст первых проповедников и спят теперь в тайных пещерах. Некоторые из них восстанут, когда придет время.

Цэрэн чувствовал, что коченеет от пронизывающего холода и этого сумасшедшего шепота. Напрасно он мысленно заставлял себя вспомнить трехглазые маски. Напрасно уверял себя, что скелет в масляном полумраке всего лишь жалкий муляж.

— Давайте уйдем отсюда! — попросил он. — Мне что-то нездоровится.

Когда они вышли наконец на солнечный свет и в уши ворвался рев труб и рокот барабанов, он подумал, что настоятель сделал все, что мог, для возвращения ламы-вольнодумца на путь истинный. Он хорошо сыграл свою роль.

А на другой день караван тронулся в дальнейший путь. Паломники прошли мимо того горного монастыря с подземельем и верст через восемь опять вышли к реке Нагчу. Таковы уж дороги в горах. Они обматываются вокруг хребтов, как нитки вокруг катушки. Уводят и возвращают назад. Простые дороги ведут либо вперед, либо вспять, горные еще поднимают и опу-

скают. Они и проложены для того, чтобы поднять к перевалам и опустить вниз. И не столь уж важно, сколько надо идти такой дорогой к перевалу. Лишний десяток верст не принимается во внимание. Только бы не были слишком круты подъемы и спуски.

Спустившись к реке, решили не торопиться с переправой. Вода стояла еще очень высоко. Ожидая ее убыли, провели на берегу и весь следующий день. Только 27 июля, когда уровень немного упал, решились перейти реку. Вода доходила до седел лошадей. Малорослые же мулы шли вплавь. Но за последние дни животные отъелись, отдохнули и хорошо перенесли переправу. В тот день смогли сделать еще 30 верст. Столько же удалось пройти и на следующий день. Всех подстегивало желание скорее добраться до Лхасы. Впрочем, кроме понятного утомления от долгой и трудной дороги и, конечно, благочестия, многими руководили и чисто корыстные соображения. Суть в том, что лхасские торговцы стараются скупить первых же лошадей и мулов, чтобы поскорее выполнить заключенные с Индией контракты. А так как конкурирующие друг с другом торговцы не могут знать заранее, сколько животных прибудет в данный год из Амдо, то наперегонки набрасываются на первые партии. Понятно, что и паломники стремятся опередить друг друга и подороже сбыть своих лошадей. Ведь чем больше животных привозят другие караваны, тем ниже упадет цена. Поэтому караван после короткого отдыха, уже на закате, отправился дальше. Лишь ночью остановился он на лугу санчунской казенной станции, где разрешается пастись только стационарным табунам. Паломники тихо развьючили животных и заночевали, не разжигая огня.

Тайно потравив казенный луг, выступили, когда только-только занимался перламутровый рассвет и

иней не таял еще на лошадиных потниках. В то утро вода в реках казалась особенно холодной. Медленно разгоралось латунное солнце. Животные долго не хотели входить в воду. Но караван перешел реку Рачу и еще одну, названия которой никто не знал. В тот день одолели перевал Чог-ла и вышли к восьми субурганам. Идти дальше было уже невмочь. Сон буквально валил с ног. Цыбиков заснул сразу, будто провалился под лед в черную застывшую воду. Но среди ночи внезапно проснулся от чьего-то душераздирающего крика. И долго потом не мог уснуть. Всю ночь где-то рядом ревели дикие ослы, у которых была сейчас самая пора свадеб. Лошади тоже вели себя тревожно, отзываясь на ослиный рев испуганным ржанием.

30 июля вошли в узкое ущелье, в устье которого стоит покинутый домик с колесом, в котором заключено сто тысяч «мани». Потом стали попадаться отдельные банаки, дальше пошли пахотные поля и деревни тибетцев. Утром достигли реки Помдо — одного из главных притоков Уя. А на Уе, как известно, стоит Лхаса. Цель, казалось, была уже близка. Из-за высокой воды опять пришлось погнать животных вплавь. Груз надо было перетаскивать на себе через мост. Но что это был за мост! Две железные цепи, натянутые на расстоянии в полтора аршина друг от друга между береговыми опорами. К этим подрагивающим цепям ремнями кое-где привязаны жалкие дощечки и жердочки. Вот и весь мост. За один раз по нему может пройти только один человек. Да и то ежеминутно рискуя свалиться в воду. Только страхом перед этим мостом можно объяснить возникновение легенды, что переход по нему очищает от всех грехов.

После этой переправы целый день отдыхали вблизи старого красношапочного монастыря.

Зато 2 августа, перевалив через высокий хребет

Чаг-ла, паломники спустились в долину реки Пэнбо. Это одно из наиболее густонаселенных мест Тибста. Отныне они оказывались под полной юрисдикцией далай-ламы. Пройдя еще верст 30 — благо дорога оказалась хорошей — вдоль Южной пади, поднялись к Гола — перевалу Головы.

Отсюда в ясную погоду можно увидеть Лхасу! Ее розовые дома, золоченые крыши храмов, белый дворец далай-ламы на Красной горе... И Цэрен и Цыбиков еле дождались утра. Но окутавший гору густой туман не растаял. Накрывшее караван облачное одеяло не позволило насладиться лицезрением города небожителей.

Но, несмотря на это, паломниками овладел экстаз. Они распростерлись на земле, простирая руки в туман, смеясь и плача. Вставали, чтобы совершить троекратный поклон, и вновь растягивались на холодных камнях, мокрых от сгустившегося на них облачного тумана. Люди целовали эти камни и все тянулись, тянулись вперед, словно видели уже сверкающие крыши священного города. Порой казалось, что они и впрямь видели его тайным каким-то зрением экстаза и веры.

Цыбикову тоже трудно было сдержать нахлынувшие вдруг чувства. Много лет и еще восемь с лишним месяцев этой тяжелой дороги стремился он к таинственному городу. И вот он близок, совсем близок! Цыбиков мог бы даже увидеть его, если бы ветер сдул это белое, с провисшими серыми краями одеяло, окутавшее гору.

Ламы затянули священные молитвы. Кто-то пытался жечь курения, но они не хотели разгораться в облачном киселе. Цыбиков верил, что уже ничто не помешает ему добраться до Лхасы. И в самом деле, что теперь могло ему помешать?

Паломники принесли жертвы на каменном алтаре, расстелив розовые хадаки, оставили по горсти чохов.

До Лхасы оставалось лишь несколько верст...

*Прости, мой друг. Но нам пора.
Уже сова в окно влетела,
И ожиданьем топора
Тоскует и томится тело.
Прости за то, что так врасплох,
Прости за муку и смятенье.
Но в нашем теле не взросло
Смиренье перед той метелью,
Что гонит в сумеречный свет
Равно покорных и упрямых.
Сомкнется в черных водах след
Под скорбною улыбкой Ямы.
Но не прощайся, не тужи.
Пора прозреть от глупой лжи,
Что есть разлуки и потери.
Ты ничего здесь не нажил.
Все кончилось у этой двери.*

Дхаммапада, XVIII, 237

*За смех, за буйства наши — кара:
Трещит огонь. Спасенья нет.
И не дано сквозь тьму пожара
Увидеть настоящий свет.*

Там же, XI, 146

**ТАЙНЫ
БОГОВ
И ТАЙНЫ
ЛЮДЕЙ**

урятский лама и
пандит-индиец во-
шли в Лхасу в один
и тот же день.

Их пути пересеклись у цели и вновь разошлись, чтобы опять сблизиться по прихотливому велению случая.

В темных очках, с красным пагри вокруг головы, вошел пандит в город через западные ворота, именуемые Парго-калин-чортэнь. Два погонщика с конями гнали за ним навьюченных лошадей. А он ехал, покачиваясь в седле, от усталости уронив голову на грудь. Полицейские — корчагпа — приняли его за уроженца

Ладака и, ни о чем не спросив, пропустили маленький караван в столицу.

Но когда он проезжал мимо китайской кондитерской, кто-то крикнул в толпе:

— Смотрите: вот прибыл еще один больной; оспа поразила его глаза. Город полон больных. Что за страшное время для Тибета!

Караван монголов вошел в Лхасу через восточные ворота. Верстах в четырех от города его встретил лама, который подробно расспросил каждого, кто он, есть ли у него земляки в Лхасе и где намерен остановиться. Узнав, что с караваном идут и буряты, он порекомендовал им сразу же по прибытии в город навестить бурятского ламу Гончока. Поэтому, когда сопровождаемый ламой караван поравнялся с полицейскими постами, его беспрепятственно пропустили.

Бурятский лама и пандит-индиец ехали навстречу друг другу по грязным, запруженным паломниками улицам. Они встретились в шумном квартале, где сосредоточились китайские, непальские и кашмирские магазины. Здесь торговали фарфором, шелковыми материями, чаем всех сортов, бронзовыми фигурками и ювелирными изделиями.

Они медленно ехали, пробиваясь сквозь толпу, друг другу навстречу. Они узнали друг друга, хотя каждый был уверен, что никогда раньше другого не встречал. И, стараясь избавиться от назойливой слежки, совершали невольные ошибки, которые привлекали к ним внимание.

В один из самых священных дней лунного календаря, в праздник сага-дава, когда Учитель отошел в нирвану, толпы паломников устремились к главной святыне Лхасы — Большому Чжу. На вершинах всех холмов, в каждом святилище, монастыре, в каждом доме и каж-

дой часовне зажгли курения. Удушливый аромат можжевельника синими струйками потянулся к безоблачному небу Лхасы. Мужчины, женщины, дети, калеки, старики, тибетцы, тангуты, китайцы, монголы, кашмирцы, непальцы, сиккимцы, ламы, князья и нищие — все спешили в священный храм, чтобы сделать пучжа перед Большим Чжоу и получить его благословение. Все несли с собой связки курительных свечей, чашки с маслом, разноцветные хадаки и кошельки с деньгами.

Длинной змеей обтекала толпа высокий тополь у западной стены храма, который вырос, как говорят, из волоса самого Будды, или, как его здесь называют, Чжу. Паломники целовали белую кору священного дерева и кланялись установленной рядом каменной плите, воздвигнутой еще в IX веке в память о победе тибетцев над войсками китайского императора.

Отсюда начиналась прямая дорога в храм. Он стоит в самом центре города, трехэтажный дом-колодезь под четырьмя золотыми китайскими крышами. Перед огромными его воротами гора из рогов баранов и яков, над которой вьются по ветру разноцветные флаги. Все этажи этого храма с глухими наружными стенами разделены на множество комнат, где в тусклом свете горящих фитилей блестят бронза и красный колокольный металл статуй. Здесь собраны все будды, бодисатвы и охранители, в которых только верят тибетцы. Но главная святыня хранится в центральном зале. Там, у восточной стены, сидит на троне под роскошным балдахином Будда-Сакья-Муни, которого тибетцы называют Чжур-риньпочэ. Перед ним на низком и длинном столике день и ночь горят золотые светильники с теплым маслом.

Согласно легенде, знаменитую статую отлил скульптор Васвакарма, которого бог Индра вдохновил сделать сплав из пяти «драгоценных веществ» — золота, сереб-

ра, цинка, железа, меди — и «пяти драгоценностей неба» — алмаза, рубина, ляпис-лазури, изумруда, индранила. Статую изготовили в Магаде еще при жизни великого Учителя. Потом ее доставили из Индии в столицу Китая. Когда же тибетский царь взял в жены дочь императора Тайцзуна, то получил священную реликвию в качестве приданого. Реформатор Цзонхава украсил ее браслетами и диадемой из кованого золота и драгоценных камней.

Один за другим подходили паломники к трону прекрасного принца, звоном колокола увеселяли они будду, целовали его колени и, добавив коровьего масла в золотые светильники, уступали место следующим. А Большой Чжу каждого одаривал необыкновенной своей улыбкой. Бронзовый лик его сверкал золотым порошком недавней покраски, тени и отблески перебежали по нему, и казалось, что статуя всякий раз оживает, когда от новых порций масла вспыхивают светильники. Бурятский лама в последний раз взглянул на улыбающегося будду и обогнул одну из поддерживающих балдахин сине-зеленых колонн, сделанных в виде золотых драконов.

Теперь ему следовало воздать почести сидящим по обе стороны Большого Чжу грядущему будде Майтрее и первому из явившихся в мир будд — Дипанкаре. Оставив перед каждой статуей хадак и несколько серебряных монет, он направился к изображению Цзонхавы. Трон его был установлен возле большого небесного камня, который желтошапочный реформатор нашел в одной из пещер. На камне стоял колокольчик с большим рубином в ручке. На эту реликвию, принадлежавшую главному ученику будды — Маудгалье, разрешалось только смотреть. Лишь высшие ламы могли звонить в этот колокольчик.

Бурятский паломник вошел в покой Цзонхавы сразу

же после того, как их покинул индийский пандит. Вновь сближались их смыкающиеся круги.

В сопровождении служителя храма пандит проследовал в покой Авалокитешвары, которого в Тибете называют Шэньрэзиг чу-чиг-цзал.

Говорят, что однажды царь Стронцзан-гамбо услышал голос, повелевший ему сделать статую Авалоки-тешвары в человеческий рост, после чего исполнятся все желания царя. Лучший непальский мастер взялся за изготовление статуи милосердного бодисатвы. Он взял ветку дерева мудрости бо, под которым Сакья-Муни достиг состояния будды, и песку с берега реки Найранчжана, в которой он купался после того, как обрел всезнание, немного земли с острова великого океана и земли из восьми священных мест Индии, частицу сандалового дерева и еще десяти других священных веществ. Все это он измельчил в порошок и смочил затем молоком красной коровы и козы. Так была получена мягкая масса, из которой и слепил он статую, внутри которой поместил сандаловое изображение Авалокитешвары, привезенное с Цейлона. «Не я лепил ее, — говорил потом мастер, — она сама возникла из драгоценной массы». А еще рассказывают, что статуя поглотила души царя и его супруги.

Индийский пандит воздал почести Авалокитешваре и всем окружающим его богам и богиням. Он посетил покой царя Стронцзан-гамбо и других тибетских святых, возложил связки свечей к лotosовым тронам будд прошедшего, настоящего и будущего времен. Служитель показал ему и знаменитую статую Ваджрапани. Иконоборец Ландарма велел уничтожить ее. Но слуга, который привязал ей на шею веревку, внезапно потерял рассудок и упал. Из рта его хлынула кровь, и он умер. Статуя же осталась стоять.

Служитель проводил пандита во внешний двор, где

стояли устрашители, охраняющие Сронцзан-гамбо и обеих его жен. Но пандит уже устал от богов и святых. Рассеянным взглядом окинул он раскрашенные фигуры и увидел вдруг лежащие у ног одного из устрашителей исполинские рога яка.

— Я никогда не видел таких больших рогов, — сказал он служителю. — Откуда они?

И служитель поведал ему волшебную историю, которую вот уже в тысячный раз рассказывал любопытным паломникам:

— Ученик странствующего святого и поэта Миларапы отправился как-то в Индию, чтобы изучить там все тайны веры. Через несколько лет он возвратился на родину, исполненный гордости своими великими познаниями. Миларапа тепло встретил любимого ученика и взял его с собой в очередное паломничество в Лхасу. И вот, когда они ехали по безлюдной пустыне, Миларапа увидел эти самые рога. Провидя все наперед, он решил дать гордому и спесивому ученику хороший урок. «Принеси мне эти рога», — сказал он. «Зачем они тебе? — спросил ученик. — Их нельзя съесть, они не дадут нам воды в этой пустыне, из них не сошьешь одежду». Про себя же он подумал, что учитель совсем спятил. «Ему нужно все, что только он ни увидит. И все он раздражается, ворчит, словно старый пес, а то совсем впадает в детство». Миларапа, конечно, догадывался, что думает о нем ученик, но не подал виду и только сказал: «Кто знает, что может произойти? Только мне кажется, эти рога еще нам понадобятся». С этими словами он поднял рога и понес их сам.

Через некоторое время путешественников настигла сильная буря. Ревел ветер, громыал гром, больно хлестал крупный град. А кругом не было даже жалкой мышиной норки, где бы можно было переждать непогоду. Ученик закрыл голову руками и сел на песок. Он не

надеялся дожить до окончания бури. И вдруг он заметил, что Миларапа забрался в один из рогов и спокойно ждет там, пока уляжется непогода. «Если сын таков, как его отец, — сказал святой ученику, — то пусть он тоже заберется внутрь рога». Но в роге не умещалась даже шляпа бедного ученика, который утратил всю свою спесь. Тут небо прояснилось, ветер утих, и Миларапа вылез из убежища. Ученик же Миларапы принес рога в Лхасу и пожертвовал их Чжу.

Пока пандит слушал эту назидательную историю, паломники один за другим следовали своим благочестивым путем. Всего лишь на несколько минут задержался пандит во внешнем дворе и увидел здесь бурятского ламу. Они встретились вновь, отвели глаза и уже почти что вместе проследовали в темное помещение страшной богини Лхамо.

Грозное лицо охранительницы верховных иерархов Тибета было закрыто, но кунер — служитель — раздвинул занавес, оказав тем самым высочайшее уважение щедрым и благочестивым паломникам. И они увидели мула, рожденного от красного осла и крылатой кобылицы, которого преподнесла охранительнице богиня моря. Они увидели седло из кожи чудовищного людоеда, змей, которые служат мулу уздой, унизанную черепами веревку и кости, на которых ведется роковая игра на жизнь или смерть. Они увидели лик Лхамо.

Потрескивали плавающие в масле фитили, и тихо шуршали ручные мыши. Их было так много, что занавес, обычно скрывающий богиню, шевелился как живой. Они перебегали по плечам служителя, взбирались к нему на голову. Священные мыши, в которых воплотились души лам. Пандит и лама-бурят добавили масла в лампы и покинули комнату Лхамо. Потом они разошлись в разные стороны, с тревогой сознавая, что новой встречи не избежать.

Бурятский лама направился к знаменитому храму Рамочэ, где находилась вторая по значению святыня Лхасы — древняя статуя Малого Чжу. Пандит же, сопровождаемый шумной толпой нищих певцов, поспешил к главному оракулу.

Обоим был назначен один и тот же день, который приходился на второе число седьмой луны по местному календарю. Они внесли чиновнику по восемь ланов и вышли на улицу, где их сразу же разлучила орущая и танцующая толпа.

Государственный оракул Карма-шяр совершал традиционное шествие вокруг квартала Чжу. Его сопровождали вооруженные пиками и саблями разряженные слуги и ламы-музыканты. Двое телохранителей почтительно поддерживали оракула с обеих сторон. На нем были яркие парчовые одежды, опутанные четками и ожерельями из священных колес. На голове покачивался пышный шлем, украшенный белыми черепами и разноцветными лентами. В правой руке был крепко зажат меч. Лицо оракула ежеминутно корчилось в ужасных гримасах. Карма-шяр высоко подпрыгивал и, шатаясь как пьяный, отталкивал своих благоговейных прислужников. Вырвавшись, он делал внезапный прыжок вперед, но телохранители вновь подхватывали его под мышки. Казалось, у оракула вот-вот начнутся судороги.

Дойдя до южной границы квартала, он завизжал и шарахнулся назад, свалив одного из телохранителей в зловонную канаву. Толпа в испуге замерла и в страшной панике разделилась надвое. Оракул остался один в этом рассекшем толпу коридоре. Он вновь отчаянно завизжал и швырнул меч в толпу. Опять возникла паника. Давя и опрокидывая друг друга, люди бросились врассыпную. Новый пустой коридор образовался в том месте, куда должен был упасть меч. Там, в десяти ша-

гах друг от друга, стояли пандит и бурятский лама. Они одни только остались на своих местах. С жестяным стуком упал между ними меч.

Этот сделанный из тонкого медного листа меч никого не мог поранить всерьез. Но горе тому, чьей головы он коснулся бы! Тибетцы верили, что если в толпе скрывается какой-нибудь враг религии, то он будет на смерть поражен мечом. Так было всегда. И если почему-либо меч оказывался бессильным, его карающую роль брала на себя сама толпа.

Пандит и бурятский лама посмотрели друг другу в глаза. Они ничего не знали друг о друге. Вокруг неистовствовала приплясывающая толпа. Вспышкой необузданной радости встретила она падение меча. На сей раз боги были довольны обитателями города небожителей. Все смеялись, радостно поздравляя и приветствуя знакомых и незнакомых.

«Надо выяснить, кто это, — подумал бурятский лама, — иначе может случиться что-нибудь непредвиденное».

«Так может смотреть только интеллигент, — мысленно рассуждал пандит. — Как это я сразу не разглядел в нем образованного человека? Интересно, какие цели он преследует... Конечно, он не лама и не настоящий паломник. Кто же он?»

Пандит сложил пальцы в мудру «священного колеса». Немного поколебавшись, бурятский лама ответил ему мудрой «колесницы». Тогда пандит сложил ладони в знаке «намаскар», означающем приветствие. Лама ответил сложной фигурой, символизирующей ясность, определенность. «Встреча», — показал индус. «Встреча», — ответил бурятский лама.

Ликующая толпа разделила их. Но они отыскили друг друга и пошли рядом.

— Что, если после аудиенции? — тихо спросил пандит по-монгольски.

— Когда взойдет луна, — на том же языке ответил бурят.

— Где? — прошептал пандит.

— У дворца Шадда, — ответил лама.

Они еле заметно кивнули друг другу и разошлись.

В тот же день Цыбиков посетил Цэрена и все рассказал ему об индийце, который так беспокоил их своим тайным и зловещим соперничеством.

— И все же это может быть ловушкой, — сказал Цэрэн. — Пойду я. Вы и так слишком на виду. К тому же мне легче будет оправдаться...

Когда Цэрэн прошел через Бирюзовый мост, сзади него возникли две тени. Бесшумно выпрыгнули они из черного сумрака галереи на лунную дорогу. Но что-то звякнуло вдруг в тишине. Может, это оружие задело о кольчугу, а может, просто упала серебряная монета на каменную плиту. Монгол вздрогнул и оглянулся, словно услышал, как резко зазвенел тот самый астральный колокольчик. Здесь-то и набросили ему на голову мешок.

Он не вскрикнул и покорно дал себя связать. Только подумал, что пандит все же предал их, заманил в ловушку. Недаром он следовал за ними как тень. Недаром, улучив момент, вовлек Цыбикова в немую беседу посвященных. Но разве знание мудры — вина? Разве не может бурятский лама тянуться к истокам буддизма? К истокам индийского света? К тому же они убедятся сейчас, что ошиблись! Не того взяли...

Его втолкнули в носилки и куда-то понесли. Он слышал, как шаркают по земле подошвы — торопливо и часто. Очевидно, его носильщики шли быстрым, сбивающимся на бег шагом. Носилки тяжело колыхались в их неловких руках. Вскоре похитители поставили но-

силки на землю, и пленник больно зашиб локоть от резкого толчка. Тихо пошептались о чем-то, отдыхая. Потом так же резко рванули носилки с земли, и опять по лунной пыли неведомых улиц зачастили шаркающие шаги.

Все чаще останавливаясь для отдыха, неизвестные похитители протащили его через весь город. Наконец, в последний раз бросив носилки, они выволокли его и куда-то повели. Потом был подъем по лестнице, спуск и опять подъем. Тепло, запах курительных свечей и горящего масла подсказали пленнику, что он находится в комнате. Его развязали, сняли с головы душный мешок.

Неяркий огонек в масляной плошке не резал привыкшие к темноте глаза. Цэрен огляделся. За низким лакированным столиком сидел лама в тоге, казавшейся почти черной. Рядом с ним стояли письменный прибор и глиняный, оправленный в серебро чайник. На полу лежала плетеная циновка. Перед бронзовой статуэткой Майтреи медленно дымилась красная точка курительной свечи. Лампадка оставляла лицо черного ламы в тени. Молча смотрел он из этой тени на Цэрена, неподвижный как мумия. Даже пламя не шевелилось от его дыхания. Потом вдруг как-то совсем буднично сказал по-русски:

— Рад видеть вас у себя, милостивый государь. Прошу садиться. Не взыщите, что нет стульев. Сами понимаете, обстоятельства.

Цэрен молча стоял посреди комнаты. Перебегающими иголочками возвращалось кровообращение в освобожденные от веревок руки. Ослепительной вспышкой возникло в мозгу лицо пандита. «Где?» — спросил он Цыбикова по-русски в той праздничной толпе. «Где?» Значит, все было недаром. Слежка, тайная беседа на пальцах и это неожиданное русское «где».

За ними наблюдали все время, их подозревали, может быть, многое знали о них. Припомнился одноглазый и смерть его в перестрелке, в которой все стреляли в воздух, и загадочное поведение хамбо-ламы в Нагчу.

— Для чего вы предприняли эту ночную прогулку и кто вас ждал у дворца Шадда? — опять по-русски спросил его черный лама. «Нелепый вопрос. Уж это-то они знали точно, — кто и зачем ждал его».

— Молчать бессмысленно, дражайший. Вас взяли рядом с условленным местом. Вы шли на тайное свидание, это установлено. С кем?

А он подумал, что молчание тоже выдает его. Бурятский лама должен хоть что-то знать по-русски. И раз его принимают за Цыбикова...

— Я плохо говорю на этом языке, — по-монгольски ответил Цэрен.

— Да ну? — казалось, искренне удивился черный лама. — С каких это пор? — и, переходя на монгольский, со вздохом сказал: — Подчиняюсь вашей причуде. Но должен вам заметить, вы сами вскоре откажетесь от нее.

«Почему делами лхасской полиции ведают черношапочные ламы? Или это не полиция? А может, он вовсе не черношапочный лама?»

Пленник чувствовал, что очень многое зависит от правильного ответа на эти вопросы. Отчаянно необходимо было знать, где он и кто этот человек в черном, который так легко и свободно говорит по-русски и по-монгольски.

— Кто вы? — спросил он. — Зачем меня похитили? Где я?

Черный лама тихо рассмеялся.

— Прошу понять одно, — сказал он. — Вас арестовали, когда вы шли на тайную встречу. Этого вполне достаточно, чтобы... Но неужели вы сами не понимаете?

Право, ваше заперательство похвально, но не надо впадать в излишнюю наивность. Какие дела могут быть у монгольского монаха с индийским пандитом?

«Да, шел на встречу с пандитом! Это так. Отрицать не приходится... Но какая в том крамола? Сам факт не может еще служить обвинением. Но, с другой стороны, он вызывает ряд весьма серьезных вопросов. Все дело в том, как лучше ответить на них. Ответ должен снять все подозрения. Нужно придумать безупречное объяснение!.. Правда, остается еще сам пандит. Но что он может добавить к тому, что было? Нет, нет! Ответ должен вмещать в себя все: и сговор о тайной встрече, и мотивы, по которым бурятский паломник мог на такую встречу пойти».

— Мне жаль напрасно расходуемой вами мыслительной энергии, — тихо сказал черный лама, вновь переходя на русский. — Все это впустую. Допустим, вы найдете сейчас более или менее удовлетворительное объяснение вашей ночной прогулки к дворцу Шадда. Что с того? Или вы полагаете, что здешнее правосудие руководствуется римским правом? Никакие слова не могут снять подозрений. А что, кроме слов, сможете вы положить на алтарь истины? Итак, о чем собирались вы говорить с пандитом? О чем собирались с ним говорить? — по-монгольски повторил черный лама.

— Весь долгий и тяжелый путь сюда, — сказал Цэрен, садясь на циновку, — я страдаю от того, что получил некоторое образование в светской школе. Да, меня интересуют святыни Лхасы. Что в том плохого? Почему я не могу встретиться с образованным человеком из далекой страны? Почему мне нельзя побеседовать с ним?

— Ночью? В темных арках заброшенного дворца?

— Да, ночью, в уединенном месте. Всех здесь в чем-то подозревают! Так неужели понятное желание избе-

жать лишних подозрений тоже может быть поставлено в вину?

— В вину можно поставить все, что угодно. Вы это прекрасно знаете. Даже отсутствие всякой вины может быть расценено как изощренная ловкость преступника. Не в вине суть. Кто следил за вами?

— Да хотя бы тот же пандит! Я видел в нем назойливого шпиона. Когда же он подошел ко мне, я даже обрадовался возможности поговорить с ним и уладить возникшее недоразумение.

— Чего же хотели вы достичь нынешней ночью: усыпить подозрения шпиона или найти ответы на вечные вопросы в беседе с ученым пандитом?

— И того и другого. В зависимости от обстоятельств.

— Прошу пояснить.

— Я и до сих пор не знаю, кто этот индеец. Может быть, он такая же жертва всеобщей подозрительности, как и я. Не исключено также, что это именно он заманил меня в ловушку.

— Прямота и отлично разыгранная наивность ваших ответов может, согласен, растрогать такого человека, как я, всегда готового отдать должное партнеру, — черный лама вновь заговорил по-русски. — Лхасская полиция же этого просто не оценит. Вы взяли неверный тон. Или с полицией вы предполагаете говорить иначе? Я не хочу изнурять вас дальнейшим допросом, так сказать, втемную. Почему вы взяли на себя роль Цыбикова? Давайте говорить откровенно, где Гонбочжаб Цэбекович? Зачем вы пришли вместо него?

«Все кончено. Разоблачены. Теперь действительно все кончено. Но как они могли узнать? Непостижимо... Может быть, кто-то из знакомых бурят увидел его здесь?»

— Не ломайте понапрасну голову. Все в мире имеет естественное объяснение. И даже здесь, среди молитвен-

ных колес Тибета, самое простое объяснение будет и самым разумным. Я узнал вашего друга. Это Гонбочжаб Цыбиков.

— Узнали?!

— Вот вы и заговорили по-русски! Я же предупреждал, что вы сами прекратите бессмысленную игру. Похвально-с!

«Разве я сказал это по-русски? Впрочем, теперь это не имеет значения. Теперь...»

— Вы правы, это не имеет теперь значения. А я действительно узнал его. И вас тоже.

Черный лама снял шапочку и, взяв лампадку, приблизил ее к своему лицу.

Цэрен наклонился, напряженно вглядываясь в резкие черты совершенно незнакомого лица. «Нет, я никогда не встречал его. Никогда. Он не тибетец, не бурят, не монгол. Похож на корейца или на японца».

Вдруг лицо черного монаха неуловимо изменилось. Шире раскрылись черные щелки глаз, выпятилась нижняя губа, щеки разошлись в доброй и глуповатой улыбке.

— А господина не хосит лазве больси лапси?

«Свист в ушах. Как астральный колокольчик. Поймать. Ухватить. Так, так... Поезд. Колеса. Белая струя пара. Все не то, не то. Китобойная шхуна. Прогорклый запах ворвани. Самоходный корвет. Две мачты со снастями. Дым из трубы. Параллельно горизонту. Или трехтрубный крейсер? Нет, не то, но где-то рядом, где-то совсем рядом. Надо возвратиться, возвратиться... Куда? Забыл! Флотские офицеры? Духовой оркестр на разряженной барке. Китайские фонарики. Фейерверк. Военный оркестр. Тамбурмажор. Полонез. Штабс-капитан Цикламенов. Офицерское собрание! Бильярд!! Повар-китаец!!! Вот!!!

— Ли-хуэны!

— Ай-я-яй, дорогой Цэрен! Забыли старого знакомого. А я так вас сразу узнал. Нехорошо, ученый господин, право, нехорошо! Но я на вас не в обиде.

— Как прикажете именовать вас теперь? — спросил Цэрен.

Он припомнил повара-китайца, у которого столовался в бытность свою в далеком русском городе Владивостоке.

— Перед вами настоятель одного очень древнего буддийского храма, расположенного в уединенной долине страны Ниппон.

— Что же вы делаете здесь, в Тибете, святой настоятель?

— Э нет, так не годится, милостивый государь. Я уже достаточно пришел вам на помощь. Не стремитесь пока к большему. Спрашивать буду я... Для начала позволю себе спросить вас и о господине Цыбикове, и о господине пандите. Я хочу знать, когда и где вы познакомились с ним? Что у вас общего?

— Сегодня должна была состояться первая наша встреча.

— Вот уже несколько дней индеец и Цыбикова видят вместе. Не надо глупой лжи. Иначе не рассчитывайте на пощаду. Своих-то встреч с Цыбиковым вы, надеюсь, не отрицаете?

— Самое смешное, святой настоятель, что я говорю правду. И теперь, и ранее я сказал чистую правду об индийце.

— Прошу запомнить, — тихо сказал черный лама, — что я не остановлюсь ни перед чем, чтобы заставить вас сказать все. Мне нужно знать, что связывает вас с этим пандитом. И я узнаю это, невзирая ни на что. Пандит уже заговорил. Сейчас я только уточню у него некоторые сведения. После этого вы будете отвечать мне вдвоем. Обдумайте пока свое положение. А где

теперь господин Цыбиков? И не создавайте себе сладких иллюзий. Я располагаю абсолютными методами узнавать правду. Встать! — закричал он, подымаясь из-за столика.

Цэрен встал.

— К стене!

Подошел к стене.

— Вытянуть руки!

Уперся ладонями в стену.

Черный лама быстро провел руками по его одежде.

— Можете сесть, господин Цэрен, — спокойно заметил он, не найдя оружия.

Взяв с письменного прибора ножички и тушевые иглы, он вышел из комнаты. Дверь за ним закрылась. Звякнул тяжелый тибетский замок.

Цэрен быстро огляделся. Окон в комнате не было. Медленно обвел всю ее внимательным, сосредоточенным взглядом. Циновка из рисовой соломки, чайник, расписной столик, светильник, Майтрея — все. Свечка у Майтреи обратилась в тонкий столбик серого пепла. Он встал и потянулся к бронзовой статуэтке, но тут же опустил руку. Сломанный столбик пепла мог выдать. Осмотрел столик. Внимание его привлек маленький позеленевший от времени субурган, который, как пресс-папье, прижимал бумажную стопку. Он взял его в руки и повернул основанием к себе. Тонкий лист меди закрывал круглое отверстие. На металле ни вмятины, ни царапины. Субурган никогда не открывали. Выгравированные на медной крышке скрещенные ваджры охраняли чьи-то святые останки. В центре эмблемы был мистический знак Янь и Инь, символизирующий единство противоположных начал в природе. Цэрен перевел взгляд на лампаду. Подумал, что и запах паленого может выдать. Поискал, чем бы открыть субурган. Взял со столика кисточку с острой костяной ручкой и попы-

тался поддеть крышку. После некоторых усилий она отлетела с тихим печальным звоном. Субурган был набит можжевельной хвоей, в которой покоились цилиндрики с молитвами. Осторожно поставив крышку на место, но не закрепив, он водрузил субурган на столик. После этого той же костяной ручкой вспорол подкладку своего халата и достал оттуда похожие на хранящиеся в субургане цилиндрики. Засунув их поглубже в можжевельник, закрыл субурган и поставил на место. Потом положил кисточку в лакированный черный пенал. Теперь можно было не опасаться обыска.

Пандита схватили, как только наблюдатели донесли, что бурятский лама вступил на мост. Связанного, с мешком на голове, принесли его в тот же самый трехэтажный дом с окнами во внутренний дворик, который стоял на глухой окраине Лхасы. Владея высокой культурой йоги, пандит, оказавшись в носилках, легко освободил руки и проделал дырку в мешке. Поэтому он знал, куда его принесли.

В комнате, где с него сняли мешок, не было ничего, кроме циновки, чайника и лампы. Его оставили здесь одного, и долго никто к нему не приходил.

«Допустим, этот мнимый бурятский лама оказался шпионом, — рассуждал пандит. — Его подослали ко мне, чтобы завлечь в уединенное место. Но зачем? Разве трудно арестовать меня дома или на улице? Что-то я не заметил, чтобы тибетская полиция практиковала тайные аресты. Тогда зачем все это? Может быть, агенты, которым поручили арестовать меня, просто поторопились? Не дождалось, пока мы встретимся, пока лже-лама не вытянет из меня неосторожных слов. Все это слишком неуклюже, чтобы быть правдой. Очевидно, за кем-то из нас следили и, выяснив, что мы как-то связа-

ны, решили арестовать. В таком случае должен быть арестован и этот бурят. Наконец, последнее время мы часто оказывались рядом, а это тоже могло внушить подозрение...»

Брякнул бронзовый замок, и дверь, скрипя, отворилась.

— Здравствуйте, господин пандит. Рад вас вновь видеть у себя, — сказал, входя в комнату, лама в черной тоге.

Пандит сразу узнал его.

— Вот уж не думал, что вы станете прибегать к столь недостойным методам, святой отец, — сказал он.

— Вы тоже обманули мое доверие, господин пандит.

— Зачем вам понадобилось это похищение, эти носилки? Неужели...

— Я выдам вас китайской администрации, господин пандит, — перебил его черный лама, — если вы не расскажете мне о себе все. Не кажется ли вам, что роль агента несколько не вяжется с вашей глубокой ученостью и утонченным гуманизмом?

— Вы ошибаетесь, святой отец, я...

— Для вас я уже не лама! — повысил голос японец. — Я самурай и слуга императора! Если вы не дадите нужных мне сведений, то завтра же вас передадут в руки амбаня! Надеюсь, мне не надо объяснять, что с вами сделают китайцы?

— Не надо запугивать меня, господин самурай. Вы слишком тонкий человек, чтобы не понимать этого. Ни угрозой, ни пыткой вы не узнаете от меня больше, чем я захочу сказать. Вы же знаете, что я сам смогу остановить свое сердце. Давайте говорить как здравомыслящие люди. Однажды мы сумели договориться...

— Однажды я просто пощадил вас... Хорошо, давай-

те говорить как разумные люди. Мои агенты поторопились схватить вас и этого русского.

— Он русский?

— Вы знаете лучше меня, кто он.

— Я скажу вам всю правду. Этот человек слишком часто появлялся на моих путях, чтобы я мог его не заметить. Сначала я решил, что он следит за мной. Потом понял, что он выполняет какую-то миссию. Тогда я решил встретиться и поговорить с ним. Очевидно, это навело вас на его след, и вы, решив, что мы связаны, предприняли эту акцию. Она неразумна, святой отец.

— Допустим. А зачем вы решили встретиться?

— Чтобы, по меньшей мере, не мешать друг другу.

— Довольно, господин пандит! — Японец раздраженно махнул рукой. — Я по горло сыт разговорами о гуманизме. Я обращаюсь к вам как разведчик к разведчику: мне нужны доказательства, что вы не связаны с русской секретной службой. Вот и все. Либо я получу их, либо... Мне нет дела до того, как вы именуете свою миссию, но она на этом закончится. Вы понимаете меня?

— Я не разведчик, святой отец, по крайней мере не такой, как вы, но я понимаю вас. Боюсь только, что, кроме честного слова, у меня не найдется других доказательств.

Раскрылась дверь, и в комнату вбежал молодой монах в такой же, как у японца, угольно-черной тоге.

Он что-то прокричал по-японски. Пандит разобрал только два слова: «англичане» и «сэнсэй».

Черный настоятель сразу же поднялся и, чуть наклонив голову, сказал:

— Я покину вас на некоторое время, господин пандит.

Японцы ушли, заперев за собой дверь...

Загрохотал замок, и в комнату Цэрена в сопровождении черного ламы вошел пандит. Он по индийскому обычаю сложил ладони на груди и поклонился, Цэрэн ответил на поклон.

— Садитесь, господа, — сказал по-английски японец, указывая на циновку, — я свел вас здесь не для допроса. Произошло событие, резко изменившее все мои намерения и планы. Надеюсь, что оно затронет также и вас. Только что получено известие, что английская армия перешла индийско-тибетскую границу.

Пандит тихо вскрикнул и беспомощно развел руками.

— Да, господа, — продолжал японец. — Несколько кавалерийских эскадронов и дивизион горной артиллерии движутся уже по дороге к Лхасе. Это вторжение! Артиллерия жестоко подавляет всякое сопротивление. Не сомневаюсь, что страна будет оккупирована. Китай вряд ли вмешается... Вы не ожидали этого, не правда ли, господа?

Цэрэн молча затряс головой. Пандит все так же беспомощно развел руками.

— И я, признаться, не ожидал, — японец опустил голову, — хотя ничего неожиданного тут нет. Все в порядке вещей. Теперь вся наша возня становится бессмысленной. Для меня, по крайней мере. Я не питаю к кому-либо из вас личного зла. Посему и отпускаю вас, господа... На свой страх и риск. Советую поскорее покинуть Лхасу.

Он встал. И они тоже поднялись со своих мест.

— Торопитесь, господа, — сказал японец, открывая дверь.

— А вы? Что будете вы делать, господин настоящий? — нерешительно спросил пандит.

— Мне надлежит сделать то, что положено япон-

цу, который не оправдал доверия своего императора, — спокойно сказал он, освещая им лестницу лампадой. — Прощайте, господа.

Они спустились во внутренний двор и длинной, как туннель, подворотней вышли на улицу. Над Лхасой уже занимался зеленый рассвет.

Они молча поклонились друг другу и разошлись. Цэрен поспешил к Цыбикову, который уже давно ждал его и, наверное, волновался.

Индиец же, сосредоточенно глядя себе под ноги, пошел куда глаза глядят.

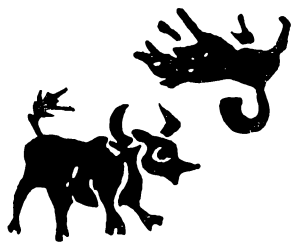
Он принял весть о вторжении как личное крушение. Нет, дело было вовсе не в том, что его обманули. Его никто не обманывал. Он знал, что по его следам рано или поздно пойдут солдаты, но не хотел этого знать. Пусть даже это не он, а те безымянные пандиты, которые побывали здесь до него, проложили дорогу горной артиллерии. Но что это меняло для него лично? Разве не взял он на себя определенную миссию, которую даже наедине с собой не решался назвать подходящим словом? И разве английский полковник снисходительно не подыграл ему в этом стыдливом умолчании? Тот самый полковник, который послал в Тибет его и еще многих до него и который ведет теперь на Лхасу войска...

Есть неумолимая логика поступков. Именно она, а не тайные благие желания людей, управляет событиями.

Все желания и все мысли, которые родились в тот день, когда он дал свое согласие, так и остались в нем. И так же молчаливо они умрут. Их просто нет для мира, поскольку они не воплотились в деяния. Но между той необратимой минутой согласия и страшной вестью о военном вторжении уже установилась беспощадная, ничем не прикрытая связь. И в том увидел пандит проявление неумолимой логики поступков, ко-

торые, как часто оказывается потом, противоречат первоначальным желаниям.

Когда взошло солнце, в небе закружился сухой колючий снег. С тихим звоном падали на холодную землю крохотные льдинки. Казалось, что где-то далеко-далеко, в пещере отшельника, звонит астральный колокольчик. Лхаса проспала последнюю мирную ночь своей истории. А бронзовые боги все улыбались неповторимой улыбкой отрешенности и всезнания.

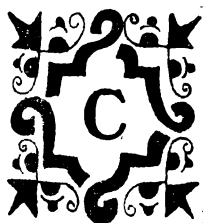

*Заросший, словно черный як,
В звериную закутан шкуру,
Идет брахман.
Но он — дурак,
А не святой и мудрый гуру.
В его глаза ты посмотри —
Там джунгли спрятаны внутри.*

Дхаммапада, XXV, 393

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

специалисты - тибетологи легко узнают в главном герое этого повествования реальное историческое лицо: Гонбочжаба Цэбековича Цыбикова, замечательного русского путешественника, успешно завершившего героические исследования Пржевальского, Козлова, Роборовского. Кто же тогда Р. Н.?

Цыбиков действительно встретил в Лхасе тайного агента англичан — индуса, о котором нет почти никаких сведений.

Англичане несколько раз засылали под видом паломников хорошо обученных индийских пандитов в не-

доступные области Гималаев. Наиболее известен среди них Сарат Чандр Дас, оставивший после себя интересные путевые дневники. Но Цыбиков и Дас посетили Тибет в разное время. Пандит Р. Н. выступает, таким образом, как своего рода собирательный образ. В лице пандита Р. Н. автор хотел показать особый род разведчика — высокообразованного и любознательного путешественника, так сказать, разведчика поневоле, что, конечно, не помешало английским колониальным властям провести детальную разведку дорог и послать военную экспедицию. Английское вторжение в Тибет состоялось через два года после путешествия Цыбикова, но как раз в тот момент, когда в Лхасе еще находился последний из разведчиков-индийцев — пандит М.

Дневники Даса и Цыбикова содержат ряд невосполнимых пробелов. Именно это обстоятельство и поставило автора перед проблемой логической реконструкции некоторых событий. Конечно, автор расспрашивал специалистов, рылся в архивах, даже совершил поездку по следам одного из своих героев. И все же главным его орудием по восстановлению утраченных звеньев повествовательной цепи было воображение — по сути, основное орудие писателя. И хотя автор исходил из характеров героев, конкретной исторической обстановки, опирался на многочисленные документы, все же только с помощью вымысла удавалось перебросить мосты через провалы незнания.

Есть, конечно, некоторая опасность в столь откровенных признаниях. У читателя может возникнуть соблазн провести слишком резкую и определенную границу между авторским вымыслом и исторической правдой. Так поступать не следует. Реальность иногда бывает более фантастической, чем любой вымысел, а фантазия позволяет воссоздать исторические события с большей полнотой, чем подробная летопись.

Итак, автор постарался показать читателю «закрытый» Тибет в кульминационный момент истории.

В 1904 году английская военная экспедиция пересекла границу Индии с Тибетом и вторглась в страну. Сопротивление слабой и плохо вооруженной тибетской армии было подавлено огнем горной артиллерии. Овладев перевалами, англичане взяли под контроль все дороги и начали наступление на Лхасу. Вскоре столица далай-ламы была оккупирована иностранными войсками.

Книга непосредственно подводит читателя к этому эпизоду. Это тоже не случайно. После оккупации маленькой свободолюбивой страны уже нельзя было говорить о «закрытом» Тибете. Военная экспедиция как бы подвела своеобразный итог многолетним исследованиям Тибета. И как бы ни обманывался на свой счет один из героев этой книги, пандит Р. Н., он, безусловно, облегчил путь английским войскам. Но для нас более существенно другое: пандит и бурятский лама были последними, кто видел Тибет перед оккупацией, наложившей роковой отпечаток на судьбу страны.

Поэтому вполне закономерно закончить повествование именно на этом событии. В заключение же автор может позволить себе напомнить основные вехи дальнейшей истории Тибета.

После оккупации 1904 года Тибет вплоть до 1950 года находился под британским влиянием. Правда, английские войска вскоре были выведены из страны, но британская миссия в Лхасе продолжала оказывать давление на тибетскую администрацию, которое подкреплялось внушительным числом батальонов на индийской границе.

Оторвав Тибет от Китая, англичане во многом продолжали следовать политике лхасских амбаней. Поскольку главное внимание англичан было обращено на политику царского правительства в Юго-Восточной Азии,

им было выгодно оставить Тибет закрытым для русских. Поэтому они не только не мешали традиционному тибетскому изоляционизму, но и поощряли его. Покоренный чужеземным оружием Тибет оставался практически закрытым для мира. Характерный исторический парадокс. «Небожители» продолжали существовать как бы вне течения мирового времени. 3000 ламаитских монастырей, в которых проживало 300 тысяч монахов — четвертая часть всего населения, — оставались форпостами изоляции и консерватизма. Страх перед обычными полицейскими мерами и ужас перед мучениями на том свете заставляли тибетцев кормить и обслуживать тех, кто избрал для себя путь святости и абсолютной праздности. Вся страна работала на лам и жила только для того, чтобы поддерживать их жизнь. Вся социальная система держалась только на суеверии. Больше всего боялись тибетцы перевоплотиться после смерти в какое-нибудь животное. Ужас перед таким перерождением заставлял их терпеливо сносить нищету и бесправие. Впрочем, кроме 300 тысяч монахов, в стране существовала еще одна реальная сила: 200 семей крупных феодалов, на которых работали десятки тысяч крепостных. Государственные должности занимали всегда двое: лама (он был главным) и представитель одной из семей.

Англичане сохранили этот порядок в неприкосновенности. Ничего не сделали они и для того, чтобы рассеять ужас перед «животным» перерождением. Границы Тибета продолжали охраняться столь же ревниво, как и при китайцах. Страну бережно оберегали от проникновения современных идей.

Так, уже в 1927 году (!), 20 сентября, в урочище Чунаркэн тибетские солдаты и кочевники-гологи задержали большую научную экспедицию, которую возглавлял Николай Константинович Рерих.

Напрасно Рерих посылал в Лхасу прошение за прощением. Ответа он не получал. А положение между тем становилось совершенно отчаянным. Надвигалась зима. Снежные бураны и разреженная атмосфера только усиливали действие ледящей стужи. Топливо давно сожгли, зимних палаток у экспедиции не было, а провизия подходила к концу. Вспоминая потом это страшное время, Рерих писал: «Кончались лекарства, кончалась пища. На наших глазах погибал караван. Каждую ночь иззябшие, голодные животные приходили к палаткам и точно стучались перед смертью. А наутро мы находили их павшими, тут же около палаток, и наши монголы оттаскивали их за лагерь, где стая диких собак, кондоров и стервятников уже ждала добычу. Из 102 животных мы потеряли 92. На тибетских нагорьях осталось пять человек из наших спутников...»

Только в мае 1928 года экспедиции разрешили продолжать путь. Но идти следовало в обход, через малоизученную область Великих озер, лежащую к северу от Трансгималаев.

Ничто не менялось и внутри страны.

Любая прогрессивная инициатива разбивалась о закореневшую общественную структуру. Никто не хотел никаких улучшений и рационализации. Общее благо никого не интересовало. Не подстегиваемый никакими событиями Тибет, казалось, безнадежно застыл в остановившемся потоке времени.

До 1950 года в Тибете не было ни светских школ, ни современных книг, ни газет. Презрение к европейской культуре считалось одной из величайших буддийских добродетелей. Оно было лучшей рекомендацией для занятия высших должностей. Во время второй мировой войны англичане попытались открыть школу, но она была быстро закрыта монахами.

Только британский гимн «God, save the Queen!»

(«Боже, храни королеву!»), военное обучение под руководством английских офицеров, пулеметы системы Брен и автоматы Стен заимствовали тибетские правители у современной цивилизации. Кроме того, американцы подарили далай-ламе радиостанцию.

Любопытно сравнить описание тибетских монастырей, сделанное путешественниками в начале века, с рассказом секретного агента Сикрет интеллидженс сервис Форда. Вот что писал Форд в 1949 году:

«Над городом материально и духовно господствовал монастырь. Он был самым крупным землевладельцем района, а арендаторы, которым сдавались участки, фактически были, как повсеместно в Тибете, его крепостными. Для того чтобы нанять слугу, мне пришлось испрашивать официальное разрешение у владельца поместья, на земле которого родился этот слуга.

В монастыре проживало две тысячи монахов, их обслуживало местное трехтысячное население, которое поставляло им все необходимое. Монахи не работали, можно сказать даже, что они решительно ничего не делали. Несколько женщин от зари до сумерек носили 16-литровые баки с водой на самую вершину холма. Жили эти женщины у подножия, рядом с радиостанцией, и я не мог высунуть носа за дверь, чтобы не увидеть их — они то поднимались на холм, то спускались с него. Тибетец выпивает в день по крайней мере 50 пиал чая. Если бы к тому же монахи еще и мылись, этот отряд женщин пришлось бы намного увеличить».

Одним словом, все оставалось по-прежнему, как во времена великого пятого далай-ламы. Даже дороги и перевалы этой недоступной горной страны. Вот что писала уже в июне 1956 года американская «Нью-Йорк геральд трибюн»:

«Туда (в Тибет) можно проехать также на машинах. В Гангтоке — на индийской стороне границы — их

частично разбирают, потом люди или животные на спинах переносят их через перевал, на высоте 5 тысяч метров, в Ягунг, находящийся в 70 километрах от Гангтока. Там машины собирают, и они по недавно законченной дороге следуют до Лхасы».

Но конец автономии Тибета положила китайская армия.

В январе 1959 года далай-лама бежал в Индию, где и живет по сей день.

Что же происходит в Тибете сейчас? Как и во всем Китае, там прошла «культурная революция». Не только в административных учреждениях и в частных домах, но и в храмах, и в монастырях повешены портреты «великого кормчего», «самого-самого-самого красного солнца». Божеские почести, которые оказывают человеку, превзошли уже любое раболепие перед божеством.

Коренное тибетское население разделило участь многих национальных меньшинств Китая: мужчин вывозят в другие районы, девушек насильственно выдают замуж за китайских солдат. Самобытная же тибетская культура постепенно уничтожается.

Познакомить читателя с интереснейшей культурой Тибета, с его изощренным искусством и многовековой историей — в этом автор видел главную цель книги.

На этом он прощается с читателем и желает ему благополучия: «Сарва мангалам».

СПИСОК ЧАСТО УПОТРЕБЛЯЮЩИХСЯ ТИБЕТСКИХ, КИТАЙСКИХ, МОНГОЛЬСКИХ И САНСКРИТСКИХ СЛОВ

- Абидарма — метафизическое учение о высшем разуме (*санскр.*).
Авалокитешвара — бодисатва (десятиликий Арьяболо, Львиногосый и т. п.). Далай-ламы считаются «перерожденцами» Авалокитешвары (*санскр.*).
«Авеста» — священная книга древних персов.
Аднбудда — создатель мира (*санскр.*).
Алун — серьга в виде кольца с бирюзой. Носят в левом ухе.
Амбань — китайский наместник.
Амдо — область, населенная преимущественно монголами.
Ани — монахиня.
Ара — китайская водка, спирт.
Аргал — сухой помет, служит для топлива.
Архат — отшельник (*санскр.*).
Арьяболо — см. Авалокитешвара.
Асана — поза (*санскр.*).
Ахимса — принцип, запрещающий причинять вред живому (*санскр.*).
Багаван — см. Будда.
Балины — символические жертвы из теста.
Банак — тангутская черная палатка.
Бардо — время между смертью и новым перерождением.
Бо (Бонь) — шаманство (*монг.*).
Богдыхан — китайский император.
Бодисатвы — класс буддийских божеств.
Бой — курительные свечи.
Бонь-по (Бон-па) — древняя религия Тибета, см. Бо.
Брама — один из верховных богов брахманистов (*санскр.*).
Брахманы — высшая каста индийских жрецов.
Будда — буквально «осененный истиной» (*санскр.*). Так стал называться Гаутама (Сидракха, Сакья-Муни) после просветления. По-тибетски — Чжу.

- Будды — класс буддийских божеств.
 Бхава-чакра — колесо жизни.
 «Бхагавад Гита» — священная древнеиндийская поэма.
 Бутии — племя.
 Ваджра — священный жезл, символ грома.
 Ваджрапачи — последний из пантеона 1000 будд. Изображается с ваджрой.
 Ван — князь (*монг.*).
 Веды — древние санскритские тексты.
 Вишну — бог созидания (*санскр.*).
 Виная — правила монашеской жизни (*санскр.*).
 Габал — чаша-череп.
 Гадам-побран — дворец в Ташилхуньпо.
 Гологи — кочевое племя.
 Гуань-инь — женское китайское божество, аналогичное Авалокитешваре (см.).
 Гуру — учитель (*инд.*).
 Гэлугпа — господствующая в Тибете «желтошапочная» секта.
 Гэсер-хан — легендарный герой монгольских и тибетских сказаний.
 Далай-лама — верховный лама, правитель Тибета.
 Дацан — религиозный центр, факультет.
 Джайнизм — религия в Индии, близкая к буддизму.
 Долма-Тара (Белая и Зеленая) — женское божество.
 Дорин — длинный камень, колонна.
 Дрилбу — священный колокольчик.
 Дун-ингши — придворный писец (*тибет.*), высокий чин.
 «Дхаммапада» — памятник раннебуддийской литературы.
 Дэмчок — страшное божество-хранитель.
 Еграи — племя.
 Ира — кушак.
 Кали — супруга Шивы, богиня смерти (*санскр.*).
 Кам — провинция Тибета.
 Ла — перевал (*тибет.*).
 Лама — буквально «выше нет» (*тибет.*) — монах.
 Лан — единица веса (*кит.*), равная 37,3 грамма.
 Ландарма — царь, гонитель буддизма.
 Лимбу — племя.
 Лин — дворец хутухту (см.).
 Линхор — круговой обход лхасских святынь.
 Лхамо, Палдан-Лхамо — страшная богиня, покровительница Лхасы.
 Майтрея — бодисатва, будда грядущего мирового периода (*санскр.*), Чжамба-Гонбо (*тибет.*).

- Манджушри — бодисатва, «милостивый Будда» (санскр.).
 Мандал — символическое изображение мира.
 Мани — молитва (санскр.).
 Мэньдон — священная стена.
 Мара — бог смерти, демон зла (санскр.).
 Махаяна — «великая колесница», направление в буддизме (санскр.).
 Мудра — исполненное смысла положение пальцев (санскр.).
 Мурва — просо (тибет.).
 Нагарджуна — основатель махаяны (см.).
 Нгарин — провинция Тибета.
 Накорпа — паломник (тибет.).
 Обо — священная куча камней (монг.).
 Орос — европеец (монг.).
 Падма-Самбава — проповедник буддизма в XI веке.
 Паньчэнь-лама — (паньчэнь-ринпочэ) — второй высший иерарх Тибета.
 Патра — нищенская чаша.
 Потала (Будала) — резиденция далай-лам.
 Ринпочэ — великая драгоценность (тибет.), хутухту (монг.) — «перерожденец» великого ламы.
 Рупия — индийская монета.
 Сакья-Муни (Шакья-Муни) — см. Будда.
 Салары — китайские татары.
 Санскара — цепь перерождений (санскр.).
 Секты: гелупка — господствующая;
 каргидпа; карма;
 нинма — старая красношапочная;
 сакья — красношапочная;
 сангоспа;
 сарбо — новая.
 Сронцан-гамбо — царь, легендарный основатель Лхасы.
 Субурган (ступа, чайтья, чортэнь) — буддийское культовое сооружение.
 Сутры — поучения Будды (санскр.).
 Сэрбум — золотая урна, куда кладутся билетки с именами кандидатов в далай-ламы.
 Тантра, — тарни-чжюд — мистическое учение.
 Тарни — см. тантра.
 Тулку — «перерожденцы» настоятелей крупных монастырей (монг.).
 Упанишады — древние санскритские тексты.
 Хадак — шелковый шарф для подношений.
 Хамбо — духовный глава дацана.

Хара-сульты — вид антилоп (*монг.*).
Хинаяна — «малая колесница», направление в буддизме.
Хутухту — см. риньпочэ.
Цандан — сандаловое дерево.
Цзамба — поджаренная ячменная мука.
Цзонхава — реформатор буддизма в Тибете.
Цинпонь — китайский чиновник.
Чан — тибетское пиво.
Чжу — см. Будда.
Чойчжоны — страшные духи, хранители учения.
Чох — китайская медная монета.
Шакти — женское божество.
Шакья-Муни (Сакья-Муни) — см. Будда.
Шэньрэзиг — см. Авалокитешвара.
Шива — бог разрушения (*санскр.*).
Юдам — охранительное божество.
Ямантака — страшный дух-покровитель.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Живой бог	9
Путь с юга	31
Колесница Махаяны	59
Путь с севера	79
За перевалом перевал, и путь далек до Лхасы	105
Опасен путь, стократ опасней подозренье	203
Тайны богов и тайны людей	283
Послесловие автора	309
Список часто употребляющихся тибетских, китайских, монгольских и санскритских слов	316

Парнов Еремей Иудович

БРОНЗОВАЯ УЛЫБКА. Докум. повесть. М., «Молодая гвардия», 1971.
320 стр. с илл. («Бригантина».)

P2

Редактор *С. Митрохина*

Художественный редактор *Б. Федотов*

Технический редактор *Н. Михайловская*

Корректоры *Э. Харитонова, Э. Федорова*

Сдано в набор 28/VI 1971 г. Подписано к печати 22/XI 1971 г. А013
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 10 (усл. 14) + 16 вкл. Уч.-изд. л. 15
Тираж 100 000 экз. Цена 55 коп. Т. П. 1971 г., № 229. Заказ 1369.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущева-
ская, 21

55 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ